

Андрей
Расторгцев



ДЕТИ ВЕЛПЕСА

Андрей Расторгуев

Дети Велеса

«Издательские решения»

Расторгуев А.

Дети Велеса / А. Расторгуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856406-2

Так уж повелось — ты убегаешь, за тобой гонятся... Но иногда догоняют. Вот и сейчас Аркашу настигли, но не где-нибудь, а в сказочном славянском мире, полным древних монстров и противостоящих им ведунов. И как теперь быть — ему и тому оперативнику, с которым он сюда попал? Чтоб ему провалиться еще дальше!..

ISBN 978-5-44-856406-2

© Расторгуев А.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	64
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дети Велеса

Андрей Расторгуев

Иллюстратор Александр Владимирович Соловьев

© Андрей Расторгуев, 2017

© Александр Владимирович Соловьев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6406-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая «Усмиритель нежити»

Глава 1

Лестницу Аркаша преодолел одним прыжком. Вихрем пронёсся мимо перепуганной администраторши и пулей выскочил из гостиницы.

Кругом темень, редко разбавленная светом фонарей. На дороге пусто. Ни единой машины. Оставив надежду поймать такси, Башка побежал по улице. Сзади хлопнула входная дверь. На бегу обернувшись, он увидел мчавшегося вдогонку Пырёва. Бандитов нет. Уже хорошо. Но и оперу попадать в руки не очень-то хотелось.

Он юркнул в подворотню и давай петлять между домами. Надеялся, что Пырёв потеряет его в бесконечном лабиринте переулков. Ночная мгла и полное отсутствие городского освещения мешали развить нужную скорость. Если бы не молнии, всё чаще озарявшие небо, вообще пришлось бы пробираться наощупь. Талый снег разлетался из-под ног мокрой кашей. В ботинках уже изрядно хлюпало. Весна, блин.

Угораздило же Аркашу припереться в гостиницу. Чего, спрашивается, туда полез? Понял ведь, с кем дело имеет. Ещё когда эти двое ввалились в кабинет, где он «вербовал» рабочих на золотодобывающие прииски, собирая с них по тридцать пять процентов от стоимости авиабилета до Магадана. Остальное, мол, фирма оплачивает. Короче, лохов окучивал.

Только-только последнего клиента выпроводил, с удовлетворением сложив полученные от него денежки в кейс, где накопилась уже довольно приличная сумма, как дверь снова отворилась, впуская невысокого светловолосого мужчину. Башка поспешил предупредить:

– Приём закончен. Приходите завтра.

Мужчина, казалось, не слышал. Прошёл, бесцеремонно плюхнулся на стул и, закинув ногу на ногу, выжидающе уставился на Аркашу. Следом, едва поместившись в дверной проём, втиснулся крепыш в короткой кожаной куртке и широких штанах. Он сложил толстые, похожие на брёвна ручищи на мощной груди, подперев плотно прикрытую дверь могучим плечом. Та, кажется, даже скрипнула жалостливо.

Нагловато-самоуверенный вид этих типов не предвещал ничего хорошего. У Аркаши похолодело внутри. Спасла привычка всегда держать себя в руках, что бы ни случилось. С показным спокойствием он вежливо произнёс:

– Граждане, извините, рабочий день закончился. Завтра утром я приму вас первыми. Без очереди, если хотите.

Сидевший на стуле медленно достал сигарету, прикурил от бензиновой зажигалки, эффектно щёлкнув крышкой. Глубоко затянувшись, выпустил густой дым Аркаше в лицо. Тот зажмурился, задержав дыхание. Вызывающая дерзость незнакомцев бесила. Но пока не ясно, кто это такие и зачем сюда явились, пришлось набраться терпения и ждать, просто наблюдая.

Парень у двери насмешливо скалится. Второй продолжает спокойно сидеть, дымя сигаретой, с шумом затягиваясь и бесцеремонно стряхивая пепел прямым на пол.

Белобрысый выглядит старше. Ему где-то под тридцать пять. Худой, но жилистый. Треугольное, скуластое лицо напоминает обтянутый кожей череп. Заострённый узкий нос, похожий на клюв. Бледные, совершенно бескровные тонкие губы. Их практически не видно. Рот – прямая горизонтальная щель, и только. Волосы слишком светлые, чтобы различить брови с ресницами на восковом лице. Маленькие колючие глазки буравят, вызывая непроизвольную дрожь.

Рот вдруг искривляется в хищной усмешке, лопааясь и открывая ровный ряд мелких и острых, как у акулы, зубов.

– Много бабок насобирал, бизнесмен? – с нежностью питона спрашивает бледный.

Аркаша мгновенно скорчил жалобную физиономию, промямлив с обидой в голосе:

– Да какой там. Разве ж это деньги? От силы человек пятнадцать согласились ехать. Не хотят люди менять привычный уклад.

Крепыш у двери противно гогочет, сверкая золотой фиксой. И вдруг выдаёт неожиданно сильным голосом:

– Ты, дядя, нам лажу тут не впаривай. Слышь, Череп! Давай я ему профилактику сделаю. – Хлётским шлепком совсем немаленького кулака о широкую ладонь он красноречиво показывает, что именно подразумевает под «профилактикой».

Надо же, а кликуха у этого Черепа на редкость подходящая. Сам бледный, точно покойник, улыбается одним оскалом, и взгляд какой-то... мёртвый, что ли.

– Тебе свои тридцать пять процентов отдали порядка сотни человек, – спокойно продолжает Череп. – А до Магадана путь не близкий, да и не дешёвый по нынешним временам.

Названное число оприходованных лохов почти соответствовало истине, что неприятно удивило. Значит, Аркашу «пасли». А раз так, то вполне вероятно, что перед ним всё же менты. Тщательная предварительная проверка с последующим задержанием вполне в духе оперов. Хотя, что-то слишком быстро для такой тщательности. Эти двое, пусть даже и знают много, явно поторопились. Похоже, обычные взяточники. Решили подзаработать на шантаже?..

А если из «братков»? Тогда просто исполнители. Шестёрки, работающие на авторитетного пахана, привыкшего сидеть у себя в роскошном особняке и загребать жар чужими руками. А раз так, то не самые умные.

«Ну, давайте, ребята, поговорите со мной. Раскройте свои карты».

Скорчив кислую гримасу, Аркаша запричитал:

– Вот именно, что не всем по карману самостоятельно добраться до Колымы. Поэтому наша фирма и оплачивает большую часть стоимости проезда. Мы бы и полностью оплатили, но пока не можем себе этого позволить. Вот и приходится включать в договор с работником такие условия... Да, согласен, они немного кабальные. Но ведь главное – доставить людей и начать работу, тогда и дополнительные средства появятся. А отсюда расширение производства, создание новых мест, увеличение найма рабочей силы, повышение квалификации работников. Возможно, даже связи с иностранными партнёрами. А это, как вы, наверное, понимаете, уже валюта...

Башка, что называется, мёл пургу, не особо задумываясь над словами. Пусть явная чушь, лишь бы не молчать.

Парень в дверях захлопнул раскрывшийся было рот, погасив блестящую фикса. Мотнул головой, прошёлся пятернёй по коротким, стриженным под ёжик волосам. Восхищённо хмыкнул:

– Во чешет, фраер.

– Короче так! – нахмурился Череп. – Я не собираюсь тут слушать твой гнилой базар. Если хочешь и дальше спокойно работать в городе, отстёгивай сто кусков. Если нет, я не дам и ломаного гроша за твою никчёмную жизнь.

Наконец, всё встало на свои места. Башка мысленно усмехнулся. Вот оно что – рэкет. Теперь он знал, как надо играть. Широко, насколько мог, распахнул глаза. Подпустив испуганные нотки в голос, жалобно проблеял:

– Вы... вы что! Откуда у меня... столько? Я и за месяц не соберу.

– Соберёшь, – зло бросил Череп. – Курице, которая не несёт яйца, отрубают голову. Мы придём в пятницу, в это же время. Бабки чтоб были.

Он встал и направился к выходу. Не открывая дверь, обернулся, ещё раз полоснув по Аркаше холодным взглядом:

– И не делай глупостей. Ты мужик, вроде как, умный, должен соображать. Не хотелось бы портить твой костюмчик.

Бросив окурок на пол, Череп растоптал его носком ботинка, после чего вышел из кабинета вслед за вторым парнем.

...От поспешной беготни, больше похожей на преодоление полосы препятствий, стало трудно дышать. Сильно мешал кейс, пристёгнутый к руке наручниками. Башка замедлился, перевёл дух. Звуков преследования не слышно. Заметив при блеске очередной молнии ещё один переулочек, свернул туда, прошел между тесно стоящими домами и через несколько метров упёрся в высокий бетонный забор.

Да, в тот раз ему повезло. Деньги, а главное здоровье, остались при нём.

Череп, конечно, не такая уж великая фигура, но связываться с ним совсем не хочется. За версту могильным холодом несёт. До сих пор мурашки по коже. Бр-р-р.

Решив, что пора собирать манатки да валить отсюда на все четыре стороны, Аркаша рванул напрямик в аэропорт. Билет удалось взять лишь на утро. В гостиницу вернулся ближе к полуночи – упаковать вещи и хорошенько выспаться. Змейки молний то и дело пробегали по тучам. Если зарядит дождь, то можно и проспять на погоду, а регистрация на рейс начинается рано.

Настороженный взгляд администраторши Аркаша проигнорировал, равно как единственного посетителя в холле. Тот сидел спиной к двери, внимательно наблюдая за входом через большое настенное зеркало, и только делал вид, что увлечённо читает журнал.

Администратор подозрительно долго искала ключ. Уже почуяв неладное, Аркаша хотел обернуться на быстро приближающиеся шаги. В этот момент его запястье сковали наручники, вторым браслетом пристёгнутые к заветному кейсу.

Подняв недоуменный взгляд на подошедшего, Аркаша узнал его и обомлел. Эта встреча не сулила ничего хорошего. Особенно теперь, когда на хвосте висел рэкет, а Башка торопился упаковать вещи, чтобы с утра навсегда покинуть этот злосчастный город.

Они слишком давно знакомы, чтобы пытаться друг друга надуть, разыгрывая какие-то роли. Соперник уж очень опытный. В своё время Аркаше долго удавалось водить его за нос. Но тот учился на своих ошибках. И чья, скажите, в этом заслуга? Опять же Аркашина. Ведь по сути он провёл полноценный ликбез родной уголовке. По крайней мере, одному из её служаек, самому надоедливому. Взрастил, можно сказать, настоящего профессионала из неопытного, туго соображающего оперка. Иначе как объяснить эту встречу с нагло ухмыляющимся Пырёвым, капитаном из управления уголовного розыска УВД области, который охотится за Башкой вот уже несколько лет кряду. Всё больше безуспешно, само собой. С кем, с кем, а с ним свидеться хотелось меньше всего.

Ехидная улыбочка блуждала по худому, небритому лицу преследователя. Тёмные глаза с высоты почти двухметрового роста насмешливо изучали более низкого Аркашу, заставляя того чувствовать себя мелкой букашкой в лапах огромного паука.

– Стас Петрович, – после ошеломлённого молчания с деланным умилением проблеял аферист, более-менее приходя в себя. – Сколько лет, сколько зим! Вы какими судьбами в этих краях?

– По твою душу, Башка, – ласково, в тон собеседнику, ответил оперативник.

Подцепив со стойки ключ, который администраторша, наконец-то, соизволила выложить, взял Аркашу под локоть и потянул к лестнице на второй этаж. По пути проговорил вполголоса:

– Давай, Башка, веди в свои апартаменты. Нам с тобой таки есть о чём покалякать.

В Аркашином «люксе» Пырёв усадил афериста на диван, сам устроился в кресле напротив. Хмыкнул, многозначительно глянув на кейс. Вид у него был довольный, как у кота после сметаны. Ещё бы – с поличным взял.

– Ну, рассказывай, Аркадий Сергеевич, как тут жил, чем занимался, – сказал с чувством явного удовлетворения.

– Щас, только разбег возьму, – зло бросил Аркаша. – Ещё явку с повинной написать предложи. Мне что, всю работу за тебя сделать? Дудки! Сам трудись.

Капитан скорчил недовольную рожу:

– Фу, какой грубиян. Ладно, так и занесём в протокол, что сотрудничать со следствием категорически отказался...

Дверь от сильного удара резко распахнулась и грохнула о стену. В номер быстро вошли двое. Вот уж кого не ждал увидеть сегодня. Вечерние посетители – Череп со своим напарником. Чего им опять-то понадобилось?

А интересная расстановочка получается: два бандита, мошенник и мент. И что теперь?

Увидев постороннего в номере, бандиты замешкались. Но лишь на миг.

Пырёв начал подниматься с кресла, явно намереваясь обуздать хулиганов. Однако парни, недолго думая, достали пушки, направив их на Аркашу и Стаса. Пырёва они, конечно, не знали. Человек он здесь новый, приезжий, засветиться нигде не успел. Тем более, одет в штатское, почти такое же, как и на вошедших. Боясь, что капитан выкинет какую-нибудь глупость – вроде предъявит своё удостоверение и потребует прекратить хулиганские действия, после чего парням не останется ничего иного, кроме как попросту пристрелить обоих, – Башка быстро заговорил:

– Стас... Стас, не дёргайся. Спокойно... – Затем повернулся к рэкетирам: – Чем обязан, молодые люди? Мы же с вами договорились на пятницу...

– Заткнись, гнида, – прошипел Череп, держа на мушке Аркашу. Второй бандит навёл пистолет на капитана. – Хотел слинять, не заплатив? Уже и билетик на самолёт прикупил. Я же тебя предупреждал... Бабки где?

Ого! Информированность у местного рэкета что надо. Не успел взять билет, а они уже в курсе. И адресок надыбали, и вломились оперативно. Да ещё и с самыми серьезными намерениями, на что недвусмысленно указывали тёмные стволы пистолетов.

...Ничего не понимающий Пырёв переводил растерянный взгляд с рэкетиров на спокойно сидящего на диване афериста. Когда эти двое ворвались и достали пушки, первая мысль, что пришла в голову, была о подельниках Башки. Явились, чтобы выручить своего товарища? Нет. Надо знать Аркашу. Он всегда работал один, стараясь не иметь никаких дел ни с оружием, ни с явной уголовщиной. Тем более, с такими отморозками. Вон, тычут стволами без разбору. Того и гляди, пальнут. Причём, и Аркаша под прицелом. Вряд ли это его люди. Тут ещё разговор о деньгах зашёл, из которого Стас понял, что Башка, по-видимому, задолжал этим громилам и хотел смыться из города с их деньгами. Но и такой расклад был для него совершенно нетипичным. Аферист никогда не брался разводить на бабки какие-то криминальные структуры. Хотя... Возможно, со временем он изменил своим принципам в силу неизвестных обстоятельств.

– А ты чё граблю-то к майдану прищипил? – подал голос тот, что поздоровее, кивая на кейс. – Слышь, Череп, у него браслеты на клешне.

Увидев наручники, белобрысый оскалил рот в некоем подобии улыбки. Склонился над кейсом и, рванув замки, откинул крышку. Взору предстали аккуратно сложенные пачки денег. Удовлетворённо хмыкнув, бандит снова захлопнул кейс. Ткнул пистолетом в наручники, коротко бросив:

– Где ключ?

Аркаша облизал пересохшие губы.

– В правом кармане, – прохрипел сухим горлом.

Чтобы залезть в карман его плаща, Черепа пришлось наклониться ниже. Он лишь на мгновение ослабил внимание, и Аркаша тут же этим воспользовался. Не хотел, похоже, расставаться с деньгами. Что есть мочи, двинул Черепа углом кейса по голове. Тот как стоял, согнувшись, так и повалился на бок. А Башка, вскочив с места, бросился к выходу.

Краем глаза успел заметить, как Пырёв ловко перехватил руку с пистолетом второго бандита, вырвал оружие и рукоятку наотмашь саданул того в висок.

...Куда идти, направо или налево? Секунду подумав, Башка прикинул, что слева находится частный сектор, там не затеряешься, поэтому свернул направо, идя вдоль забора. Вскоре в нём обнаружилась прореха, где не было нескольких плит. Это позволило проникнуть за ограду.

Большая, но давно заброшенная промышленная зона – вот что здесь было. Поросшая густым засохшим кустарником земля. Пустые покосившиеся корпуса без окон, пара недостроенных и навсегда оставленных в таком виде зданий... Кажется, Аркаша что-то слышал об этом месте... Ну конечно, местные называют его «Плешь». Совершенно безлюдный участок. Никто ничего здесь не охраняет. Даже вездесущие бомжи не рискуют селиться.

Что бы там ни было, а стройка – идеальное убежище, где можно спрятаться и переждать ночь. Аркаша обошёл недостроенное здание в поисках входа. Увидел длинную широкую доску, прокинутую от земли к балкону первого этажа, дальний конец которой тонул во мраке пустого дверного проёма. Пошел по ней. Попробовав пересечь помещение в кромешной тьме, дважды едва не свалился на строительный мусор и больно ударил ногу. Выставленной вперёд свободной рукой упёрся в шершавую стену. Вопреки ожиданиям, кладка оказалась тёплой. Не обратил бы на это внимания, не начни стена быстро нагреваться, словно уют, включенный в розетку.

Аркаша поспешил отдёргнуть руку. Там, где он только что прижимал свою ладонь, прямо на стене, сияла точка, излучая слабый голубоватый свет. Она медленно росла, принимая выпуклую, округлую форму. Светилась всё ярче, постепенно разгоняя царившую мглу. Стали различимы боковые стены, потёки раствора, скрепляющего кладку, разбросанные в беспорядке по бетонному полу кирпичи, доски, поддоны, кучи песка и щебня.

И вот перед Аркашей уже огромный шар, изливающий в пространство ровное голубое сияние. Нижним сводом он касается пола, а его верхняя часть высится над головой почти на метр. Зрелище не для слаонервных.

Башка замер, уставившись, как замороженный, на непонятное зрелище. Шар перестал расти. Светил ярко, хоть и не слепил глаз. Ровно, без пульсаций.

«Шаровая молния, – мелькнула мысль. – Но какая здоровенная!»

Ещё с детства он усвоил, что шутки с этой штуковиной заканчиваются плохо. Если где-то на неё нарвался, стой, не шевелись, авось и она тебя не тронет. Он и стоял, как вкопанный, боясь даже дышать, поражённый размерами шара. Вспомнился случай с весельчаком. «Вот если грохнет!..»

...Пырёв потерял Аркашу на одном из многочисленных разветвлений. Если бы не задержался у стойки администратора, втолковывая перепуганной женщине для чего ей нужно вызвать милицию, то настиг бы Башку в два счета, ещё до того, как он свернул с улицы в подворотню. Стас чертыхнулся, остановившись перед бетонным забором. Не зная куда бежать, стал прислушиваться к тишине города в надежде, что где-то раздадутся шаги улепётывающего Аркаши. Но кроме грозы не слышал ничего. И тут он увидел нечто совсем невообразимое.

В небе непрерывно, одна за другой, стали загораться молнии. Именно загораться, а не вспыхивать, потому что не гасли сразу, как обычно, а продолжали гореть, сплетаясь в единый клубок. Затем из клубка вниз ударил толстый жгут, да так и остался висеть кривым столбом, соединяющим небо и землю. Место, куда он угодил, было практически сразу за забором.

Там вспыхнуло, словно зажглись сотни прожекторов. Справа из прорех в заборе вырвался голубой свет, указав те места, где ограду можно обойти. Грех не воспользоваться такой подсказкой.

Подобравшись к этому месту, Пырёв осторожно выглянул из-за плит. Жгут из молний пробил стоявший невдалеке недострой. Весь первый этаж был залит ярким голубым свечением. На его фоне, в одном из дверных проёмов, вырисовывалась хорошо знакомая фигура человека в плаще и с кейсом. Башка стоял спиной к Пырёву, что-то увлечённо разглядывая в глубине помещения.

Вот он, гадёныш! Пырёв кинулся к зданию. Благо вся территория вокруг теперь освещена. О природе этой подсветки он перестал думать сразу, как только увидел свою потерянную цель. Дверной проём стремительно приближался. Аркаша не двигался. Вот и хорошо, пусть стоит, ждёт...

Заметив доску, служившую мостком, капитан побежал по ней. Вдруг сзади раздались хлопки. Выстрелы! Пули высекли несколько искр в стене рядом с дверным проёмом, куда направлялся Пырёв. Бросив быстрый взгляд за спину, заметил белобрысого бандита, получившего кейсом по голове. Он быстро догонял, на ходу стреляя из пистолета. Не особо прицеливался, иначе давно бы, наверное, в кого-нибудь попал.

«С этим разберусь после... Сначала Башка... Не то свалит опять».

Стас буквально влетел в здание, услышав ещё один шлепок пули о стену. С разбега прыгнул Аркаше на спину, чтобы повалить, убрирая с линии огня...

...Башка, чьё внимание всецело было приковано к необычному зрелищу, оказался неготов к нападению. Попытался устоять на ногах, сделав три быстрых шага вперёд. Не помогло. Падая, он с ужасом увидел, что валится напрямиком в светящийся шар.

Ждал чего угодно. Удара о кирпичи, взрыва, электрического разряда или что похлеще...

Вопреки ожиданиям голова, плечи, а затем и всё остальное погрузились в вязкое, словно масло, вещество, прошли сквозь него и... вывалились по ту сторону стены. Пока плыл в «масле», испытал небывалые чувства, будто сердце свободно перекачивалось вверх-вниз по телу, кожа совершенно безболезненно слезла и выросла вновь, а зубы и волосы наэлектризовались и потрескивали, пропуская через себя мягкие волны слабо покалывающего тока. Думал, что потеряет сознание. Как бы ни так. Никуда оно не делось, всё это время цепко держа мозг в своих объятиях. Поэтому всё, что случилось потом, Аркаша воспринимал с поразительной чёткостью. Только вот рассудок, привыкший следовать здравому смыслу, отказывался верить в реальность происходящего...

Глава 2

Он кубарем катился с какого-то пригорка, шурша по траве разлетающимися полами плаща. Руками пытался остановить неуклюжее движение тела, но только громко шлёпал по земле пристёгнутым наручниками кейсом и продолжал катиться. Наконец, склон кончился. Аркаша ткнулся грудью и лицом в ровную поверхность. Ноги, повинувшись инерции, вознеслись над головой, но, побеждённые слабой гибкостью позвоночника и земным притяжением, упали обратно в траву.

Рядом на четвереньки приземлился Пырёв. Сразу вскочил, приняв боевую стойку. Торопливо закрутил головой, осматриваясь. Никого так и не увидев, злобно зыркнул на Аркашу, готовый немедленно наброситься и скрутить. Однако Башка продолжал спокойно лежать с видом побеждённого, широко раскинув руки, и краем глаза следил за капитаном.

Вдруг выражение лица Пырёва резко изменилось. Глаза уплыли в сторону, превратившись в удивлённо распахнутые плоскости. Он выпрямился, снова начав озираясь, уже более внимательно изучая местность. На вытянувшемся лице застыло бестолковое выражение. Ни дать, ни взять, заблудился человек, оказавшись в совершенно незнакомой части города, что ни на шутку его встревожило, если не сказать напугало.

«Бедный опер не знает, в какой стороне искать ментовку, чтобы оттащить меня туда и сдать», – это ехидство уже готово было сорваться с Аркашиных губ, да так и застряло на языке, стоило встретить странный взгляд капитана. Он казался – нет, он был! – растерянным. Таким беспомощным Башка не видел опера уже довольно давно, чуть ли ни с самой первой их встречи, когда ещё удавалось его лихо обставлять. Но между тем молокососом и нынешним матёрым волкодавом, которого уголовники, а с их подачи и сослуживцы – первые злобно, а вторые с уважением – называют не иначе как «Упырь», вряд ли теперь много общего. Что же такого могло случиться, чтобы Пырёв стоял, оцепенев, и бездумно таращился вдаль?

Аркашу как обухом по голове ударило. Вокруг действительно что-то не так! Это что-то буквально бросалось в глаза, но Башка упорно его не замечал. Или не хотел замечать. Возможно просто потому, что вряд ли его сложный аналитический ум воспринял бы окружающее, как объективно существующую действительность.

Они были совершенно одни на просторном поле, в какой-то низине, поросшей высокой зелёной травой и кустарником с распутившимися бутонами цветов. Это в начале-то марта?.. У горизонта темнели полосы леса и отдельные островки роц. Нет и намёка на город, словно асфальт, бетон, стекло, металл и прочие материалы, в которые он всегда одевает занятое собой пространство, бесследно испарились куда-то, освободив место мгновенно покрывшему всё вокруг живому зелёному ковру буйной растительности.

Похоже, единственным искусственным сооружением в этой местности был идеально круглый холм, одиноко торчавший посреди поля. На его плоской вершине, на небольшом расстоянии друг от друга стояли три каменные колонны непроницаемо-чёрного цвета. Квадратные, с идеально ровными гранями. По ним, по всей длине, плясали синие сполохи, будто в камнях жил холодный огонь, который то и дело вырывался наружу и начинал перескакивать из одной колонны в другую, образуя на краткий миг замкнутый треугольник из ярко-синих молний-сторон и тёмных каменных глыб-углов. Эффект электрической дуги. Зрелище захватывало своей необычностью и красотой. Аркаша смотрел на камни, раскрыв от удивления рот. Даже поднялся на ноги, чтобы лучше видеть. Именно с этой вершины они с Пырёвым только что скатились. А теперь стояли у подножия, глядя на устраиваемое кем-то светопреобразование.

Странность ситуации усугублялась ещё и тем, что в небе вместо ночных звёзд светило солнце. Хотя и низко над горизонтом, но тепло земле дарило щедро. Только вот пойми, прощальное оно или же наоборот, утреннее.

«Галлюцинация, не иначе... Или крыша поехала? – Аркаша зажмурился, потряс головой. – Кажется, пора завязывать с работой, а то так недолго и в психушку загреметь».

– Чертовщина какая-то, – нарушил молчание Стас. – Куда это нас занесло? И где, интересно, город?

– Ты тоже это видишь? – Башка опасно приоткрыл один глаз.

На пейзаж его жмурки никак не повлияли. Всё по-прежнему – поле, курган, солнце...

Горько вздохнув, Аркаша обречённо бросил:

– Одно хорошо – я не сумасшедший.

Недоверчиво глянув на него, Пырёв с подозрением спросил:

– Как мы здесь оказались?

– Я в такой же непонятке, что и ты, – пожал плечами Башка.

Пырёв посмотрел на курган. Задрав к небу глаза, произнёс задумчиво:

– Похоже, ночь мы провели на этом холме. Но кто-то же нас сюда притащил. Да ещё без сознания.

Капитан стал себя ощупывать, проверяя карманы и бормоча под нос:

– Так... вроде, не ранен. Голова тоже цела. Удостоверение, деньги, пистолет – всё на месте... Странно.

Он вынул из кармана связку ключей, посмотрел на них, потом на руку Аркаши, по-прежнему защёлкнутую наручниками. Кивнул на кейс:

– Ты бы содержимое проверил. Может, это твои гостиничные дружки почудили? На деньги позарились?

Осмотр кейса только добавил загадок. Всё было на месте. Совершенно сбитый с толку Пырёв стоял, тупо разглядывая связку ключей на раскрытой ладони. В другое время Аркаша непременно посмеялся бы над ним, видя столь дурацкое выражение лица. Но сейчас ему тоже не до смеха. Не укладываются в голове все эти странности. К тому же он уверен, что с момента появления шаровой молнии ни на миг не терял сознания. Может расписать события с точностью до сотой доли секунды. Но поверить в это...

– Что последнее ты помнишь? – спросил у Пырёва.

Тот, наконец, оторвал пустой взгляд от ключей:

– Чего?

– Вспомни последнее, что ты видел.

Наморщив лоб, Стас подвёл глаза к бровям.

– Кажется... светилось что-то перед тобой. Станный такой свет. Я прыгнул, мы повалились... Да, я думал, о стену долбанёмся, но вдруг очухался на траве, когда кувыркался с холма. Удара не помню. Наверное, тогда и отключился. А уж как мы тут оказались, убей, не пойму.

– Всё верно, – кивнул Аркаша с видом человека, которому известно много больше, чем остальным.

– Не понял... – Пырёв ткнул ему пальцем в грудь. – Кончай дурить и выкладывай, что с нами случилось...

Капитан готов был выслушать любую версию. Пусть даже излагает её самый отъявленный на свете лжец, который не раз в прошлом подтверждал эту репутацию. Но пустая, без единой мысли голова требовала хоть какую-то пищу для размышлений. Почему Башка не воспользовался его беспамятством, не стащил ключи и не отстегнул наручники? В крайнем случае, мог убежать и в них, не ноги же сковали. Ничего этого не произошло. Башка стоял здесь же, перед Стасом, с набитым деньгами кейсом. Разве только решил поиздеваться напоследок. Запудрить

мозги так, чтобы Пырёв сам его отпустил, да ещё и ускорение придал на прощание. «Нет, шалишь, брат. Посмотрим, какую песенку ты нам споёшь».

Однако Аркаша много разглагольствовать не стал. Просто развёл руками:

– А я сам хрен его знает, Стас. Помню то же самое, что и ты. Единственное могу добавить, что грохнулись мы с тобой прямиком в большую шаровую молнию. Ооочень большую.

Видя, что Пырёв с трудом воспринимает сказанное, Аркаша, насколько мог, расставил руки, демонстрируя размеры светившегося шара:

– Во какую здоровенную.

Похоже, Пырёв не очень-то поверил. Скептически склонил голову, и в глазах явная усмешка. Пыл у Аркаши сразу поубавился. Руки упали, хлопнув кейсом по колену.

– А других мыслей на этот счёт у тебя нет?

Безразличие и насмешка в тоне разозлили Аркашу. В сердцах он выругался:

– Да пошёл ты, Стас! Не вру я.

И отвернулся, уставившись куда-то вдаль.

Повисла пауза. Тишину нарушали только далекие крики птиц, стрекотание кузнечиков да легкий шелест ветерка в траве. От вечерней грозы не осталось и следа. Редкие обрывки туч разбросало по небу, в воздухе царила безмятежность и свежая прохлада.

– Ладно, – примирительно проговорил Пырёв. – Пойдём, посмотримся. Может, город где-то поблизости.

Он стал неуверенно подниматься на курган. Немного постояв, Аркаша поплёлся следом, опасливо поглядывая на колонны, торчавшие из вершины холма.

Синий огонь в камнях постепенно угасал, вспыхивая всё реже. Молнии между ними больше не проскакивали. Казалось, колонны притаились, решив подпустить к себе людей и сняв для этого свою энергетическую защиту. Но как знать, заденешь гладкую каменную грань, а она вдруг возьмёт да и шарахнет тебя током. Не даром же весь вечер молнии хлестали. Наверное, какая-то из них угодила сюда.

Стас не оглядывался. Ступал по склону, упорно продвигаясь вверх, словно его вовсе не интересовало, идёт ли за ним Башка. На вершине капитан вдруг остановился и резко присел в траву. Махнул Аркаше, чтобы тот сделал то же самое. Аферист предпочёл послушаться. Тихо, стараясь насколько это возможно не шуметь, на четвереньках подполз к Пырёву, подтянул кейс. Вполголоса спросил:

– Что такое?

В ответ Стас молча повёл подбородком, указывая на открывшийся вид внизу.

Там, от ближайшего подлеска, в их сторону бежал человек, странно переставляя ноги и неуклюже размахивая руками.

– Останься здесь, – буркнул Пырёв и, бесшумно раздвигая траву, стал пробираться вперёд.

Одежда бегущего изобилвала металлическими деталями, блестящими желтизной в косых лучах солнца. Его можно было бы принять за облачённого в полный доспех средневекового рыцаря, если, конечно, допустить существование такого. В следующую секунду стала понятна причина поспешного бегства незнакомца. Из лесной чащи появились два огромных волка, преследовавших его попятам. Они передвигались гораздо быстрее и должны были вот-вот нагнать свою жертву.

Пырёв больше не раздумывал ни секунды. Вскочил и понёсся навстречу беглецу, выхватывая оба пистолета – свой табельный из кобуры и отобранный у бандита трофейный из-за пояса. Но даже лети он на крыльях, всё одно не успел бы опередить хищников. Увидел, как те настигли человека, набросились на него с двух сторон и сбили с ног.

Завязалась борьба. По траве катался сплошной клубок из шерсти, металла, мелькающих клыков и когтей... Раздался душераздирающий скрежет. Вот, значит, для чего нужны доспехи – защита от волков. Нелепо, но пока действует.

Уже оказавшись рядом, поднял пистолеты. Звери увлечённо грызли добычу, пытаюсь выколупать её из панциря. На Стаса ноль эмоций. Взвев курки, тот выстрелил почти в упор. Дважды из каждого ствола. От первых пуль волки дёрнулись. Вскинули морды, резко повернув оскаленные пасти. Ну и ну, вот это зубки!..

Одна зверюга успела даже шагнуть к Пырёву. Поздно. Кровь уже всю хлестала из ран. Да и опер был начеку, мгновенно проделав ещё по дыре в косматых шкурах. Не даром ведь слыл в Управлении лучшим стрелком. Волчи туши грузно повалились в траву.

Обойдя место схватки, Стас на всякий случай пальнул в широкие лобастые головы. По разу в каждую. Слишком живучие твари попались. Контрольный выстрел не помешает.

Обладатель доспехов, придавленный телом зверя, лежал на спине. Никаких признаков жизни. Впрочем, убедиться в этом, пока не снимешь защиту, проблематично.

Убрав пистолеты, опер вцепился в ещё тёплую шкуру. В нос ударил резкий запах псины. Стараясь дышать ртом, попробовал оттащить мёртвого хищника. По габаритам тот, похоже, ничуть не уступал медведю. И такой же тяжёлый, заррраза...

С трудом отвалив его в сторону, капитан склонился над беглецом.

Жёлтый металл закрывал всё тело, не оставляя незащищённого места, и пестрил глубокими царапинами и вмятинами. Цилиндрический шлем провернут. Смотровая щель, похоже, вжата в землю. Стас подёргал его, пробуя снять. Не вышло. Пристегнут, что ли? Завидная предусмотрительность, иначе головы бы уже не было.

Начал осторожно поворачивать. На этот раз шлем поддался легко. Где-то здесь должна быть смотровая щель... «Еп-понский бог!».

Никакой смотровой щели не было и в помине. Вместо неё на шлеме оказалось... лицо с оптическими линзами, острым носом и прямоугольным ротовым отверстием с мембраной, видневшейся за крупной сеткой.

– Ни хрена себе! Робот! – раздался над плечом голос Башки. Он тоже подошёл к месту побоища и стоял сзади, разглядывая «железного человека».

– Уверен?.. Откуда здесь робота взяться? Может, всё-таки там, внутри, человек?

– Ага, только с манипуляторами вместо рук и ходулями вместо ног, как у Робокота! У того хоть лицо человеческое было...

Действительно, Пырёв только теперь заметил, что руки и ноги существа тонкие, цельно-металлические, с множеством хитроумных шарниров там, где у живого человека должны располагаться суставы. А принятый за шлем цилиндр сам по себе и есть голова.

– Спасибо, что помогли, – раздался неожиданно громкий механический голос.

Пырёв от испуга подскочил. Не удержавшись, плюхнулся задом на траву. Боязливо попятился и Аркаша.

– Меня зовут Медяник, – продолжал вещать робот.

Он приподнялся на руках. Неестественным для человека движением завёл под себя тонкие ноги. Выпрямив их, принял вертикальное положение. – Рад с вами встретиться. Это вы ступили в Капище?

– Какое капище? Ты кто... или что? – Пырёв бестолково задавал вопросы, не в состоянии отделаться от ощущения, что разговаривает с кухонным комбайном.

– Значит, объясняю подробно, – не стал возражать робот. – Моё имя Медяник, потому что сделан из меди. Хозяева зовут просто Митька. Сделал меня кузнец Ставр, чтобы я, значит, рубил в лесу дрова и носил их в кузню.

С этими словами Медяник открыл в боку небольшой лючок, залез туда рукой-манипулятором и достал топор. Покрутил инструментом перед носом людей и запихнул обратно в туловище.

– Давеча он отправил меня по дрова. Рублю я их, значит, неподалеку и вижу, поднимается в небо огненный столб. Прямо с того места, где Капище. Ну и пошёл взглянуть, что за народ тут балует. Только встретил по пути двух энтих вот волколаков. Те и напали. Спасибо вам, чародеи, что поразили их громом. Ставр тоже будет вам благодарен. Я слишком хороший помощник, чтобы не сожалеть о моей пропаже. Наверяд ли у него получится второй раз такой же, как я.

– Скромность не входит в твои технические характеристики, – бесцветным голосом, чисто на автомате произнёс Пырёв.

– Да вы что! – вдруг взвился дровосек. – Думаете, я вру? Мне Ставр сам о том сказывал. Пойдёмте к нам, сами от него всё узнаете.

Аркаша нервно хихикнул, решив, что лучше смириться и спокойно принять своё сумасшествие, чем безуспешно с ним бороться, провоцируя рецидив. Ну, испарился вдруг целый город со всем его населением. Ну, выкинуло их двоих куда-то за пределы реальности. Ну, встретился робот с завышенной мерой самооценки в дикой, совершенно не соответствующей уровню создавшей его технологии местности... И что? Всё хорошо, жизнь продолжается. Все веселы и довольны. Только бы пожрать чего. Может, хоть кузнец этот накормит. Со вчерашнего дня в желудке пусто.

Медяник тем временем решительно поднял Пырёва и толкал в спину, заставляя идти по тропинке, недавно оставленной в траве самим дровосеком и его преследователями. Когда люди зашагали более-менее ровно, не делая попыток остановиться, он забежал вперёд и стал показывать дорогу.

Улучив момент, Аркаша приподнял в руке свой кейс, потряс перед Стасом:

– Может, отстегнёшь меня от этой штуки?

– Ещё чего. Это твой крест. Будешь нести его по жизни, пока я лично не препровожу тебя в кутузку. Сам наворовал, вот сам теперь и расхлёбывай.

К обители кузнеца идти пришлось километра два по извилистым лесным тропам. В глубине чащи исполинские деревья стояли плотным строем, полностью закрывая небо сомкнутыми кронами. Переплетённые между собой нижние ветви создавали непролазные дебри, в которых Аркаша с Пырёвым непременно заблудились бы, не пройдя и трёх шагов. А «медный дровосек», как между собой они окрестили Медяника, чувствовал себя в лесу, как дома. С грацией лани, не свойственной металлическому туловищу, лавировал между деревьями, игнорируя ветки, хлещущие людей по лицам и норовящие ухватить за одежду и волосы. Ещё бы, ведь подобные проблемы его совершенно не волнуют.

Всю дорогу механический голос дровосека оглашал округу, без усталости выдавая информацию о семье кузнеца, к членам которой Медяник причислял и себя. Хвалебные дифирамбы в адрес создателя сменялись не менее хвалебными рассказами о его жене, двух дочерях и непосредственном авторе этих речей, «самом главном и незаменимом помощнике». После нескольких вопросов, умело вставленных Пырёвым в редкие паузы словесного недержания рассказчика, стало понятно, что кузнец живёт с семьёй не в каком-то городе или деревне, а держит отдельный двор на отшибе. Там же и работает, изготавливая оружие, инструменты и различные полезные в хозяйстве вещи, которые потом обменивает в городе на еду, мебель и «всякие там тряпки». Часто покупатели сами едут к Ставру со своим товаром, чтобы приобрести что-нибудь или заказать какую-то понадобившуюся вещь. Особенно славился кузнец, как искусный оружейник. Охотники, ведуны, купцы – все с удовольствием берут выкованные им клинки, наколочки для стрел, инструменты и доспехи...

Когда головы людей начали гудеть от изрядного количества выплеснувшихся на них невероятных сведений, а ноги устали от быстрого передвижения по пересечённой местности

за неутомимым проводником, остановились на привал. Пырёв с Аркашей молча переваривали услышанное, с ужасом понимая, что нигде в России давно не существует мест, какими бы дикими и непролазными они не были, где кузнецы всерьёз куют холодное оружие и примитивные орудия труда, пользующиеся широким спросом у местного населения. По крайней мере, не существует на Земле. Для Медяника понятие «страна» и «мир» имели одно и то же значение. Он утверждал, что есть и другие страны «за пределом тутошнего мира», но попасть туда невозможно. На мучивший людей вопрос, где же они находятся, был получен весьма расплывчатый и непонятный ответ:

– От кузни ведут лишь три пути: в Суматошьё, в Зареченск и в Полдневой. А позади нас ничегошеньки нет акромья диких мест. Там люди почти не живут. Нечисти слишком уж много. А ежели кто и встретится из людей, не лучше нечисти будет.

Названия не вызвали в памяти никаких ассоциаций. Упоминание нечисти только добавило вопросов. Оказалось, что к ним относятся всякие духи. В том числе, лесные – «не в лесу помянуты будут», – а также упыри, оборотни, змеи, волколаки и многие другие «тёмные создания». Получалось, что возле кургана Пырёв пристрелил двух мифических существ. Действительно, обычные волки по сравнению с ними и рядом не стояли. Волколаки гораздо крупнее, злее и сообразительнее. Только верилось во всё это с трудом.

Короткий привал дал отдых ногам, а вот голове отдыхать мешали тяжёлые мысли и непрерывная болтовня дровосека. Когда пошли дальше, его уже никто ни о чём не спрашивал. Только молча слушали. Он же продолжал вещать:

– А какая красивая у Ставра жена. Да вы сами увидите. И дочки тоже красавицы. Ему, конечно, хотелось мальчика, чтобы в кузне, значит, помогал. Но первой родилась Мила. Второй через несколько лет – Дара. Первая уж выросла, расцвела. Совсем как мать в молодости стала. А Мила ещё девчонка. Обе помогают матери по хозяйству. В кузне от них разве ж толк будет. Вот... А поскольку сыновей-то у Ставра нет, решил он сделать себе помощника, то бишь меня, немного другим, хи-хи-хи, способом.

Аркаша застонал. Хихикающий робот – явный перебор, учитывая всё пережитое за сегодня. Уставший от механической болтовни Пырёв злобно произнёс:

– Выключи радио, Митька. А то я сам принудительно настрою тебя на другую волну.

Неизвестно, дошёл ли смысл фразы до мозгов или микросхем дровосека, но минут на пять он заткнулся. Потом вдруг затянул какую-то залихватскую песню о том, как девица провожала в лес дружка, в то время, когда к ней уже спешил «ещё один милёночек с другого бережка». То ли Медяник действительно поймал другую волну, то ли это слово попросту вызвало в нём такую ассоциацию. Пырёв снова собирался было на него наорать, когда заметил, что лес кончается.

– Вот мы и дома, – констатировал Митька.

Вскоре они миновали последние редкие деревья и вышли на двухколейную дорогу. Обычная грунтовка, проложенная колёсами телег, животными и людьми, тянулась с запада вдоль кромки леса до протекавшей неподалеку небольшой речушки. Затем раздваивалась у невысокого холма, на вершине которого торчал огромный валун с высеченными непонятными письменами, служивший, очевидно, указателем. Один путь резко сворачивал на юг, упираясь в мост, и терялся на противоположном берегу в разросшихся кустах, а второй шёл параллельно речному руслу, убегая вдаль от заходящего солнца. На площадке, почти у самой развилки, раскинулся широкий двор. За глухим бревенчатым забором виднелись крыши жилых и хозяйственных построек. Двустворчатые, распахнутые настежь ворота вбирали в себя все три направления. Арку въезда украшал деревянный треугольник с медной чеканкой в центре, изображающей стилизованное солнце.

Миновав створ ворот, путники оказались на хорошо утоптанном дворе, посреди которого, сиротливо уронив на землю оглобли, стояла пустая двухосная телега. Рядом лежала

упряжь. В глубине двора высился добротный срубный дом с острой двускатной крышей и длинной, сложенной из камня, печной трубой. Из неё неспешно поднимался лёгкий седой дымок, тут же бесследно развеиваясь в светлом небе. Слева к дому жался большой столбовой пристрой с отдельным входом и несколькими аккуратно застеклёнными окнами. Очевидно, летняя кухня или веранда. Тут же ряд неуклюжих построек: сарай или амбар, конюшня, навес над штабелем дров, ещё что-то неопределённое. Одним словом, хозяйство. В правом дальнем углу двора небольшой каменный домик. Будто вжался в ограду. Из него доносился металлический звон, а из-под крыши валил густой чад. Судя по всему, это кузница.

Медяник гордо вышагивал впереди, до конца исполняя взятую на себя роль проводника. Едва пересёк двор, как навстречу ему из-за телеги выкатилась русоволосая девчушка лет двенадцати в простом коротком платьице, державшая в обеих руках по пустому деревянному ведру. Она сразу накинулась на Митьку, ругая его звонким детским голоском:

– Ты где это шляешься, нежить медная? Воды в дом натаскать надобно, дрова наколоть, а ты... И где, интересно, дрова?

Тут она обратила внимание на Пырёва с Аркашей, ойкнула и, выронив вёдра, быстро скрылась в избе.

Застигнутый врасплох дровосек неуверенно переступил с ноги на ногу, повернулся к людям и, как бы оправдываясь, прогудел:

– Энто Дара. В мамашу вся. Вот ведь бабы, от горшка два вершка, а туда же – дай на мужика покричать...

Входная дверь снова отворилась, и на крыльцо вышла стройная женщина средних лет с аккуратно собранными на затылке волосами. Хоть и видно, что не молода, но красоты своей не растеряла. Прямая осанка и длинный приталенный сарафан подчёркивали привлекательность фигуры. Влажный передник, о который хозяйка – а это, вне всякого сомнения, была именно она – неторопливо вытирала натруженные руки, плотно облегал бёдра. Внимательные глаза с любопытством скользнули по незнакомцам и остановились на Митьке. Во взгляде мелькнуло недовольство. Медяник тут же засуетился:

– Ну, я... энто... за Ставром схожу, пожалуй... Сейчас приведу его, значит...

Последнюю фразу он произнёс торопливой скороговоркой уже на бегу, поспешно унося ноги в сторону кузницы.

Укоризненно покачав головой ему вслед, хозяйка снова глянула на гостей.

– Здравствуйте, – почти в унисон произнесли мужчины.

Женщина прижала руку к груди, слегка согнулась в поясе, отвесив неглубокий поклон. На лице вдруг вспыхнула лучезарная улыбка.

– И вам не хворать, люди добрые, – ответила приветливо. – Откуда путь держите, и по какой надобности в наших краях?

Да, умеют женщины задавать такие вопросы, на которые мужчины и ответить толком не могут. Аркаша со Стасом как воды в рот набрали. А что говорить, если пока и сами не знают, где они сейчас, и куда им двигаться дальше?

Пауза явно затягивалась. Хозяйка терпеливо ждала, но, кажется, слегка нахмурила брови. К счастью, затих звон металла в кузнице, и оттуда показался Ставр. Невысокий, коренастый бородач. Толстая шея, широкие плечи. Мощные, перевитые тугими мускулами руки с кистями-лопатами. Поверх рубахи с закатанными до локтей рукавами накинута длинный кожаный фартук, стянутый в поясе. Волосы, лицо, руки и одежда – всё тёмное от копоти. Только глаза блестят, лучась живым, весёлым светом.

Вокруг уверенно шагающего кузнеца суетился Митька. Что-то втолковывал ему, то и дело перебегая дорогу да нелепо размахивая манипуляторами. Торопливую, сбивчивую речь дровосека удалось разобрать лишь под конец, когда Ставр подошёл и остановился возле жены:

– ...а зверюги энти как начали меня кромсать, все бока измяли да исцарапали. А тут чародей энтот... Вот, высокий... Как бабахнет по ним громом с молнией, те и померли. Ох, и страху же я натерпелся...

– Хорош брехать, – пробасил кузнец. – Сколь раз тебя волколаки утаскивали, проку им от того никакого. Только зубы с когтями обламывать. Всё одно бы бросили. А коли б сразу грудой меди прикинулся, а не забавлялся беготнёй, то и вовсе бы не тронули.

– Ага, прикинуться! Когда такая жуть берёт, ноги сами несут, меня особо не спрашивая.

Кузнец отвёл от Митьки насмешливый взгляд и уже серьёзно посмотрел на Пырёва, тихо спросив:

– Волколаков далеко от кургана зашиб?

– Метрах в ста или ста пятидесяти.

Ставру эти цифры, судя по выражению глаз, не говорили совершенно ни о чём. Он что, впервые о метрической системе слышит? В какую же глушь их занесло? Капитан помялся, перебирая в памяти более старые меры длин. Единственное, о чём он имел хоть какое-то представление, это верста. Кажется, она раз в десять больше того расстояния, что нужно указать. И как её прикажете делить? Здесь познания Пырёва заканчивались. Но выход всегда есть. Прimitивно посчитав шаги, Стас уточнил:

– Примерно двести шагов от кургана.

– Хорошо, – Ставр, казалось, облегчённо вздохнул. – А то не хватало нам жертвы нежитью приносить.

Он широко улыбнулся и прогудел низким голосом:

– Ну, будем знакомы. Митьку-Медяника, помощничка моего, значит, уже знаете. Меня Ставром кличут, кузнец я. Энто хозяйка моя, Лада, и дочурки наши, Милана и Дарина... Где вы, проказницы? А ну, покажись гостям.

На крыльцо вышли хозяйские дочки. Старшая – вылитая мать, только моложе. Стройная, гибкая, со всеми девичьими прелестями на положенных местах. Красавица стояла, скромно потупив взор, и тонкими пальчиками теребила перекинутую через плечо тугую косу. Младшая, Дара, опасно выглядывала из-за Милы, крепко вцепившись в подол её платья. Дёргала его и возбуждённо шептала сестре:

– Видишь. Я ж говорила, чудные они. И одеты не по-нашенски.

– Станислав, – коротко представился Пырёв. Показывая на Башку, добавил: – Это Аркадий. Мы с ним... путешествуем.

– Ну да, – нервно хохотнул Аркаша. – Пришельцы мы с Земли. Путешествуем по мирам.

При этих словах Мила вскинула голову, испуганно уставилась на отца. Младшая дочь замерла, перестав дергать подол. Жена Ставра повернула к мужу напряжённое лицо. Кузнец прищурился, что-то прикидывая в уме. После такой своеобразной минуты молчания задумчиво произнёс:

– С Земли, значит. Ну, что ж, энтото следовало ждаться. Капище Велеса открылось.

– Что значит «открылось»? – не понял Стас. – О каком Капище, в конце концов, речь?

– Курган и есть Велесово Капище или, как его ещё называли, Привход Небесных Врат.

– Вон как оно открылось! – заорал вдруг Митька, указывая рукой куда-то вверх, за спины гостей. – Я тогда в лесу такой же столб видал.

Аркаша со Стасом обернулись. Позади, над горизонтом, творилось нечто невообразимое. На небольшом участке неба сгустились плотные тучи, образовав крутящуюся воронку. В неё, прямо в центр, ударила огромная вертикальная молния, вдруг выросшая откуда-то из глубины леса. По тучам в разные стороны побежали тонкие змейки разрядов.

Молния, бьющая снизу вверх? Поразительно!

Она неожиданно быстро вобрала свой извивающийся хвост, покрыв всю воронку, от центра до краёв, густой светящейся паутиной. Вырвалась за её пределы яркими, частыми нитями

и пропала в окружающем пространстве, породив запоздалый громовой раскат. Вращение туч замедлилось. Они стали распадаться на отдельные рваные клочья, лениво поплывшие по небу – прочь от места недавней скоротечной стихии, оставив о ней лишь захватывающее дух воспоминание.

– Вот это да! – вырвалось у Аркаши. – И часто тут у вас такие салюты пускают?

Ставр, продолжая наблюдать за разбежавшимися облаками, процедил:

– Да нет. На моей памяти впервые. Надо же, дважды за день. Не к добру энтю. А ну, любезные, давайте-ка в дом. Надо обстоятельно поговорить.

Повернувшись к женщинам, кузнец незлобиво прикрикнул:

– Чего рты раззявили? Марш на стол накрывать, гостей привечать будем. Дарка, мне умыться надобно, воду полей.

– Воды для мытья нету. Пусть Митька сходит, он и польёт. А я помогу на стол собрать. Народу-то вона сколько.

Сказав это, маленькая Дара подхватила с земли ведро и, быстро сунув его Медянику, скрылась в доме вслед за матерью и сестрой. Митьке ничего не оставалось, кроме как топать к речке. Да он и не возражал. Подняв другое ведро, двинулся к воротам своей необычной вихляющей походкой и вскоре скрылся за оградой.

Стянув через голову фартук, Ставр повесил его на перила. Митька быстро вернулся с доверху наполненными вёдрами. Странно, как он умудрился воду не расплескать при такой-то скорости? Следом за фартуком на перила отправилась долгополая рубаха, обнажив массивный торс кузнеца. Медяник стал неторопливо поливать согнутую спину и кудрявую голову Ставра. Тот, играя мускулами и пофыркивая, основательно смыл копоть, израсходовав при этом всю воду из обоих вёдер. Обтёрся чистым полотенцем и надел свежую рубаху, которые заранее приготовила заботливая хозяйка.

Посвежевший, с весьма довольным видом он пригладил бороду и слегка помпезно произнёс:

– Ну что, гости дорогие, добро пожаловать к обедне. Отведаем, чем бог послал, а там и поговорим.

Миновав большие сени, Аркаша с Пырёвым оказались в довольно просторном помещении. Длинный прямоугольный стол в центре с приставными скамьями по бокам. В правом углу пышит жаром самая настоящая русская печь, больше похожая на паровоз. На такой, наверное, катался Емеля в сказке «По щучьему велению». Вдоль стен тянутся широкие лавки, охватывая, в том числе, и каменные бока печи.

Женщины уже закончили сервировать стол простенькой глиняной посудой, раскладывая по тарелкам дымящуюся, обильно приправленную маслом кашу. По чашкам разливали молоко из глиняных же крынок. Только ложки были металлическими. Оно и понятно, кузнец не сапожник, деревянной ложкой не кушает.

Хозяева и гости расселись по две длинные стороны стола и приступили к еде. Мужчины напротив женщин. Ели молча. Ни тебе этикета, ни вполне ожидаемых молитв. Аркашу это, впрочем, обрадовало. А то оголодал изрядно, и теперь безо всякого стеснения орудовал ложкой настолько быстро, насколько часто мог раскрывать набитый рот без опасения, что каша начнёт вываливаться. Частил и Пырёв, хотя думал, что сдерживается – сбивала с толку скорость Башки.

Каша оказалась на редкость вкусной. Никто из гостей даже не понял, из чего её сделали, когда проглотили по первой порции. Им тут же предложили добавку. Никто не отказался. Вторую порцию ели уже не спеша, наравне с хозяевами, давая организму вволю насладиться ощущением сытости.

Допивая молоко, Пырёв заметил, что к столу вразвалочку подходит невесть откуда взявшийся невысокий старичок, так заросший волосами, что с трудом удавалось рассмотреть его

сморщенную физиономию. Наверное, отец семейства. Вон, и порция каши с молоком сдвинута на край стола, как специально для него. Странно, что ни Медяник, ни Ставр не проронили о нём ни слова.

Дед, не притронувшись к еде, вдруг уставился на Стаса. Маленькие глазки недовольно блеснули из-под копны спадавших на лицо волос. Капитан сколь угодно долго мог играть в гляделки, но, вовремя заметив, что на старика больше никто не обращает внимания, словно им здесь и не пахнет, решил отвести взгляд. Боковым зрением видел, что дедок продолжает на него пялиться. Пришлось изображать увлечённое ковыряние ложкой в пустой тарелке. До старика по-прежнему никому не было дела. Видимо, знали его странности. Только Стасу от этого не легче. Объектом своего внимания дед выбрал почему-то именно Пырёва и не сводил с него глаз. Чего надо-то?..

В конце концов, это стало надоедать. Пырёв повернул голову, твёрдо решив больше не отворачиваться. Нечего давать этому старикану повод чувствовать себя победителем пусть даже в такой полудетской забаве. Какое-то время они сверлили друг друга взглядами, потом капитан одними глазами изобразил вопрос: «Чего уставился?» Дед сразу стушевался, его взгляд потух, уплыл в сторону. На лице появилось скорбное выражение, сначала показавшееся забавным. Но затем старик, опустил голову, медленно повернулся и, так и не приступив к еде, сторбленный побрёл прочь. Пырёву стало неловко. Получается, он своими неосторожными действиями отвалил от обеда главу семьи. Сам-то сидит, жрёт. Гость называется! Вместо того, чтобы следовать местным правилам, полез со своим уставом в чужой монастырь.

Стас огляделся. Все заняты едой. Никто так и не посмотрел на старика, словно демонстративно его игнорировали. Бойкот ему здесь объявлен, что ли?

Между тем, с кашей было покончено. Женщины быстро собрали пустую посуду и, прихватив с печи бадью с тёплой водой, вышли на улицу, оставив мужчин наедине.

– Ну? – начал Ставр. – Наелись?

– Ага, – довольный жизнью Аркаша погладил себя по выпирающему животу. – Спасибо.

– Вот и ладненько. Теперича можно и поговорить ладком.

Втроем они пересели на лавку. Башка опёрся спиной о стену и, взяв инициативу в свои руки, начал рассказывать. Похоже, сытый желудок пробудил в нём красноречие. Вкратце, не вдаваясь в детали отношений с Пырёвым, аферист поведал историю о том, как они в мановение ока перенеслись из многолюдного города в совершенно пустую местность, где встретили «медного дровосека». Остальное Ставр уже знал от самого Митьки.

Слушал кузнец внимательно, не перебивая. Лишь после финального «вот и всё» начал задавать вопросы. В первую очередь попросил подробнее описать «шаровую молнию». Потом расспрашивал Пырёва о том, как выглядело свечение со стороны. Когда капитан принялся описывать удар молнии в недостроенный дом, Ставр прервал ещё одним вопросом:

– Она была такая же, как мы видели над лесом?

Секунду Стас подумал, сопоставляя эти два явления. Действительно, выходило, что те похожи во всём, кроме направления удара.

– Да... Только та шла сверху, а не снизу.

Ставр кивнул, словно соглашался с какими-то своими выводами, которые тут же решил озвучить:

– Вот что, любезные, прошли вы через открывшиеся Врата в Капище Велеса. Не ведаю никого боле, кому под силу их отпереть. Також не ведомо мне, почему Велес решил спровадить вас двоих сюда. Есть про то кое-какие легенды, но все их я не упомяну. Это не моего ума дело. Кузнец я, а не волхв... Сами-то чего делать надумали?

Обалдевший Аркаша помалкивал. Всё, о чём он смутно догадывался и во что до последнего момента отказывался верить, вдруг взяло и так запросто подтвердилось. Сам того не ведая, кузнец, не моргнув глазом, возвёл перед гостями глухую, непроницаемую стену

из одной-единственной проблемы, преодолеть которую казалось абсолютно невозможным. Без сомнения, он говорил чистую правду. Куда убедительнее всяких там слов была окружающая действительность.

Поверил, кажется, и Стас. Растерянно посмотрев на Башку, будто у того мог быть другой ответ, мгновенно всё понял. Отвёл взгляд и в отчаянии уставился в невидимую точку в полуметре от лица. Лишь минуту спустя, вяло пожал плечами, пробормотав:

– Даже не знаю... Что в такой ситуации сделаешь? Домой бы вернуться... Но как?

С надеждой глянул на Ставра:

– Ты знаешь?

Кузнец лишь головой мотнул. Стас вдруг взбеленился:

– Должен быть выход, если есть вход! Это ведь двери. Наверняка в обе стороны пропускают... Пошли к этому капищу! Попробуем вернуться тем же путём.

– Не выйдет...

– Почему? Оно же сверкало. Значит, работает. Периодически включается. Надо лишь поймать момент...

– Не выйдет, – настойчиво повторил Ставр. – Энтот путь только сюда. Ты же видел, что столб от Капища в небо сиганул. А на Земле как было? Наоборот? То-то. Там был вход, а здесь выход. Значит, после вас ещё кто-то оттуда вышел. А коли так, идти на Капище не только бессмысленно, но и опасно. Неизвестно с кем встретишься, и чем все это закончится.

– Должен быть другой способ, – не сдавался Пырёв. – Ладно, ты кузнец. Можешь не знать. Но есть же кто-то, кому известно больше. Кто подскажет путь на Землю.

– Наверное... – пробасил Ставр.

Помолчал, размышляя. Потом крякнул, махнув рукой, и решительным тоном заявил:

– А свезу-ка я вас, други, к волхву Всегляду. Он в Суматошьё живёт. Энтот по дороге в Трепутивель, где ярмарка скоро. Хотел туда позже податься, да, видно, судьба такая, что поспешать надобно. Вот вместе и поедем. А пока погостите у меня малость. Хоть и Велесовой Дорогой вы явились, но зла не вижу я в душах ваших. Только смятение великое. Сами не ведаете, что вам делать. Вот и заспокойтесь пока, а уж в Суматошьё Всегляд всё и растолкует. Да и Ёршик наш гостей, как видно, принял, а не то такой бы разнос тут учинил... А чего энтот, кстати, он кашицы не отведал?

Взгляд кузнеца упал на тарелку с нетронутой кашей, которую не стал есть обидевшийся на Пырёва старичок. Женщины не убрали её, очевидно, в надежде, что дед ещё отужинает. Пырёву стало неловко. Пришлось признаться:

– Извини, Ставр... Я, кажется, обидел вашего деда. Честное слово, не хотел. Не думал, что так выйдет. Он уставился на меня, что кусок в горло не лез. Ну, и я в ответ... смотрел. А он развернулся и ушёл.

– Ну, ты даёшь, – фыркнул Башка. – Я и то культурнее буду. Неужели не заметил, что дедулю все старательно игнорируют? Может, его воротит от всеобщего внимания. А ты свои ментовские замашки демонстрируешь. Я вот, в отличие от некоторых недоразвитых индивидуумов, пялиться не стал.

– Откуда мне было знать?

– Головой думать надо, а не МЕНТалитетом...

Пока Пырёв с Аркашей препирались, кузнец всё больше тарачил удивлённые глаза. Потом вдруг хлопнул с размаху широкой ладонью себя по колену и громко расхохотался.

– Ну, Ёршик... – ревел громогласно, давась от смеха. – Вот ведь... Утёрли нос домовому!

– Домовому?! – воскликнули оба гостя.

Отсмеявшись, кузнец весело продолжал:

– Ну да, домовый. Мы-то его не видим, коли он сам того не пожелает. Знаем только, что Ёршик в доме. А вам-то глаза и не смог отвести. Не справился, значит. Вот и расстроился. Да

ничего, подуется маненько да выйдет. Не любит на виду быть... Давайте-ка, на всяк случай, мы вас в летнем домике разместим. Не против?

Возражать не стали. Тут же кузнец кликнул жену. Та вошла, выслушала Ставра, понимающе кивнув, и сообщила между делом, что вернулся Медяник. Его Ставр, оказывается, послал обратно к Велесовому Капищу разведать, кто там появился вслед за Пырёвым с Аркашей. Мужчины поспешили во двор.

Митька, не теряя времени, рубил дрова. Принёс-таки из леса. Нарубленные поленья складывал под навес. Завидев хозяина, тут же направился к нему, торопливо пряча топор в туловище.

– Никого не видел, – развёл манипуляторами. – Есть следы одного человека. Ушёл он, значит, в другую сторону от Капища. Я за ним до самого леса дотопал. Там ещё одного дохлого волколака увидел. Дальше идти не стал. Ты сам запрещаешь мне в тех краях бродить.

– Правильно сделал, – одобрительно прогудел кузнец. – Они по одиночке никогда не ходят. Скорее всего, человека этого другие волколаки сгрызли. Да покоится он с миром...

– Не знаю. Ничьей крови там больше не было.

– Да ты у нас просто уникам, – притворно восхитился Пырёв. – Ещё и передвижной экспертно-криминалистической лабораторией подрабатываешь.

– Чего? – не понял Митька.

Не утруждая себя пояснениями, Стас вернул разговор в деловое русло:

– Дальше какие-то следы были? Если да, то куда вели?

– Я ж говорю, туда не ходил.

Понятно, что ничего не понятно. Каким бы хорошим следопытом ни был Митька, осмотр места происшествия, надо признать, произвёл из рук вон плохо. Самому Пырёву идти в лес не особо хотелось. Уж очень устал. Аркаша тоже был не в лучшей форме. Поэтому оба, махнув на всё рукой, решили воспользоваться гостеприимством хозяев. Наскоро помылись и пошли спать в летний домик, где Лада с дочерьми приготовили постели.

Ради такого случая Пырёв смилостивился и снял с Аркаши наручники. Перед сном, правда, не преминул внимательно изучить содержимое кейса. Не переставая хмыкать и качать головой, читал составленные ушлым Башкой договоры, заодно подсчитывая выручку.

– Состав преступления налицо, – подытожил опер, помахав перед лицом пачкой заполненных анкет. – Даже не надо прилагать усилия к установлению потерпевших. Ты сам всё записал, включая адреса и паспортные данные. Молодец, хвалю. До такой степени облегчил мне работу. На особо крупный размер, конечно, не тянет, но ведь это далеко не всё, что ты успел насобирать. Так, Башка?

Аркаша равнодушно глянул на бумаги. Он лежал в одних трусах на своей кровати, заложив руки за голову, наслаждаясь освобождением от оков и одежд.

– Не трать энергию, Петрович, – протянул с откровенной ленцой. Сладко зевнув, неторопливо продолжил: – Кому нужен здесь твой состав? Да и нет его. Собственники-то тютю. Где их искать? Спал бы лучше. Нервы береги.

Крыть было нечем. Сложив документы и ставшие вдруг ненужными деньги обратно в кейс, Пырёв запихал его под лежанку. Обозначив это пространство, как «временный склад вещдоков», настрого запретил Аркаше лезть туда своими загребушими лапами.

На что Башка вполне натурально возмутился:

– Больно надо!

И захрапел сразу, едва отвернувшись к стене.

Глава 3

Когда Аркаша проснулся, солнце по-прежнему висело над горизонтом, ни на йоту не став к нему ближе. Сколько же он провалялся в постели? «Прислушался» к себе. Вроде, бодрый и хорошо выспавшийся. Видно, и в правду, в экстремальной ситуации человеку хватает и двух часов сна, чтобы прийти в норму.

Даже непрерывное пощёлкивание за головой не раздражало. Кстати, а что это?

Откинув одеяло, Аркаша приподнялся на локте. Пырёв с голым торсом сидел на заправленной кровати, положив рядом пистолеты, и набивал магазины патронами. Снарядив последний, вогнал его в рукоятку. Передёрнул затвор. Напоследок щёлкнув предохранителем, отложил ПМ в сторону. Поднял оставшийся в руке пустой магазин и сквозь его пружину в прорези посмотрел на Башку.

– Здоров же ты дрыхнуть, братец, – проговорил ехидно.

– В смыс-с-сле? – Аркаша сладко потянулся.

– В прямом. Я уже часа два жду, когда же ты, наконец, соизволишь встать.

Потянувшись еще раз, Башка опустил ноги на деревянный пол. Почувствовав босыми ступнями приятную прохладу гладких досок, взбодрился. Прошёлся по дому. Взял с штаны лавки, сел на кровать и начал одеваться.

– Два часа... – бездумно пробормотал, повторяя за Пырёвым, потом спохватился: – Как два? А ты что, вообще не спал?

Капитан хмыкнул, постучал магазином по стеклу наручных часов:

– Мы с тобой улеглись почти десять часов назад.

– Так сейчас что, уже утро?

С каким-то непонятным, щемящим чувством Аркаша пошлёпал к двери. Распахнул её и уставился вверх, надеясь убедиться, что солнце светит уже с другой стороны, на востоке. Но нет, оно было всё там же. Как и тогда, во время ужина. Кажется, ни на йоту не сдвинулось. Словно к небу кто приклеил. Получается, что прошли уже сутки. Хотя капитан сказал десять часов...

– Не ломай голову, – послышался сзади спокойный голос Пырёва. – Солнце никуда не двигалось и не сдвинется ещё долго. Вернее движется, конечно, только уж очень медленно. Пока ты дрых, я тут кое о чём успел порасспрашивать Ставра. Долго не мог врубиться, но потом до меня дошло. Суточный оборот планеты здесь равен году. То есть полгода день и лето, а вторые полгода ночь и зима. Сейчас примерно середина осени. Месяца через полтора солнце зайдёт, и наступит нечто вроде полярной ночи.

Аркаша повернул ошарашенное лицо.

– Вот блин... Выходит, мы точно не на Земле?

– А ты только сейчас это понял? – хохотнул Стас.

Он поднялся, надел рубашку, аккуратно заправив её в брюки. Сунул за ремень оба пистолета и набросил куртку.

– Схожу в кузницу. Может, у Ставра каким-нибудь маслом разживусь стволы почистить. В задымлённой кузнице царил, что называется, рабочий беспорядок.

Пар вперемешку с гарью выплывает из окон и распахнутой настезь двери. Внутри эта висящая под крышей дымная смесь подсвечена огнём горна, массивного каменного сооружения у дальней стены. Такая иллюминация создаёт впечатление, что находишься в некой алхимической лаборатории. На полу, полках и столах вперемешку лежат различные инструменты: молотки, клещи, бородки, зубила, напильники, точила и множество других больших и малых предметов непонятного назначения.

Кузнечный горн – отдельная песня. С виду обычная жаровня. Каменный постамент со стенкой с одного края. На постаменте небольшое прямоугольное углубление, в котором ярко светятся угли, источая нестерпимый жар. С обратной стороны стенки за стержни на деревянных стойках закреплён мех. Две планки, вытянутые клином и соединённые собранной в складки кожей. Узкий конец оканчивается трубкой, вставленной в горн. Справа от горна, почти рядом с ним, но так, чтобы оставался проход и место для работы, на вкопанном в земляной пол массивном деревянном чурбане стоит большая наковальня. Вернее, она просто вбита туда своей нижней клиновидной частью. От раскалывания чурбан предохраняют металлические кольца. При взгляде на широкоплечую фигуру кузнеца, легко одной рукой орудуящего тяжеленным молотом, становится понятно, что эти кольца вовсе не лишняя предосторожность.

Рядом со Ставром стоит Митька. Держит клещами прижатую к наковальне длинную уплощённую полосу металла, раскалённую почти добела. Кузнец, показывая Медянику, как и куда её повернуть, долбит по ней, почти не переставая. Сгибает посредине, пока края пластины не сходятся. Затем просовывает в изгиб железный вкладыш. Ещё немного работы огня и молота, и оп-ля... Соприкасающиеся концы сварены, а в бадью с водой, что стоит рядом, с громким шипением опускается уже практически готовое лезвие топора. Волшебство, да и только!..

Дым нещадно щипал глаза и царапал горло. Пырёв не удержался от кашля.

Закопчённое лицо Ставра озарилось белозубой улыбкой, резко контрастирующей с его тёмной физиономией.

– С непривычки завсегда так, – прогудел он. – Глаза ест и дыхание спирает. Я-то ужо привык, а Митьке тем более всё равно, одно слово – нежить.

Медяник вышел из кузницы по каким-то своим делам. Стас, проводив его взглядом, повернулся к Ставру:

– Всё хотел спросить, как тебе удалось Митьку создать? Ведь в нём никакой электроники. Как же он двигается, думает, говорит?

– О, это великая волшба, данная мне самим Сварогом, – кузнец многозначительно поднял указательный палец. – Если что-то делать с душой, то и твоё изделие будет иметь душу.

– Значит, все твои вещи живые? Даже топор, который ты только что выковал?

– Нет.

Ставр задумался. Решал, видно, стоит ли откровенничать с гостем. А может, просто подбирал нужные слова. Так или иначе, после паузы он продолжил:

– Железо не тот металл, с которым можно ворожить. Для чар оно мертво, а холодное железо разрушает любую волшбу. Потому-то Митьку я ковал из меди. Хорошо ковал, значит, раз теперича душа в нём. Но и железо можно заговорить, пока оно горячее. Только долго энтю и мытарно. Я для себя как-то раз добрый меч решил выковать. Цельный год работал, кучу способов перепробовал, почти никуда из кузни не выходил и добился-таки своего. Потом всю зиму работать не мог, так вымотался.

Кузнец подошёл к неприметному металлическому ящику в углу. Достал из складок своей одежды внушительных размеров ключ и вставил его в замочную скважину на крышке. Раздалось несколько щелчков с разных сторон, и крышка приподнялась, будто её толкали скрытые пружины. Поманив к себе Пырёва, Ставр полностью открыл ящик, показывая лежавший на дне меч. Вполне обычный на первый взгляд, средней длины, он покоился в простых деревянных ножнах, обтянутых куском тёмной кожи. неброская рукоять оплетена шнуром.

– Энтю единственное в мире волшебное оружие, что я знаю, целиком выкованное из железа. Возьми, посмотри поближе.

Не испытывая никаких чувств, Стас взялся за ножны и поднял оружие. Меч как меч, ничего особенного.

Второй рукой обхватил рукоять. На ощупь тёплая. Не мудрено, лежит ведь в кузнице. Здесь температура будь здоров.

Плавно потянул из ножен...

По мере того, как появлялся клинок, у Пырёва всё больше захватывало дух. Сердце заби-лось чаще. А под конец и вовсе затрепыхало где-то у горла.

Он был поражён. Восхищён и раздавлен величиим оружия, которое держал в руках.

Глаза с жадностью пожирали золотисто-бурое лезвие с узором из белых поперечных полос, красиво сплетавшихся в пряди. Поворачиваясь, клинок ловил свет от горна, и тогда узор вспыхивал волшебными огнями, буквально завораживая игрой переливающихся линий. Стасу казалось, что в сплетённых полосках мелькает не то человеческая фигура, не то чьё-то бородатое лицо, не то вообще какой-то зверь невиданный.

В голове почему-то зазвучали слова знакомой песни:

Наверх вы, товарищи, все по местам.

Последний парад наступает.

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает...

Он вдруг понял, что поёт меч. Заключённая в нём душа неведомым образом проникла в Пырёва. Взбудоражила, всколыхнула чувства, вызвав из глубин памяти старый гимн о героическом «Варяге». Оружие, созданное для битвы, воспевало сражения и боевую славу через человека, который сжимал его рукоять. Не успев удивиться столь необычному открытию, Стас ощутил душевный подъём такой силы, что незаметно для себя запел вслух:

– Все вымпелы выются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают.
Готовые к бою орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают...

– Вот и меч тебя принял, – обрадованно воскликнул кузнец, когда Пырёв закончил петь, и поспешил объясниться: – Недобрый человек или колдун какой не смог бы его и в руки взять. Проверено.

Опять его испытывают. Да сколько можно!

С большим сожалением вернул клинок в ножны, наблюдая, как медленно затухает его радостный блеск. Связь оборвалась, и сердце тоскливо сжалось. Нехотя отдав меч, Стас молча повернулся и побрёл к выходу, собираясь уйти. Вовремя вспомнил, зачем приходил. Вернулся, спросив:

– Есть масло какое-нибудь, оружие почистить?

– Есть. Как не быть, – Ставр защёлкнул крышку ящика, куда снова положил волшебный меч. Дважды повернул ключ и спрятал где-то на теле. – Своё оружие покажешь?

Ну и хитрец. Не просто на вшивость проверял, а именно *показал* меч, чтобы потом можно было потребовать того же от Стаса! Теперь не отвертись. Впрочем, Пырёв и не собирался. Молча достав один ПМ, извлёк магазин, передёрнул затвор, спустил курок и за ствол протянул Ставру. Тот внимательно осмотрел пистолет, повторил все манипуляции. Включил и выключил предохранитель, после чего выдал:

– Холодное железо. Маленькое. Не заострённое. Не волшебное. Коль есть трубка, стало быть, должна что-то метать. Митька давеча про молнии болтал. Энтэ здесь они рождаются?

Пырёв кивнул. Выщёлкнув из магазина один патрон, показал кузнецу:

– Волшебство здесь. Пистолет лишь механизм для приведения его в действие. Молния рождается в этом цилиндре и толкает вперёд пулю, то есть вот этот металлический шарик, по этой трубке. Он вылетает с очень большой скоростью и поражает цель. Как стрела, только во много раз быстрее. Показывать не буду, потому как цилиндриков этих у меня мало.

Аккуратно взяв патрон, Ставр поднёс его к глазам. Повертел в крупных, мозолистых пальцах, за которыми такой мелкий боеприпас был едва различим. Не понятно, увидел хоть что-нибудь, нет ли, но скоро вернул вместе с пистолетом, вздохнув с грустью:

– Я не смогу загнать молнию и в сундук, не говоря уж об этой малости. Плохо, что чары твои кончаются. Ежели понадобится простое оружие, обращайся, подмогну.

Он дал Стасу небольшую жестяную маслёнку и кусок ветоши.

Поблагодарив сразу и за щедрое предложение, и за масло, Пырёв отправился чистить пистолеты.

Долгий полугодовой день плавно клонился к закату. Нижний край солнца уже касался кроны деревьев. Длинная тень западного леса должна была вот-вот накрыть подворье. Ставр почти не выходил из кузницы, где к предстоящей поездке на ярмарку изготавливал товары на обмен и продажу вместе с Медяником. Бедный Митька буквально разрывался между кузницей и домом, где тоже нёс целый ворох повинностей. Таскал воду, колот дрова, косил сено, кормил скот и выполнял ещё множество всякой работы, пусть более мелкой, но тоже необходимой. Не будь он медным, давно бы, наверно, свалился от усталости да помер.

Не сидели без дела и гости, помогая по мере сил, иначе бы просто сошли с ума от скуки. Заодно и «медного дровосека» слегка разгрузили. Женщины с радостью приняли их добровольную помощь. Лада, впрочем, никак не отреагировала на столь благородный порыв. Оно и понятно – на правах старшей та больше распорядилась, указывая, где и что надо сделать. А вот её дочери быстро загребли нечаянных помощников, закрепив над ними шефство строго по приоритетам. Серьёзного Пырёва везде таскала за собой Милана, поручая тому самые нелепые задания, с которыми, к слову сказать, легко могла бы справиться и сама. Хитроумному же Аркаше досталась бойкая и не по годам деловитая Дара. С нею не забалуешь. Спуску не давала, как ни старался Башка отлынивать от работы.

Хозяева почему-то совсем не спали. Так, отдохнут немного, самое большее подремлют с часок-другой, и снова у них трудовые будни. Гости же никак не могли обойтись без нормального восьмичасового сна. Как только время на часах Пырёва близилось к полуночи, организм настойчиво требовал полноценного отдыха, не смотря на явное отсутствие суточной смены дня и ночи. По часам и вставали «с утра» посвежевшие, готовые к новым свершениям. Хозяйские дочки посмеивались между собой над непонятной сонливостью пришельцев, но неволить их явно не хотели.

Домовой вскоре смирился с присутствием людей, от которых ему, похоже, так просто не спрятаться. Уже не смущаясь, преспокойно садился за стол, прибирал в доме и даже начал разговаривать, когда поблизости не было кого-то из семейства кузнеца. Войдя во вкус, Ёршик, распираемый любопытством, всё чаще расспрашивал то Стаса, то Аркашу об их мире, внимательно слушал и по-детски бурно реагировал. Его сильно удивило, что на Земле нет ни домовых, ни леших, ни другой какой нежити. Никак не мог в это поверить. Твердил упрямо:

– Любое обиталище без духа мертво. Кто ж тогда дом будет оберегать, ежели в нём домового нет? А лес, коли там леший не живёт?..

Выяснилось, что подворье кузнеца буквально кишит всякими духами. Каждый отвечает за свой определённый участок. В доме, к примеру, хозяйничал сам Ёршик и его дед со странным именем Воструха. Впрочем, у других имена были ещё хлеще. Самый древний дух, что здесь обитал – Чур, покровитель семьи. В кузнице у Ставра жил какой-то Шуликун. Продуктовыми запасами в кладовке ведал Клетник. За сараем приглядывал Сарайник, за двором

Дворовой, за овином Овинник, а за баней, конечно же, Банник. О некоторых Пырёв что-то знал, в основном по сказкам и былинам, но о большинстве никогда не слышал. К примеру, не мог даже представить, что существуют столь бесполезные духи, вроде постоянно ошивающегося на кухне Жировика. Он только и делал, что слонялся по дому, тыча носом во все кастрюли с тарелками в поисках остатков еды. Найдёт и давай вылизывать, причмокивая, точно хряк. Хотя, кое-какую пользу он всё же приносил. Посуду вылизывал до блеска. Можно было и не мыть. А вот Ледащий точно бесполезен во всех отношениях. Ну, какой, скажите, прок от духа, вечно спящего на сеновале? Разве только ничем не навредит.

Осень набирала обороты. Косые лучи солнца грели всё слабее, и земля потихоньку остывала. Зелень лесов и полей окрашивалась в жёлто-бурые тона. Аркаша досадовал, что в его мире зима уже закончилась, а тут ещё предстояло переносить холода, к тому же в кромешной темноте. Получалось, что застать лето в этом году ему вообще не удастся. Решив использовать последние тёплые деньки по полной программе, он зачастил на реку. Позагорают, искупаются, снова позагорают. Благо, не надо постоянно переползать вслед за движущимся солнцем. Оно как висело на западе, так и оставалось там до конца купания. Может, удастся получше загореть перед отъездом в Суматошьё?

В один из таких походов Аркаша уговорил пойти с ним Пырёва, который, только закончив колоть дрова, был не прочь освежиться и смыть липкий пот. Оставив одежду на берегу, они, громко крича, с шумом вбежали в реку, подняв тучу брызг. Долго плескались в неторопливом, нежно обволакивающем течении, пока окончательно не продрогли. Наскоро обтёрлись прихваченными простынями да попадали прямо на них, подставив солнцу остуженные водой тела.

Отогрев спину, Аркаша перевернулся кверху животом. Лучи заходящего солнца приятно пробежались по коже, легко ударили по глазам, заставив зажмурить веки. Почти сразу на них легла чья-то тень. Стало прохладнее. Тучи набежали?

Приоткрыв глаза, Башка увидел незнакомый силуэт на фоне закрытого им солнечного диска. Свет заслонил какой-то мужик с внушительным торсом. Аркаша покосился на Пырёва. Тот, как ни в чём не бывало, лежал на спине, удобно пристроив голову на ворохе своей одежды. Руки засунуты под неё. Веки опущены. Дышит спокойно, ровно. Спит, что ли?

Незнакомец упёр кулаки в бока и вызывающе смотрел на землян. Выглядел он весьма странно – высокий, статный мужчина средних лет с гладкой лоснящейся лысиной и лицом непонятного серо-зелёного цвета, тоже полностью лишенным волос. Поверх подпоясанной ремнём рубахи длинный, расшитый узорами кафтан со стоячим воротником. На ногах узкие блестящие штаны, заправленные в сапоги с высокими мягкими голенищами. Настораживало, что подкрался он неслышно. Хотел напасть? Тогда почему не сделал это сразу?

– Петрович, к нам Фантомас припёрся, – Аркаша почти прокричал, чтобы наверняка разбудить Пырёва, если тот всё же в отключке.

Но тут же успокоился, услышав тихий щелчок взводимого курка и негромкий ответ Стаса, продолжавшего держать руки под одеждой:

– Вижу, не глухой.

«Ага, шутит. Значит, всё под контролем. Хорошо, что с оружием не расстается. Везде и всюду с собой таскает».

Сев на простынь, Аркаша уже смелее уставился на мужика.

– Вы кто, уважаемый? Что-то раньше мы не встречались.

Незнакомец внимательно изучил его, перевёл взгляд на Стаса. Ненадолго задержался на заложенных за голову руках, нахмурился и вдруг заговорил густым булькающим баритоном:

– Чего воду в реке моей баламутить вздумали? Ни одной жертвы не принесли, а туда же. Кузнец, тот всегда исправно платит. Его здесь только и знаю. А вы... Что-то не могу вас... Кто такие будете?

Никак, местный землевладелец пожаловал с обвинениями в посягательстве на частную собственность. Однако, не смотря на все претензии, уверенности ему явно не достаёт. Видать, не вышло застать отдыхающих врасплох и наехать с ходу. Теперь досада гложет, что момент упустил и оказался в меньшинстве – один, без братков. А раз врубается в ситуацию, то уж точно не дурак. И пистолет Пырёвский, вон, почуял. Теперь соображает на ходу, как выкрутиться, не растеряв, между делом, свой бесценный авторитет. Можно ему, конечно, помочь, подсказать, куда идти надо, если только специально время не тянет, дожидаясь подмоги.

– Разве это ваша река? – ушёл от прямого ответа Башка.

– А то чья же. Чем дань платить будете?

– Ничем.

От возмущения мужик лишился дара речи. Судорожно вдохнул. Силясь что-то сказать, беззвучно хлопал ртом. Зеленоватое лицо потемнело, став неестественно бурым. Нормальный человек на его месте просто бы покраснел.

– Успокойся, дорогой, – послышался со стороны реки мелодичный женский голос.

Незнакомец оглянулся, встав к землянам вполоборота. Аркаша заметил, что по его сюртуку, по левой поле, стекает вода. словно бутылка в кармане пролилась. Или насквозь мокрую тряпку там носит. Да только карманов-то на сюртуке и нет. Разве что с изнанки. Да и мокрая тряпка ему зачем? Чтобы лупить незваных гостей? С бутылкой правдоподобней...

Мысли спутались и выпорхнули из головы, когда перед Аркашей предстала вышедшая из реки дева. Сказать, что она была красива – ничего не сказать. Длинные светлые волосы мягким шёлком обрамляли прекрасное лицо, густым водопадом спадая на плечи. Прозрачное, без рукавов, длинное платье, одетое на совершенно голое тело, выставляло на показ идеальные женские формы. Ничем не прикрытые интимные места, где по логике вещей должны присутствовать хотя бы бикини, неотвратимо притягивали взор. Грациозно ступая босыми ногами по берегу, дева приблизилась к лысому. Нежно взяла его под руку, обворожительно улыбнулась и почти пропела:

– Ты же видишь, милый, это не простые смертные. Они Посланники Велеса. Их путь предначертан Отцом.

«Фантомас» опять нахмурился:

– Это меня и пугает. Неизвестно, чего от них ждать.

Будь у него брови, непременно сошлись бы на переносице. А так только две глубокие вертикальные складки разрезали лоб, собрав несколько мелких морщин вокруг.

– Они посланы Им либо во зло, либо во спасение, – продолжала вещать речная дева.

– Тогда забрать их под воду, чтобы миру было спокойнее. И делу конец.

– А если Велес разгневается, коли вмешаешься в его дела?

– Да, ты права. Защищает он их как-то. Волшбой не одолеть.

Поймав себя на том, что не может отвести взгляд от проступающей сквозь платье наготы, Аркаша мысленно выругался. Вроде, помогло. Отпустило слегка. Ровно настолько, чтобы перевести взор... Блин! Теперь он смотрел в большие изумрудные глаза соблазнительницы. Она продолжала мило улыбаться, слегка приоткрыв прелестные коралловые губы. Манящие. Желанные. Безумно хотелось прильнуть к этим губам, ласкать обнажённое тело...

Что происходит? Никогда ведь не реагировал так на баб. Надо взять себя в руки!

Собрав остатки воли в кулак, Аркаша с трудом отвёл взгляд. Помотал головой и решительно поднялся на ноги. С долей злорадства заметил, как дева дёрнулась, словно получила пощёчину. На лицо набежала тень. Разочарована, девочка? А вот знай наших!

Обращаясь к лысому, красавица грустно произнесла:

– И я не могу ничего поделывать...

– Мы вам случайно не мешаем? – с вызовом спросил Пырёв, продолжая валяться на простыне в позе загорающего. Ему-то никто солнце не заслонял.

Странная парочка замолчала. Но не Стас был тому причиной. Их внимание привлёк новый персонаж, появившийся со стороны подворья. Это стало ясно по взглядам незнакомцев, метнувшимся в ту сторону за мгновение до того, как раздался торопливый, захлёбывающийся плачем голос Миланы:

– Дядька Водяной! Дядька Водяной! Прошу, не трогай суженого моего. Отдай мне Стаса. Клянусь, что люблю его! Прими от меня любую жертву. Вот, возьми мой поясок с оберегами... Не примешь, назначь другую плату...

Она причитала, растирая ладонями слезы по покрасневшимся щекам. Смотрела на то место, где находились люди, но в то же время и сквозь них, словно не видела никого. Стремительным движением сорвала с талии тонкий пояс, обвешанный всякими безделушками, с красивой узорчатой пряжкой. Не иначе, работа отца? И вдруг, сильно размахнувшись, решительно швырнула его чуть ли ни в середину реки. Заплаканные глаза с надеждой и отчаянием взирали на воду.

Вид у лысого был изумлённый. Не говоря ни слова, он уставился на плачущую Милу. Лишь минуту спустя, повернулся к Стасу. Прищурился, проговорив:

– Кто же ты таков, что смертные за тебя такие жертвы приносят? Это ж надо, поясок с оберегами!

– Она принесла клятву у воды, – добавила дева. – Не знаю, что может быть сильнее. Повезло тебе с подругой, Посланник Велеса.

– Так, всё! Хорош! – Стас поднялся, держа в руке извлечённый из-под вороха одежды пистолет, который тут же направил на «Фантомаса». – Вы нас не трогаете, мы вас не трогаем. Расстаёмся тихо и мирно. Ясно?

Он отступил к Милане и взял её за руку. От неожиданности та вздрогнула и, кажется, только теперь увидела всех четверых. Её глаза, обращённые к Стасу, засияли неподдельным девичьим счастьем, а на лице вспыхнула радостная улыбка.

Продолжая держать лысого на мушке, Пырёв скомандовал:

– Башка, собери шмотки. Уходим к дому.

Особо себя не утруждая, Аркаша просто свалил все вещи на одну простынь. Связав концы в узел, закинул его на плечо и направился к подворью. Стас медленно, боясь оступиться, пятился следом, ведя Милану за руку. А та во все глаза смотрела на лысого с его подругой, пока они не повернулись и не зашагали прочь. Тогда Пырёв тоже отвернулся, прибавил шагу, продолжая тащить девушку за собой. Периодически оборачивался, наблюдая удалявшиеся спины странных визитёров. Но не заметил, как те вдруг исчезли.

Оставшийся путь к подворью проделали под непрекращающуюся болтовню Миланы. После всего пережитого её буквально распирало от слов. Оказалось, что девушка, каким-то непостижимым образом почуяв неладное, побежала к реке. Там её взору предстала ужасная картина – вышедшая из реки вода со всех сторон обступила находившихся на берегу Стаса и Аркашу, грозя целиком поглотить и утащить навсегда в свои глубины. А когда Стас взял её за руку, словно пелена упала с глаз. Схлынула с берега невесть как оказавшаяся здесь вода, а вместо неё напротив Аркаши и Пырёва стоял сам Водяной об руку со своей супругой Русалкой. Девушка впервые в жизни лицезрела Водяного и его жену, о которых до этого только слышала. Такое знакомство поразило Милану в самое сердце. Боже, она видела нежить собственными глазами! Девушка тараторила, восхищённо обсуждая их внешность. Сравнивала свои недавние представления о хозяине реки и его спутнице с их настоящим обликом. Русалка была такой же стройной, светловолосой и зеленоглазой, какой и представляла её Милана, только гораздо красивее. Водяной же оказался вовсе не похож на воображаемого ею волосатого деда

с длинной, спутанной водорослями бородой. Узнала его лишь по непрерывно стекающей воде с левого бока...

Признание на берегу, произнесённое девушкой, прозвучало для Стаса громом среди ясного неба. Ошарашенный таким откровением, он шёл молча, не особо прислушиваясь к её болтовне. Хорошо, что нервный стресс, полученный Милой, выходил у неё именно так, словесным потоком, ни от кого не требуя поддерживать беседу. А то не знал бы, что и говорить этой замечательной девочке.

Башка тоже помалкивал. Сначала посмеивался про себя над глупым положением Стаса, которому дочь кузнеца практически призналась в любви. Потом вдруг осознал с кем именно только что имел столь непринуждённую беседу. Странно, вообще-то. То Ёршик предстаёт перед ними во главе всей прочей нежити подворья, теперь вот Водяной с Русалкой, которых до этого никто никогда, оказывается, не видел. А им с Пырёвым стоило лишь появиться, как вся нечисть повыползала, и ну знакомиться наперебой. Сами ведь лезут, когда никто не просит. Почему? За кого их всё время принимают? Как там Русалка о них говорила – Посланники Велеса? И что значат её слова «во зло или во спасение»? Ладно ещё Пырёв. Он мент. Может как-то прокатить за мессию. А что принёс в этот мир Башка, всю сознательную жизнь наживавшийся на обмане? Выходит, он то самое зло? А если Пырёв – спасение от зла?..

Блин, это что же получается? Стас должен его укокошить? Бред полный... Впрочем, если задуматься, только такие отношения между ними всегда и были. Один бежит, другой догоняет. Почему же не предположить, что здешняя нечисть очень хорошо это чувствует, адаптируя всё под местные понятия.

Развить свои умозаключения Аркаше не дали.

Случилось то, что заставило Пырёва и Башку без подготовки и плавных переходов окунуться в головокружительный водоворот событий, которые с ужасающей скоростью принялись менять друг друга. И встреча с Водяным была всего лишь предвестником...

Отойдя от реки на безопасное расстояние, мужчины оделись, пока никто не видел. Не появляться же перед хозяевами в одних трусах. От подворья кузнеца их отделял невысокий холм возле дорожной развилки с установленным на круглой макушке большим камнем-указателем.

Вволю наболтавшаяся Милана молча взобралась на вершину и терпеливо ждала у камня, скромно поворотив лицо к дому. Вдруг девушка, испуганно взвизгнув, отскочила в сторону. Надписи на валуне, которые Аркаша со Стасом так и не смогли прочитать, замерцали голубоватым свечением. Валун в одно мгновение затянуло невесть откуда взявшейся дымкой. Сквозь неё, прямо из камня, шагнул человек, держа в руке короткий меч. На ногах сапоги с мягкими голенищами, перепачканные грязью. Как, впрочем, и кожаные штаны с наборным поясом из металлических пластин и свисающими сбоку пустыми ножами. Обнажённый торс в грязных потёках и многочисленных порезах. На щеке засохшая струйка крови, вытекающая из-под небрежно повязанной поверх длинных волос тёмно-серой тряпки. Чумазое от пота и копотилцо, на котором лихорадочно блестят большие, выпуклые глаза.

Мужчина жадно вгонял воздух в лёгкие и с шумом выдувал через распахнутый рот. Губа хищно приподнялась, оскалив слишком уж крупные для обычного человека, неестественно выступающие вперёд клыки. Быстро глянув по сторонам, он заметил рядом с валуном побелевшую от страха Милу и впери в неё свой кошмарный взгляд. Эту девушку вынести уже не смогла. Не издав больше ни звука, она просто упала в обморок прямо в руки вовремя подошедшему Башке.

«И чего я всё время лезу чужих баб спасать? Где этот женишок доморощенный? Его невеста в поддержке нуждается или моя?»

А Стас уже был рядом. Прикрыв спиной Милану с Аркашей, встал против чумазого мужика, держа его на мушке.

– Брось ножичек, приятель.

Бестолково обшаривая взглядом людей и окрестности, «приятель» никак не отреагировал на спокойный голос Пырёва.

– Бросай оружие, я сказал! Буду стрелять! – более настойчиво и строго потребовал капитан.

Мужик ещё мгновение помедлил, но всё-таки воткнул меч в землю и разогнулся, встав прямо. Теперь он смотрел только на ствол пистолета и на Пырёва. Руки вдоль туловища, ноги слегка расставлены, на лице никаких эмоций. Только выпученные глаза и оскал с выдающимися клыками.

«Опять какая-то нечисть в гости пожаловала. Что за напасть! Девчонку до смерти перепугал, ирод поганый!» – пока в голове мельтешил всякий бред, Аркаша, присев на корточки, мягко положил бесчувственную девушку на траву. С любопытством стал наблюдать за её новым женихом. Пырёв же развернул целое представление, которое запросто могло послужить наглядным пособием для молодых, неоперившихся ментят по тактике задержания преступника. Громким, уверенным голосом он продолжал отдавать команды:

– Руки за голову! Спиной ко мне! Шире ноги! На колени!

Мужик пока слушался, беспрекословно выполняя все требования. В итоге оказался на коленях с заложенными за голову руками. Продолжая держать его на прицеле, Стас умело и быстро обшарил незнакомца. Благо на том почти ничего не было. Не обнаружив никаких «запрещённых предметов», Пырёв отступил на шаг.

Пора бы познакомиться с человеком, обладающим способностью выходить из камня. Тем более, тот уже не выглядел опасным после того, как Стас в своей чисто ментовской манере целиком и полностью расположил его к беседе.

– Ну, рассказывай, клыкастый, кто ты такой?

Ответить мужик не успел.

Из-за ближайших деревьев на дорогу, ведущую с востока, выскочили шесть всадников. Они торопились, не переставая погонять лошадей. И мчались именно сюда.

Один, что-то выкрикнув на скаку, вскинул руку, показывая на валун и людей рядом с ним. Всадники прибавили ходу, хоть это и казалось невозможным. Преодолев половину расстояния до холма, резко встали. Пыль, поднятая животными, заволокла всадников, делая их едва различимыми. Но тут же вытянулась к лесу, подхваченная слабым ветром, и рассеялась там среди деревьев.

Пришедшая в себя Мила слабо пошевелилась. Аркаша несильно похлопал её по щекам, чтобы окончательно привести в чувство. Опасаясь, что девчонка увидит новых визитёров и снова грохнется в обморок, зажал её лицо между ладоней и приблизил к себе:

– Очухалась? Теперь слушай сюда. Сейчас ты встанешь, незаметно спустишься с холма и побежишь домой. Предупреди отца, чтобы закрыл ворота. И пусть оттуда никто не высывается. Поняла?

Девушка робко кивнула. Не разгибаясь, Аркаша увёл её от камня, легонько толкнул в спину, давая понять, чтобы спускалась. Сбегая по склону, Милана зашуршала по траве подолом платья. Оказавшись внизу, пригнула голову и довольно шустро припустила в сторону подворья, умело скрываясь в зарослях. Она здесь выросла, знала каждую кочку, каждую ямку вокруг дома, поэтому переживать за девушку не стоило. Убедившись, что Мила в безопасности, Башка вернулся к валуну.

Один из всадников уже стоял ближе. Отделился от группы, проехав немного вперёд. Похоже, решил поговорить. Вглядываясь в людей на вершине холма, он прокричал:

– Именем Великого Скала назовитесь!

Пырёв нахмурился. Что ещё за новости! Какие-то дикари на лошадях смеют качать ему права. Увидят клыкастика, ещё забьют, чего доброго, с перепугу не разобравшись. У него ведь

на роже написано: «Нечистая сила». А то и вовсе по его душу явились. Эх, опять придётся коррективы вносить в местный жизненный уклад.

Для себя Стас окончательно решил, что не допустит самосуда. Мало ли чем провинился этот... пусть даже вампир. Закон есть закон. Хоть государственный, хоть человеческий. Любая тварь имеет право на защиту. Вину надо ещё доказать.

«Что ж, тогда не будем выдумывать себе новых имён и титулов. Достаточно и тех, что имеем». Набрав побольше воздуха, Стас прокричал:

– Я капитан Пырёв из уголовного розыска, если это тебе о чём-то говорит! А ты кто?

Говоривший неторопливым шагом направил свою лошадь к холму. У подножия остановился. Теперь его можно было рассмотреть как следует. Средних лет мужчина, крепко сложенный. Поверх серой суконной рубахи надета кожаная безрукавка с нашитыми на неё металлическими бляхами. Из-под широкого медного обруча на голове грязными слипшимися прядями беспорядочно свисали длинные волосы непонятного цвета. Неровный уродливый шрам начинался у глаза, змеился по левой щеке и терялся где-то в зарослях густой бороды. Пустую левую глазницу закрывало перекошенное шрамом веко.

– Моё имя Богбир! – величаво, как потомственный дворянин, представился Пырёву одноглазый. – Я служу Великому Скалу.

– «Багбир»? – фыркнул Стас, намеренно исказив звучание странного имени. – Это что, твоя кличка за пристрастие к пиву?

– Нет, не кличка. Это настоящее имя. Вижу, ты очень могущественный воин, Капитан Пырёв из Уголовного Розыска, коли сумел схватить нашего злейшего врага. До сих пор нам это не удавалось. Отдай его мне. Тогда мы разойдёмся без поединка.

– Ещё чего! – поиграв пистолетом, Стас указал на стоявшего на коленях незнакомца. – Этот человек задержан мной и будет доставлен в уголовный розыск для разбирательства. А тебе, любитель пива, советую убраться подобру-поздорову, пока я не решил и тебя прихватить. Одного мне пока достаточно.

У Аркаши ёкнуло в груди. Что делает этот идиот! Специально провоцирует нападение? Зачем? Не мог же не заметить внушительных размеров меч на широком поясе Богбира и притороченный к седлу арбалет. А сколько стрел сложено в его вместительном колчане! Так или примерно так вооружены все всадники. Аркаша сомневался, что Пырёв с одним пистолетом сможет противостоять шестерым арбалетчикам, к тому же верховым, способным быстро перемещаться.

Лошадь Богбира неуверенно топталась на месте. Её хозяин помалкивал, поглядывая то на своих людей, то на Пырёва с незнакомцем. О чём-то напряжённо размышлял. Затем, подняв голову, заговорил снова:

– Как ты назвал свой город? Уголовный Розыск? Я никогда не слышал о таком. Судя по названию, он где-то на окраине мира. Туда трудно добраться? Где это? Должно быть, слишком далеко?

Собеседник, похоже, издевался, давая понять, что помощи землянам ждать неоткуда. Стас это понял.

– Уголовный розыск здесь я! – нагло заявил он, нисколько не покривив душой. – Имей в виду, если приблизишься хотя бы на шаг, я буду стрелять.

– Хорошо! Ты сам пожелал драться.

Богбир круто развернул животное, и, ударив ногами в бока, помчался к остальным всадникам.

– Прошу прощения, – подал голос клыкастый незнакомец, чуть повернув голову. – Мне кажется, что лучше укрыться куда-нибудь, пока люди Богбира не утыкали нас стрелами.

– Он осмелится стрелять? – почему-то удивился Пырёв, не привыкший, по-видимому, что на сотрудирика уголовного розыска могут поднять руку.

– Ты же сам вызвал его на бой, – в свою очередь удивился незнакомец. – Могу я подняться и взять свой меч?

– Поднимайся и чеши за камень. Меч пока подождёт. Башка, приглядывай за ним.

Аркаша с незнакомцем уселись в траву за валун. Рядом встал Пырёв, держа наготове пистолет. Выглядывая из-за камня, он следил за всадниками. А те сбились в кучу, о чём-то совещаясь и при этом бурно жестикулируя.

Силы явно не равны. Один пистолет с двумя обоймами по восемь патронов против шести арбалетчиков с тучей стрел и шестью клинками. Кое-какой боевой опыт у Пырёва имелся, благодаря армии и нескольким долгосрочным командировкам в так называемые «горячие точки». Он прекрасно понимал, что по всем правилам военной науки, нападавшие должны сейчас окружить холм. Начнут перестрелку, вынудив Стаса израсходовать весь боекомплект. Потом поднимутся на вершину и хладнокровно прикончат безоружных людей, если к тому времени кто-то из них ещё будет жив. Можно, конечно, попробовать справиться с налётчиками в рукопашном бою. В своё время у Стас был хороший сенсей. Однако всех шестерых он вряд ли положит. Особенно если навалятся скопом. Остаётся надежда, что до рукопашной получится подстрелить хотя бы троих из этой банды. А лучше четверых...

Атака началась неожиданно и совсем не по тому сценарию, который Стас незаслуженно приписал врагу. Всадники не стали рассыпаться и брать холм в кольцо, а ринулись вверх по склону всей гурьбой. Это приятно удивило, но Пырёв не спешил открывать огонь, пока не засвистели первые стрелы. Некоторые из них прошли выше и воткнулись в землю далеко за спиной. Другие, ударив о камень, разлетались по сторонам.

Боясь поймать стрелу, Стас палил навскидку. Высунется, нажмёт спуск и снова за валун. Прицельной такую стрельбу не назовёшь. Но когда закончился первый магазин, двое нападавших всё же лежали на земле. Осталось четверо.

Пустую обойму долой. Вогнал запасную в рукоятку. Затвор с лязгом встал на место, загнав патрон в патронник. Вовремя! Сразу пришлось давить на спуск. Три выстрела подряд. У ближайшей лошади подкосились ноги. Зарылась грудью в траву. Всадник перелетел через голову, потеряв оружие. Решив не геройствовать, он быстро стал отползать, извиваясь всем телом, словно уж.

Налётчики уже близко. Стас почти совсем вышел из-за камня и стрелял непрерывно, не считая патроны. «Пан или пропал», – думал, выпуская последние пули. Один из воинов, уже готовый пустить стрелу, вскинул руки, роняя арбалет. И рухнул бездыханным почти у самых ног Пырёва. Освобождённая лошадь шарахнулась в сторону, перепуганная пальбой. Нападавшие не выдержали. Развернули животных и пустились наутёк.

Отступало всего трое. Ровно половина – с долей злорадства отметил Пырёв. Но тут же увидел в этой троице Богбира, по-прежнему уверенно державшегося в седле. Хотел выстрелить вдогонку, но... Затвор пистолета замер в крайнем заднем положении, показывая пустоту в патроннике и в магазине.

Богбир не дурак. Обязательно вернётся довести начатое до конца. А отбиваться больше нечем. Убрав ПМ, Стас поднял арбалет мёртвого налётчика. Устройство было нехитрым, и вскоре он вполне сносно с ним обращался. Пособирав разбросанные стрелы. Подсев к оставшимся у валуна, положил на колени заряженный арбалет и стал ждать. Всадники скрылись за тем же лесом, откуда до этого выехали, но снова появляться пока не спешили.

– Да кто вы такие, Черняк бы вас побрал? – вдруг выругался незнакомец.

Аркаша и Стас недоуменно переглянулись.

– Помолчи, приятель, – посоветовал Пырёв. – Несколько минут назад ты был гораздо вежливее и нравился мне куда больше. Тебе только что спасли жизнь, если не заметил.

Мужик, похоже, смутился. После короткой паузы более спокойно произнёс:

– Извините. Вы ведь меня совсем не знаете. Это во многом объясняет ваше поведение и не даёт мне право судить вас, но и делает вам честь. Не зная, кто я такой, вы вступились, чем спасли мне жизнь. Хотя, по правде говоря, не появившись вы здесь, ваша помощь мне бы вряд ли понадобилась.

– Это как понимать? – изумился Аркаша. – Ты что, сам бы справился с этими бандитами?

– Нет, конечно... Я просто ушёл бы от них через Врата.

Башка так и подпрыгнул на месте, увидев, что парень показывает за спину – на валун. Возможно, сейчас перед ними тот самый человек, или не человек, который разбирается в хитросплетениях путей между мирами. Человек, способный помочь вернуться на Землю. Пырёв сосредоточенно хмурился. До этого тугодума всё никак не доходило, что путь домой вот он, рядом.

А мужик, между тем, продолжал говорить:

– Когда меня преследовали воины Скала, я бросился к Вратам и прошёл через них. Но Скал, по-видимому, заранее разослал конные разъезды во все ближайшие места, где я мог появиться. С одним из них мы, похоже, и столкнулись. Теперь они знают, где меня искать.

– Подожди, подожди, – Стас тряхнул головой. – Что за Врата такие?

– Обычно это камень, как здесь. Но в других местах может быть и старый дуб или что-то другое. Возле Трепутивля, к примеру, это два больших деревянных изваяния Перуна с Велесом. Все основные пешеходные тропы тянутся промеж Врат. Но это следствие привычки людей селиться близ таких мест. На самом деле их связывают незримые земные токи, что тянутся в разные направления через весь обитаемый мир.

– Надо же, – Аркаша с любопытством посмотрел на крутобокий валун. – Я-то думал, это простой дорожный указатель. Ну, там, «направо пойдёшь – хрен найдёшь, налево пойдёшь – коня прое...»

– Башка, заткнись, – Пырёв пронзил его своим коронным оперским взглядом, будто кусок мяса насадил на шампур. Снова повернулся к зубатому, переходя на вкрадчивый тон: – И как же ты через них проходишь?

– Врата являются пересечениями земных токов. Я умею их чувствовать и перемещаться с помощью их силы от одного пересечения к другому. Ведь я ведун.

– Ведун? – Стас поднял брови. – А больше на нежить похож. На вампира особенно. Вон зубищи какие.

– А есть Врата в другие миры? – Аркаша задал, наконец, животрепещущий вопрос, уже долгое время вертевшийся на языке.

– Знамо, есть, – уверенно ответил ведун.

С трудом подавив ликующий крик, едва не вырвавшийся из глотки, Аркаша уже мыслями был там, у Врат, открывающих путь на Землю. И не важно, где они находятся. Осталось только уболтать мужика, чтобы провёл к ним. И вперёд, за орденами! Да, надо не забыть забрать свой заветный кейс у Пырёва из-под кровати. А ещё придумать, как избавиться от капитана. У него тоже вон, глаза разгорелись. Ишь, заинтересовался, морда ментовская. Жадно, как дикая кошка на суслика, уставился на ведуна, готовый любой ценой вытянуть из того нужную информацию. Однако все вопросы отпали разом, когда говоривший закончил:

– Только мне они не встречались. Да и вряд ли повстречаются. То уже божий промысел, не подвластный нам, смертным.

Аркаша схватился за голову. Неужели они застряли здесь навсегда? Неужели не суждено больше вернуться домой? Хотя, если подумать, то куда возвращаться? У него и дома-то нормального никогда не было. Родители давно умерли. Женой и детьми в силу специфической профессии так и не обзавёлся. Друзей, и тех не имел. Круг общения был замкнутый и до омерзения однобокий: лохи, менты и уголовники. Нет, если судьба будет настолько благосклонной, что всё-таки даст шанс попасть обратно на Землю, образ жизни надо в корне менять.

– Если только волхвов порасспросить, – дальше рассуждал ведун. – Они-то должны о том знать. Божьи люди всё ж. Тут недалеко, в Суматошье, живёт один. Всеглядом зовут.

– Да, знаю, – бесцветным голосом отозвался Пырёв. – Кузнец хотел нас к нему отвезти.

– Ставр ещё тут? Девчонка, что с вами была, дочка его?

Капитан кивнул, не обращая внимания на то, что ведун знает кузнеца, но почему-то не знаком с его дочерью.

– Надо предупредить Ставра о скитах.

– Скитах? – Стас и Аркаша почти одновременно повторили незнакомое слово.

– Те люди, которые за мной гнались. Воины Скала, вождя северных кочевников. Вчера они перешли границу и напали на Пограничную Крепость. Жители крепости все перебиты, мне удалось вырваться с несколькими людьми. Нас преследовали до самых Врат. В итоге я остался один. Дальше вы всё видели.

– Получается, мы ввязались в войну, – Пырёв задумчиво взвесил в руке трофейный арбалет.

– Остаётся только гадать, война это или просто налёт. Скажу одно, скиты никогда не нападали столь большой силой, нежели теперь. И уж, конечно, никогда не пытались штурмовать Пограничную Крепость. Довольствовались грабежом окрестных деревень. Выводы делайте сами.

– Попадалово сплошное, – Аркаша плюнул в сердцах.

Почесав затылок, Пырёв оглянулся на лес. Там было тихо. Но сидеть и ждать, когда явятся превосходящие силы противника, показалось глупым.

– Надо сматываться, – поделился своими мыслями.

Незнакомец, похоже, был с ним в этом солидарен. Он встал, выдернул меч из земли. Тщательно протёр его пучком травы и вложил в ножны. Земляне молча наблюдали за его манипуляциями.

– Тебя как звать-то? – спросил Пырёв, спохватившись, что не знает имени ведуна.

– Юнос Кевепский из Маданга, Воевода Пограничной Крепости, – просто, без тени зазнайства или превосходства ответил тот.

Ого. А он, оказывается, местная шишка. Чином никак не ниже полковника. Еще, небось, и голубых кровей.

– Слишком длинное имя, – резонно заметил Стас. – Если не возражаешь, будем звать друг друга без титулов: ты Юнос, я Стас, он...

– Аркадий, – поспешил вставить Аркаша, пока Пырёв не представил его Башкой.

– Весьма рад, – произнёс ведун.

Вместе они поймали коня одного из подстреленных воинов. Стас, растерявший за время службы в армии, а затем и в милиции всякую брезгливость, обыскал окровавленное тело скита. Снял с него красивый металлический пояс с висевшим в ножнах охотничьим ножом и нацепил на себя. Знает, что эта штука незаменима в любом походе.

К седлу были приторочены чехол для арбалета, моток верёвки, седельная сумка и наполовину пустой колчан. В сумке нашлась кое-какая еда и вместительная фляга с водой.

Юнос подобрал мечи и арбалеты убитых. Всё это погрузили на коня, набили колчан собранными стрелами и тронулись к подворью, ведя животное в поводу.

Глава 4

В закрытых только на одну створку воротах стоял кузнец, облачённый в чешуйчатый доспех. Массивная фигура почти полностью перекрывала оставленный проход. Ставр, словно вросший в землю монолит, надёжно утвердился на ногах, уперев могучие руки в бока. Весь его внушительный вид говорил о том, что этот человек скорее умрёт, чем пропустит врагов, и будет сражаться с ними до последнего вздоха, во сто крат дороже разменяв свою единственную жизнь на многие их никчёмные жизни. Волшебный меч покоился в ножнах на поясе. За спиной кузнеца мельтешил Медяник. Суегливо расхаживал взад-вперед, сжимая в руке рукоять своего топора.

Слова ведуна о том, что Ставра он хорошо знает, не замедлили подтвердиться. Едва разглядев Юноса, кузнец, не раздумывая, шагнул навстречу. Широко раскинув руки, огласил округу громовым басом:

– Юнос! Ты ли энто, друг ситный!

После крепких мужских объятий, оставивших на голой груди нежданного гостя ещё несколько заметных отметин, Ставр увидел-таки плачевное состояние своего знакомца. Повёл его в дом, на ходу выкрикивая:

– Ладушка, принимай гостя дорогого, гостя нежданного. Рубаху ему неси. Девочки, на стол накрывайте. Митька, воду натаскай да баньку истопи.

Досталось поручение и Стасу. Показав на приведённого коня, кузнец шепнул:

– Энту зверюгу ко мне во двор не тащи. Привяжи до коновязи за оградой. Неча ею живность пугать. И без того у меня все громом твоим переполошены.

Перепоручив эту важную миссию Башке, Стас занялся переноской трофеев. Настала пора запастись новым оружием. А что делать? Патронов-то больше нет. Без них оба пистолета превратились в бесполезные железки. А жаждущих пустить землянам кровь почему-то всё прибывает. Надо же чем-то защищаться. Скоро эти неугомные киллеры в очередь выстроятся. Ладно бы передрались за право быть первым. Нет же. Наверняка начнут номера на руке писать, а потом и местами меняться за отдельную плату. Чего доброго, создадут клуб ненавистников землян... Так что вооружиться не помешает.

Беглая ревизия трофеев показала, что в арсенале имеются четыре арбалета, один из которых повреждён. К ним было порядка двухсот стрел. И ещё три меча не очень хорошего качества, о чём авторитетно заявил Ставр. Прочные с виду клинки легко ломались в его руках, и он забрал их на переплавку. Оставили ему и сломанный арбалет для ремонта. Поэтому довольствоваться пришлось только тремя арбалетами да снятым с убитого скита ножом, который кузнец придиричиво разглядел, но критиковать не стал.

А потом была баня. Мылись разом, все трое, от души наслаждаясь шипящим паром под хлёсткими ударами веников. Даже Юнос не щадил своё израненное тело, хотя особо и не усердствовал, чтобы порезы не превратились в ожоги. Когда покрасневшиеся купальщики в клубах пара вывалились в предбанник, там за небольшим столом сидел голый мужичок с пушистой копной торчащих во все стороны волос. Не обращая внимания на людей, он с аппетитом уплетал кусок ржаного хлеба, обильно посыпанный солью. Это угощение предназначалось как раз для него, Банника, ещё одного духа, представшего пред ясны очи Стаса и Аркаши. Их уже перестали удивлять подобные встречи. Привыкли, что на каждом шагу натываются на всякую нежить, которая с лёгкостью отводит взгляд обычным людям, оставаясь невидимой для большинства обитателей этого мира.

На ведуна, благодаря его умениям, такая магия не действовала. Глядя прямо на лохматого духа, он вежливо проговорил:

– Здравствуй, Бенья. Сытно ли тебе?

Банник с набитыми щеками промычал нечто невразумительное, в знак согласия мотнув головой.

– Эх, пивка бы сейчас, – мечтательно протянул Аркаша, падая на лавку. – Любишь пиво, Бэн?.. Должен любить, ты же банный.

Беня помалкивал, сосредоточенно жуя.

Вставил слово и Пырёв:

– Мы там лоханку с водой и веник оставили. Каждый четвёртый ковшик специально для тебя плескали. Пар столбом стоит. Наслаждайся, Беня.

Дух опять покивал, не переставая работать челюстями. Хоть и нежить, а пожрать не дурак.

Обсохнув, гости облачились в порты и просторные рубахи да пошли в дом, где ждал накрытый хозяевами стол.

Войдя в горницу, Пырёв так и замер на пороге. Башка ткнул ему в спину, что-то сказал насмешливо, но, обойдя остолбеневшего Стаса, застыл рядом. Здесь оказалось полно народу. Кроме хозяина с женой и дочерьми из-за стола на вошедших глазели ещё пятеро. Впрочем, один из них был хорошо знаком – Ёршик, хозяйский домовый. Около него находился старик чуть выше ростом и постарше. За ними на лавках сидели два крепких мужичка. Первый ничем не примечательный, хозяйственный на вид. Такие обычно заведуют складами или работают завхозами. Второй с головы до пят обсыпан мукой, словно мельник. Даже длиннющая, до пола, борода белая, как мел. Ещё один полноватый мужичок ходил вдоль стола, заглядывая в пустые тарелки, и что-то недовольно бурчал себе под нос. Увидев вошедших, остановился и вместе с остальными принялся буравить их взглядом.

– О, вся компания в сборе, – констатировал Юнос. Ни к кому особо не обращаясь, бросил: – А где Дворовой?

Ответил худосочный старикан возле Ёршика:

– Они с Овинником подворье стерегут. Обидчики твои, ведун, страху нагнали. Ишо коняга ихняя там, а он чужих не жалует, сам знаешь. А Банник чего ж не пришёл?

– Пусть потешится, Воструха. Мы ему такой парок заделали.

– Ну, пусть так. Чего встали-то, как не родные? Проходите да садитесь, чай хозяева не зря расстарались заради вас. Или приглашения Чура ждёте? Так занят он, на шухере стоит.

С укором глянув на Аркашу, Стас демонстративно громко побряхтел. А тот всё внимание на окно, будто в телевизор уставился, по которому сейчас интереснейший фильм показывают. На самом деле, там ничего кроме стены сарая не видно. М-да... Этому хоть кол на голове теши.

Пырёв повернулся к Вострухе.

– Ты, дядя, поменьше бы с Башкой... с Аркадием то есть, общался, – дал добрый совет. – Не ровен час, наберёшься от него дерьма всякого.

– Да что мне теперь, вовсе ни с кем не разговаривать? – возмутился Аркаша, оторвавшись-таки от созерцания окна. – Подумаешь, поинтересовался дедуля, у какого это «хозяина» я был, и что за «понятия» такие, по которым жить следует. Ну, я и объяснил, как мог.

– Представляю эту лекцию на тему «Тюремный жаргон в применении к обиталищам духов».

За разговором сели за стол. Воструха поманил Пырёва и усадил рядом. По другую руку от старика расположилась Милана, скромно прятая взгляд. Кивнув на неё, дед наклонился к Стасу и зашептал:

– Правда, хороша девка? Влюбилась в тебя, дурака, по уши. Смотри, не обижай невесту.

– Так уж сразу и невесту. Ты чего, дядя, женить меня вздумал? Может, здесь просто детская влюбленность, которая скоро пройдёт, а ты всё всерьёз воспринимаешь.

– Я растил эту чудо-девичью красу и берёг. Всё про неё знаю. И с кем судьба сведёт, и с кем счастлива будет. Даже Овинник подтвердит. То у Дары детская влюблённость к това-

рищу твоему, поскольку она дитя ещё малое и несмышлёное. А Мила поклялась перед водой в любви к тебе. Такими вещами просто так не разбрасываются.

Не зная, что сказать, Стас молчал. Вот ведь незадача. Только влюблённой девчонки ему не хватало для полного счастья. Тут не знаешь, как от злодеев разных отбиться и домой невредимым попасть, так ещё малознакомая хозяйская дочь хомутом на шее повиснуть собирается. Зачем? Чтобы связать его брачными узами и навсегда оставить здесь? Чем он так важен? Сплошные вопросы, которые скачут далеко впереди сильно отстающих ответов.

Мысли Стаса прервал обсыпанный мукой белобородый мужичок, строго прикрикнувший на толстяка:

– Эй, Жировик, хорош хозяйскую посуду шмонать. Жри свою пайку и не крысятничай.

Понятно, Башка уже и с этим пообщаться успел. Что за человек такой, ни на минуту без присмотра оставить нельзя. Надо было соорудить здесь ему КПЗ и держать взаперти, чтобы общество от моральной деградации обезопасить. Впрочем, проникнуть в Аркашину камеру нежители большого труда не составит. А уж там их перевоспитание полным ходом пойдёт. Все сразу блажными заделаются.

– Ты чё, Клетник, я ж так, проверил, не осталось ли чего.

Окрик белобородого застал Жировика у печи с пустой кастрюлей в руках. Бережно поставив её на место, тот проковылял к столу и, кряхтя, взгромоздился на скамейку рядом с Ладой, которая уже разливала по многочисленным тарелкам дымящиеся щи.

Похоже, собралась вся нежить с подворья. Причём, никто не скрывал своего присутствия. Озадаченный вид молчаливого Ставра и женщин говорил о том, что случай этот из ряда вон выходящий.

Кузнец разломил хлеб и передал кусок Юносу со словами:

– Не томи уж, сказывай, что за напасть привела тебя.

И ведун стал рассказывать, поминутно прерываясь, чтобы в очередной раз откусить хлеб и отправить следом ложку щей. Его не перебивали даже во время таких пауз. Слушали, затаив дыхание. Поэтому в горнице время от времени повисала тревожная и горькая тишина.

Пограничная Крепость была ни чем иным, как небольшим укреплённым военным поселением. Поставленная где-то на северо-западе, она преграждала дорогу кочевникам, не пуская их на окультуренные сельским хозяйством земли. Задача не столь трудная даже для того невеликого гарнизона, что находился в крепости. На востоке топкие болота, на западе непроходимые горы. Единственная дорога с севера проходит через узкую долину, которую и запирает крепость. Кроме того, перед ней стоит лес... Вернее, стоял. Там, как водится, обитал свой Леший, который на дух не переносил кочевников и не давал им шастать по своим владениям. По ту сторону леса и раскинулись пастбища скитских племён.

По аналогии с земной историей Стас более-менее представлял жизнь кочевников. Клань, занимающиеся животноводством, переезжающие с места на место со всем своим скарбом и многочисленными родичами в поисках новых пастбищ. Вечные конфликты из-за дележа территории, временные, быстро распадающиеся союзы.

Юнос дополнил эти знания, чуть подробнее описав образ жизни скитов.

Как животноводы, они поклоняются скотьему богу Волосу, которому приносят кровавые жертвы. Он чем-то напоминает Велеса, крестьянское божество, на чьём Капище оказались земляне, впервые попав сюда. Но ему, в отличие от Волоса, жертвуют не скотину, а часть урожая. За животными у скитов следят женщины. Они же ведут нехитрое домашнее хозяйство. А вот мужчины охраняют стада и занятую территорию. Ходят в набеги, отбивая у соседей скот и более богатые кормами пастбища. Так и живут в постоянных распрях, решая все спорные вопросы с помощью меча. Не брезгают заглядывать и в сёла, чиня жестокую расправу над людьми, грабежи да поджоги. Поэтому севернее леса деревень-то и нет.

Местные жители, правда, охотились в лесу спокойно. И возвращались всегда целые, невредимые и с добычей доброй. А вот скитов, кто в чащу забредёт, Леший так заморочит, что те долго блуждать будут, теряя коней и сопровождающих. В самой гуще леса окажутся, где непременно на хищников нарвутся, а то и на оборотней. Не в силах найти дорогу, ободранные, голодные и злые, в лучшем случае, возвратятся туда, откуда пришли.

Изредка небольшим отрядам всё же удавалось миновать лесного духа. Однако люди Юноса их быстро вылавливали, стоило тем засветиться вблизи деревень. Даже пограбить толком не успевали. Но так было лишь до недавнего времени.

Сначала кочевники начали появляться всё чаще и всё более крупными силами. Если крестьяне иной раз и сами могли отбиться от разрозненных банд налётчиков, то теперь устоять против сплочённых молниеносных атак им было нелегко. Юнос не успевал на выручку. Несколько селений спалили дотла. По рассказам тех немногих, кому посчастливилось выжить и найти приют в Крепости, стало известно, что у скитов появился вождь, способный свободно водить свои войска сквозь лесную чащу. Люди слышали его имя, когда кочевники скандировали с диким фанатизмом: «Слава Великому Скалу! Слава Великому Скалу!..»

Чтобы разобраться, почему лес перестал защищать крестьян, Юнос пошёл туда. Лешего разыскал с трудом. Тот выглядел хилым. Казалось, он смертельно болен. Волосы по всему телу проела плешь. Одежда из некогда гибких зелёных ветвей превратилась в ломкий сухой хвост, осыпающийся скрученными пожелтевшими листьями и древесной трухой. Бедный дух рассказал, что его магия совершенно не действует на нового скитского вождя. Тому не составляет никакого труда проходить по владениям Лешего, когда вздумается. Кроме того, он мог провести за собой целый отряд. Мало того, Скал каким-то чудом подчинил себе три, а то и больше племён. И сейчас все они стоят лагерем перед лесом и методично вырубает деревья, намереваясь полностью его уничтожить...

– Что за злодейство! – не сдержался Воструха и хлопнул сухой ладошкой по столу. – Это ж надо, на такие муки обречь Лесовика, чтоб его извести. И к чему? Мог ведь и так сквозь лес ходить.

– Думаю, он проделал постоянный свободный путь, чтобы самому людей не водить, – ответил Юнос. – Пока ходил туда-сюда, был привязан к этому месту. Ну, перевёл часть воинов, за другими вернулся. А эти что? Их легко разбить. Большое войско сразу бы не провёл. Из леса выйдут лишь те, кто рядом ступает. Остальные собьются с дороги, потеряются... Нет, умный мужик этот Скал.

– Поражаюсь я тебе, – буркнул Ставр, удручённый рассказом, как и все. – Как это ты врага превозносишь, будто он благое дело вершит.

– Не благое, не спорю. Но в уме ведь ему не откажешь. А умный враг во много раз опаснее...

Дальше, по словам ведуна, события начали развиваться стремительно.

Леший умирал вместе с лесом, вырубив который, Скал наверняка поведёт свою армию на юг. Времени оставалось всё меньше. Юнос оповестил о надвигающейся опасности окрестные сёла. Большинство жителей вняло предостережению и отправилось вглубь страны. Часть осталась дожидаться своей участи дома – в основном старики, – а часть пришла в Пограничную Крепость, пополнив ряды защитников.

И вот настал час, когда в воздухе запахло гарью от сожжённых деревень, а долину под стенами Крепости заполонили сотни чужих всадников, облачённых в разношерстные доспехи. Защитные редуты возводились на скорую руку и не были достаточно укреплены. Строительство ещё продолжалось. Основой обороны были солдаты Юноса, и они не подвели. У кочевников не вышло взять Крепость с ходу. Но их было много. А бестолковое упорство, с которым они раз за разом продолжали карабкаться на стены, Скал умело использовал, чтобы непрерывными атаками донельзя измотать гарнизон. Пограничники совершили несколько удачных

вылазок, отогнав скитов от Крепости, что дало небольшую передышку. Почти никого из ополчения к тому времени уже не осталось в живых. Многие защитники были ранены. А за стенами снова наступал враг.

Крепость, как торчавшая в горле кость, перекрывала единственную дорогу на юг и не давала Скалу идти дальше. Неожиданно яростное сопротивление гарнизона, понесённые при этом потери грозили сорвать его дерзкий план. Видя, что силы защитников на исходе, Скал бросил все отряды на решающий штурм. Пограничники поняли, что этот бой последний. Они были готовы к нему...

Защитники, кто ещё мог сражаться, скинули доспехи, взяли в руки по два меча и бились на стенах, сдерживая каждый сразу несколько врагов. Они погибли в том неравном бою. Все до единого. Но прихватили с собой на Небеса намного больше скитов, чем сильно досадили Скалу, не дав ему в полной мере насладиться победой.

Юнос не знал, пойдёт ли Скал дальше или останется в приграничной полосе. Его потери были значительными, но не настолько, чтобы совсем остановить кочевников.

– Да, дела, – задумчиво протянул Ставр. – Выходит, други, поездка на ярмарку отменяется. Не могу я в такой час оставить своих.

За столом повисла гнетущая тишина. Собравшиеся с тревогой думали о будущем. Было ясно, что все планы, какие строили до этого, пошли прахом... Надвигается большая беда, несущая горе всем обитателям этого мира.

Со своего места поднялся домовой. Неторопливо подошёл к печи, звонко шлёпая босыми ступнями по деревянному полу. Пошевелил угли, подкинул дров. Снова уселся за стол. Гробовое молчание нарушал только треск поленьев. Бас кузнеца, прозвучавший в этой тишине, мог запросто поспорить с громовым раскатом в горах:

– Ну, а ты, Юнос, куда пойдёшь?

– Сначала думал сразу в Трепутивель отправиться. Князю о скитах поведать. Но мы слишком долго их у Крепости сдерживали. За это время и мой гонец поспел, и беженцы вести разнесли. Наверняка он сейчас дружину собирает, чтобы на север выступить. А когда двинется, обязательно через Суматошьё пройдёт. Там его и подожду. Присоединюсь, конечно. Даже простым ратником.

– Вот и славно. Гостей моих, значит, к Всегляду сведёшь. Сговорились?

– Сведу. Чего ж не свести-то...

С отъездом решили не тянуть. После недолгих сборов отправились в дорогу, простившись с хозяином и его домочадцами. Впервые после происшествия на реке Пырёв смог поговорить с Миланой. Та по-прежнему прятала глаза, только на этот раз в них стояли слезы. Он ласково взял девушку за плечи, заглядывая в грустное лицо.

– Прощай, милая Мила, – всегда называл её так в шутку, наслаждаясь красивой игрой слов и нежным звучанием этого имени. – Возможно, больше не увидимся с тобой, если нам удастся отыскать дорогу в свой мир. Ты славная девушка, у тебя вся жизнь впереди... Ещё повстречаешь своего суженого и будешь с ним счастлива.

Наклонившись, хотел поцеловать её в лоб, но Мила вырвалась из рук, в упор взглянула на Пырёва широко распахнутыми влажными глазами, горячо выпалив:

– Я не хочу другого суженого. У меня есть ты, а больше мне никто не люб. Возвращайся, Стас, я буду тебя ждать.

Быстро обвила его шею и неумело прильнула к губам. Пырёв не успел ничего сделать, когда девушка отпрянула и молниеносно скрылась в доме, оставив его стоять с бестолковым видом перед её родителями.

Кузнец только усмехнулся в бороду. По-отцовски обнял Стаса, сказав:

– Возвращайтесь, ежели что. Всегда с радостью вас примем.

– Давно уж пора, – подал голос Медяник. – А то я всё один да один. Всю работу, значит, делаю...

Грустно как-то сказал. И отвернулся сразу. Показалось, что по медной физиономии Митьки, от линзы, заменяющей глаз, течёт тягучая масляная струйка.

Маленькая Дара плакала навзрыд, нисколько не скрывая катившихся по щекам слез. У Пырёва защемило сердце. И когда только успели они стать такими родными этим добрым людям? Самое странное, что и он чувствовал к ним привязанность, настолько сильную, что готов был отказаться от возвращения на Землю и навсегда поселиться в этом мире. Пусть даже на Милане жениться. Где ещё найдешь столь славную, невинную во всех отношениях девушку, которая если любит, то изо всех своих жизненных сил, опалая избранника жаром безумных чувств, прикипая к нему всем сердцем, всей своей неуёмной, страдающей душой. Необходимость поиска дороги домой и горькое, жгущее грудь нежелание расставаться с семьёй, давшей им приют, разрывали Стаса на части. Разум непримиримо конфликтовал с чувствами. Но годы научили Пырёва подавлять эмоции. Покидая двор, он твёрдо решил, что обязательно вернётся сюда ещё хотя бы раз из одного только уважения к первым повстречавшимся здесь людям.

Ставр с Ладой дошли до ворот и остановились под аркой. Низко, в пояс, поклонились гостям, а после долго ещё стояли, махая на прощание, пока бредущая по дороге троица, сопровождаемая навьюченным поклажей скитским конем, не скрылась из виду...

Остывающее солнце постоянно светило в спину, почти не грея. Ещё и от реки, вдоль которой пролегал путь, веяло прохладой. Дорога с каждым последующим километром всё дальше отходила от русла и вскоре углубилась в густой лес. Теплее ничуть не стало. Однако непрерывное движение разгорячило путников. Куртка Стаса и плащ Аркаши давно перекочевали в седельные сумки. Свой пиджак Башка тоже снял и нёс в руках, то и дело вытирая рукавом рубашки евший глаза пот.

Когда вышли из леса, плотные свинцовые облака закрывали весь видимый небосвод, не пропуская на землю ни единого солнечного луча. Все выбились из сил, особенно Юнос, которому последние дни приходилось непрерывно сражаться и бегать от врагов. Решив передохнуть, спустились в небольшой овраг, способный защитит от ветра, и устроили в нём привал. Ведун распряг коня и снял поклажу. Стас развёл костер, а Башка взялся за раздачу еды.

Наскоро перекусив, Юнос тут же свалился на землю, положив рядом с собой меч и арбалет.

– До города уже недалеко, – пробормотал, засыпая. – Скоро будем на месте.

Почти сразу послышалось его равномерное сопение.

Первым караулить их небольшой лагерь вызвался Стас. Такая предосторожность не казалась ему излишней, хоть и не заметил по пути никаких признаков преследования. Мало того, им не встретились ни одна живая душа. Неживая, кстати, тоже.

Сев на склоне, чтобы иметь хороший обзор, а самому при этом оставаться незаметным, Пырёв устроился поудобней. Застегнул куртку и поднял воротник.

Облака всё плотнее укутывали небо. Стало темнеть. Из оврага поднимался туман, медленно расползаясь по долине. Недавний тёплый солнечный вечер в считанные часы превратился в промозглые предночные сумерки, дыхнув холодным предчувствием грядущей зимы. Света почти никакого, и густое марево повсюду. Ни черта не видно. Какой смысл пялиться в непроглядную серую муть? Плюнув, Стас вернулся к костру. Что за дурацкий климат. Где-то там, за облаками ещё светит солнце, которое никак не может спрятаться за горизонт. Да только на небе от него даже пятнышка светлого нет. И сразу холод, туман...

Мир, вроде, ничем от Земли не отличается. Однако многие, даже самые неуловимые на первый взгляд нюансы, складываясь, как мозаика, в общую картинку, заставляют Стаса чувствовать себя, что называется, не в своей тарелке.

Примерно те же ощущения испытывал и Аркаша. Сейчас они подспудно ворочались в нём, сверлили мозг, не давая спокойно спать. Поёрзав на лежанке в поисках более удобного положения, он перевернулся на другой бок и увидел сидящего невдалеке Стаса. Тот при свете костра чистил пистолет.

– У тебя ещё остались патроны? – удивлённо спросил Башка, приподнимаясь на локте.

– Нет, боезапас кончился.

– А чего таскаешь? Выброси к чертям. Лишний груз. Какой смысл чистить совершенно бесполезную вещь? Им даже бутылку не открыть по причине её полного отсутствия.

Пырёв пожал плечами. Посмотрел на огонь через ствол пистолета, проверяя, не остался ли нагар. Пробормотал:

– Оружие любит ласку, чистку и смазку. Его всегда надо в чистоте содержать. А выкидывать... Зачем? Не такой уж он и тяжёлый. Вдруг пригодится когда-нибудь. Да и потом, не возвращаться же без табельного оружия. Начальство с меня голову снимет.

– Сначала доберись до своего начальства. А под раздачу попадать тебе не впервой. Пора уже привыкнуть. Из-за одного меня сколько шишек набил?

– Помолчал бы, умник. Сейчас-то ты конкретно влип. Не отмажешься, как раньше. Давно бы на нарах парился, если бы не эти чёртовы Врата. Дай только в Управление тебя доставить.

– Как знать, как знать, капитан, – Аркаша сонно зевнул. – Ещё неизвестно, сколько времени здесь проведём. А за этот срок всякое может произойти.

– Думаешь смыться? Зря. Тогда не сможешь обратно на Землю попасть. Вся наша надежда теперь на Юноса и волхва этого, Всегляда. Выхода у тебя нет.

– А с чего ты взял, что здесь только эти двое владеют нужной нам информацией? Мир большой, населения всякого разного до чёрта. Наверняка найдётся ещё хотя бы парочка таких умников. Главное, их отыскать. А уж договориться с ними я смогу.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – подпустив яда в голос, зловеще проговорил Пырёв. – Но сначала тебе нужно будет избавиться от меня, что не так-то просто.

– Ну, не буду спорить, – Аркаша лёг на спину и плотнее укутался в плащ. – Спокойной ночи.

– Давай, давай. Дрыхни.

Дочистив пистолет, Стас убрал его в кобуру.

Было ещё темно. Костёр почти догорел. Опасаясь, что на его свет может нагряться погоня, если всё же Богбир пустился следом, Пырёв не стал подбрасывать дров. Улёгся поближе к тлеющим углям, глядя в мутное серое небо. Ничего интересного там не происходило. Густая масса облаков едва заметно двигалась к востоку. Спустя несколько часов такого движения, небо стало светлеть. Низкие тучи, так и не пролив ожидаемый дождь, уносили свой неизрасходованный запас воды дальше на восток.

Как только первый пробившийся сквозь тучи солнечный луч проник в овраг, Юнос подскочил, держа в одной руке заряженный арбалет, а в другой обнажённый меч. Скаля звериные клыки, он одно мгновение затравленно разглядывал Стаса с Аркашей. Затем окончательно пришёл в себя, опустил оружие и сел на землю, издав облегчённый вздох. От его шумного подъёма проснулся и Башка. Что-то недовольно пробурчал, перевернулся и, натянув на голову плащ, вознамерился спать дальше.

Но Юнос не дал ему долго расслабляться. Энергично встав, подхватил седло и направился к пасущемуся поблизости коню. На ходу бросил:

– Пора двигаться. Если Скал выступил в поход, он уже недалеко. Надо как можно скорее попасть в Суматошье, а там я вас отведу в Старгород.

– Куда-куда? – новое незнакомое, но такое земное название заставило Аркашу вынырнуть из-под плаща.

– Так называется место в Суматошье, где стоит Велесово Капище. Всегляд там живёт.

– Понятно, – Башка с кряхтением поднялся, отряхивая плащ. – А если он тоже не сможет помочь, кроме него кто-нибудь есть?

Помня их с Аркашей недавний разговор, Стас почувствовал подвох. Неужели хочет сорваться, чтобы самому домой попасть?

Услышанный ответ не порадовал:

– Точно не знаю. Но если кто-нибудь вам и поможет, это волхвы. Коль скоро вы явились из Велесова Капища, то лучше обратиться к тем, кто служит Велесу. Они есть в каждом крупном поселении. Ближайшее из них Суматошье. Всегляд самый древний волхв, каких я знаю, и самый мудрый. У кочевников, к слову, тоже волхвы есть. Им также много ведомо. Но про их знания ничего не могу сказать. Все они сейчас помогают Скалу проливать кровь.

Юнос замолчал, опустив голову, словно вспомнил прошедшие битвы и павших товарищей. Потрепал коня за холку. Задумчиво произнёс:

– Я выжил только потому, что ведун.

Повернул к Стасу с Аркашей пустой, ничего не выражающий взгляд.

– Они сотворили злую волшбу. Поэтому я один и остался. Все другие, кто был со мной, простые люди. Но в одиночку я бы тоже не устоял, потому и ушёл через Врата. Хотел спасти оставшихся, но не сумел... Хотел попасть сразу в Трепутивель, но чародеям Скала как-то удалось преградить мне путь. Из-за этого я и вышел к дому Ставра, из ближайшего сплетения сил. Так что, вполне возможно, волхвы эти владеют знаниями о перемещениях из мира в мир. Мне же их волшба неведома.

– В любом случае, нам повезло, что тебя встретили. А то тыкались бы, как слепые котята.

Пырёв покосился на Башку, поскольку говорил это больше для него. Хотел дать понять, что только на Юноса им сейчас и надо рассчитывать. Ни к чему метаться в поисках другого чародея, если один из них уже под рукой. К тому же с ним они куда в большей безопасности, нежели сами по себе.

Аркаша, казалось, не слышал, витая где-то в облаках. «Чёртов аферист, – глядя на него, выругался про себя Стас. – Неужели действительно будет искать встречи со Скалом? С него станется. На всё пойдёт, лишь бы наказания избежать. Не помешало бы разжиться подробным досье на этого вождя. Врага надо знать в лицо, чтобы учесть его сильные и слабые стороны».

О многом хотелось расспросить ведуна. Вопросы так и роились в голове, но капитан от них воздержался, видя, что Юносу тяжело вспоминать о пережитом. Даже неугомонный Аркаша помалкивал, опасаясь показаться чересчур навязчивым. Его молчание Пырёв расценил по-своему, приняв за осторожность. Думал, что Башка просто не хочет вызывать подозрение. Наверняка уже строит планы, как избавиться от надоедливого сыщика, не дающего покоя даже в совершенно чужом, не подпадающим под земную юрисдикцию мире. Ничего, здесь тоже должны быть преступники, а значит и тюрьмы для них. Туда можно упечь афериста, чтобы не путался под ногами. И санкции прокурора не надо. Где его тут искать?..

Обогнув кривой овраг, дорога вывела к широкому тракту, пересекавшему равнину с юга на север почти идеально ровной линией. Тракт был вымощен камнем – плоскими квадратными плитами около метра в длину. Плотнo подогнанные друг к другу, они создавали почти идеально ровную поверхность. Это несказанно обрадовало избалованных цивилизацией землян. Свернув на юг, они бодро вышагивали по твёрдому покрытию. Весело балагурили, довольные, словно дети. Даже рассказали Юносу несколько анекдотов. Над некоторыми ведун посмеялся от души, но другие так и не понял, не смотря на неумелые попытки рассказчиков растолковать их смысл. За разговором не сразу заметили показавшиеся из-за горизонта острые крыши домов.

– Вот и Суматошье, – показал на них Юнос.

Пырёв с любопытством стал всматриваться в вырастающие по мере приближения фасады. Их нижнюю часть скрывала невысокая крепостная стена с редкими сторожевыми башнями по углам. Дорога вела в распахнутые ворота. Деревянные створки оббиты металлическими листами. На въезде несколько гружёных телег. Рядом четыре человека в покрытых пылью плащах оживлённо беседовали с часовыми.

Когда Стас, Аркаша и Юнос, ведя коня в поводу, подходили к воротам, телеги тронулись и, не спеша, въехали в город. Стражники стали с любопытством поглядывать на приближавшуюся троицу. Часовых было пятеро. Все в кольчугах и шлемах. На поясе у каждого меч и кинжал. Двое с луками за спиной, на боку круглая коробка, из которой торчат оперения стрел. У стены ровными рядами, как автоматы в пирамиде, составлены копья и круглые щиты. Одним словом, до зубов вооружённый караул в полной боевой готовности.

Встав перед первым стражником, чьё лицо заросло густой бородой, а уголки глаз изрезали глубокие морщины, Юнос приложил к груди ладонь и приветствовал его лёгким поклоном. Очевидно, это старший. Стражник сдержанно кивнул и, сразу взяв быка за рога, спросил:

– Кто такие и откуда?

– Юнос Кевепский, воевода Пограничной Крепости. Со мной Капитан Пырёв из Уголовного Розыска и мирянин Аркадий.

Караульные с нескрываемым удивлением уставились на Юноса. Только их начальник сохранял деловито-угрюмое выражение лица. Голос его, однако, слегка дрогнул, когда старый солдат спросил:

– Что с Крепостью? Цела ли?

Юнос отрицательно покачал головой:

– Кочевники перешли границу и большим войском напали на нас. Все погибли. Вырваться удалось только нам. Хотя, здесь только те, кто был со мной. Может, ещё кто-то жив остался. Что у вас о кочевниках слышно?

Старший караула кивнул на стражников:

– Видишь, охрана усилена. Готовимся и ждём. Беженцы от границы всё идут. Рассказывают, что кочевники, де, обосновались там и грозят пойти дальше. Но никто ещё не говорил, что их войско в нашу сторону двинулось. Похоже, Скалу хватает пока и пограничных земель.

– Не знаю, – опять покачал головой ведун. – Вряд ли он остановится в самом начале пути. Думаю, скоро сюда придёт. Скажи, на месте ли ваш посадник?

– Нет. Посадник Яромир, узнав о кочевниках, направился к князю в Трепутивель. Вместо него сын остался, Петрик. Он в отцовских палатах сидит. Можете туда сходить. Отдохнёте и расскажете Петрику обо всём. Вижу, досталось вам...

Их пропустили. Через город путники шли мощёными улочками, заполненными встревоженными, разговаривающими вполголоса жителями. Лица серые от переживаний. Повсюду беженцы со своим скарбом, какой успели прихватить. Вокруг суетятся горожане. Дают молока, хлеба, расспрашивают, охают...

То здесь, то там жители сбивались в небольшие группы. Везде обсуждали одно – небывалый набег кочевников, какого ещё не знала новейшая история этого мира.

Самое большое скопление народа встретилось на площади. Здесь Пырёв увидел нечто вроде стихийного митинга с присущими ему горячими спорами и выступлениями ораторов. Один из них, крепкого телосложения темноволосый мужичок с аккуратно подстриженной бородкой, в красочной, богато расшитой одежде, встав на высокий бордюр, энергично жестиком кулировал огромными ручищами, громогласно вещая собравшимся вокруг него горожанам:

– Кочевники – свободный народ. Они никому не платят податей, над ними нет хозяев. И воюют они только с нашими господами, которые сначала заточили их на неплодородных северных землях, а сейчас, вместо того, чтобы самим лицом к лицу встретиться со скитами, выставляют против них свой народ. Вас, миряне! Трусливо прячутся за вашими спинами.

Скитам в этом случае ничего не остаётся, как уничтожить вас, стоящих у них на пути. Пути вашего же освобождения от власти удельных посадников и мироеда князя. Кому вы будете платить кровно заработанные вами деньги после того, как уйдёт отсюда наш посадник? Скалу нужен только он и ему подобные. Скалу не нужны ваши жалкие гроши. Так зачем же отдавать за кого-то свою жизнь?

– Наш посадник всегда был добр к нам, – донеслось из толпы. – Разве ж может кто упрекнуть его в несправедливости?

– Я могу упрекнуть его в трусости и жадности! – дерзко выкрикнул оратор, указывая пальцем на говорившего. – Да будет вам известно, что посадник Яромир сбежал, забрав с собой городскую казну, собранную на ваши же средства!

Народ возмущённо зароптал. В защиту посадника больше никто не посмел выступить. Бородач победно продолжил:

– Теперь думайте, стоит ли вступать в бой за такого человека. Или, может, вам пора навсегда отказаться от хозяев, открыть городские ворота навстречу освобождению от рабства, которое несёт нам Скал со своим воинством. Только он скинет с нас ярмо князя и его посадников!..

Миновав площадь, Стас услышал, как последние слова оратора потонули в одобрительном гуле голосов. Этот красноречивый болтун привлёк большую часть толпы. Число слушателей неумолимо росло. Беженцы и горожане продолжали стекаться на площадь со всех прилегающих улочек. Кажется, назревали волнения.

Солдаты в городе не попадались. Очевидно, заняты внешними караулами. Это явно играло на руку разным горлопанам, позволяя собирать такие вот несанкционированные митинги.

– Хреновато тут у вас, – высказался Пырёв, кивая на оставленную позади площадь.

– Хорошего мало, – печально проговорил ведун. – Богатеи поднимают смуту. Хотят избежать погромов, чтобы сохранить свои набитые золотом сундуки. Собираются впустить скитов и сдать город без боя.

– Дураки чёртовы, – ругнулся Пырёв.

Отвечать Юнос не стал, выразив молчаливое согласие с его мнением.

Глава 5

Дом посадника выглядел небольшой деревянной крепостью. За глухим частоколом из брёвен стоял настоящий терем в старорусском стиле. На воротах несли службу стражники посадской дружины.

Каким-то чудом они уже знали о прибытии в город воеводы Пограничной Крепости и ждали его появления. Один из караульных вызвался повести путников через палаты. Прошагав за ним по широкой гостинной, поднялись по крутой лестнице на второй этаж, где оказались в просторной светлой комнате с огромным дубовым столом в центре и несколькими деревянными резными креслами по бокам. Во главе стола сидели четверо мужчин с мечами на ремнях. Трое пожилых и один молодой. Все повернули головы к вошедшим. Юнос направился к молодому. Встал напротив, поклонился и произнёс:

– Здравствуй, юный посадник. Я Юнос Кевепский, воевода Пограничной Крепости.

– И тебе здравствовать, Юнос. Я тебя знаю. Ты друг моего отца. К сожалению, его сейчас нет. Он отправился держать совет с князем в Трепутивель, обеспокоенный положением на границе. Свои дела отец временно передал мне, поэтому все вопросы можешь решать со мной. Но для начала поведай о нападении скитов на Крепость.

Кратко Юнос рассказал историю противостояния с кочевниками и последних сражений, не упомянув, однако, о бое у дома Ставра. Зато изложил свои догадки о дальнейшем продвижении вражеского войска вглубь страны, убеждая, что именно так и произойдёт. И ближайшей целью для атаки со стопроцентной вероятностью, по его мнению, должно стать Суматошьё.

Слушали его, не перебивая. Когда ведун закончил, в комнате повисла тишина. Пырёв решил, что сказано не всё, посчитав своим долгом внести некоторые дополнения. Он вышел вперёд и обратился сразу ко всем:

– Как сотрудник правоохранительных органов хочу заметить, что здесь у вас весьма неблагоприятно. Судя по услышанным разговорам, население не желает защищать город. Подстрекатели пытаются убедить людей открыть ворота перед кочевниками. Если вы не предпримете никаких мер, то ваши задницы скоро поджарят на медленном огне.

Сидевшие за столом недоуменно переглянулись.

– Это Капитан Пырёв из Уголовного Розыска, – поспешил представить его Юнос. – Он прибыл из очень дальних земель, где живут более простые в общении люди. Прошу простить его за не столь изысканную речь.

– Чужеземец? – юный посадник поднялся с места. – С севера, где скиты живут?

– Нет, Петрик, – успел сказать Юнос раньше открывшего было рот Стаса. – Он пришёл с северо-востока. Пересёк множество стран, чтобы попасть в Трепутивель и передать нашему князю приветствие своего народа для установления добрососедских отношений. Нам ведь нужны друзья за пределами державы.

– Нужны, – задумчиво повторил Петрик. Потом нахмурился и грустно продолжил: – Только толку от них, коли они так далеко. Что касемо смуты в городе, про то мне ведомо. Всё равно благодарю почтенного... э-э... Капитана за озабоченность судьбой чужого ему города. Это весьма похвально. А кто ваш третий спутник?

– Аркадий Башка, – теперь Стас опередил замешкавшихся товарищей. – Он гражданин моей страны и сопровождает меня в поездке.

Аркаша недовольно фыркнул возле двери, где продолжал стоять всё это время. Хотел ответить капитану тем же, напомнив пару кличек, полученных Пырёвым за время работы в уголовке, но тут его внимание привлёк шум с улицы. Все остальные тоже его услышали и дружно направились к полукруглым окнам. Из них открывался отличный вид на двор. Через распахнутые ворота виднелась часть улицы, заполненная народом. Одного взгляда на толпу оказалось

достаточно, чтобы понять – люди пришли сюда не в гости на блины. Стражники выстроились в проёме ворот, образовав стену из щитов. Им бы ещё дубинки в руки. Вылитые омовцы на массовых беспорядках.

– Борк, узнай, что там, – велел Петрик одному из воевод.

Тот пулей вылетел на улицу. Через минуту был уже за воротами, беседуя с представительной делегацией, возглавляемой черноволосым бородачом. Тем самым, что выступал на площади.

Поговорив и покивав головами, делегаты, сопровождаемые Борком, прошли сквозь строй дружинников и направились в терем. Петрик поспешил занять самое большое кресло во главе стола, напустив на себя важный вид. Два оставшихся военачальника встали за его спиной, словно стражники, добавляя правителю ещё больше солидности. Стас, Аркаша и Юнос по-прежнему торчали у окна, чувствуя себя здесь совершенно лишними. На кой нужна им чужая разборка? И уйти бы рады, но выставлять их из зала, как видно, никто не собирался. Самим, что ли, улизнуть втихаря?..

Пока гости рядились, поглядывая на дверь, та тихонько скрипнула, открываясь и впуская Борка. Величаво, словно церемониймейстер, с присущей тому торжественностью, воевода произнёс:

– Купец Кишенич с сотоварищи желает говорить с молодым посадником.

– Пусть заходят, – быстро разрешил Петрик.

Отступив немного в сторону, Борк подал гостям знак. Те вошли. Впереди вышагивал статный Кишенич. Высокий, крепкий с холёным лицом, обрамлённым аккуратной чёрной бородкой. Ещё на площади Стас углядел в этом хлыще явные лидерские замашки. Такой вполне может устроить бучу.

Перед столом купец резко встал. Богатые одежды колыхнулись, весело и заиграв красками. Позади робко переступали с ноги на ногу пришедшие с Кишеничем делегаты. Такие же, как он, городские богатеи. Но не настолько наглые. Среди них выделялся один, одетый куда скромнее. Видимо, из более бедных, взятый купцами лишь затем, чтобы «представительство народа» хоть чуть-чуть соответствовало своему названию.

Кишенич заговорил густым, хорошо поставленным голосом:

– Мы пришли требовать, чтобы ты своей дружиной не воевал Скала.

– Требовать? – изумился Петрик. – С каких пор почтенные купцы что-то требуют от посадника?

– Не смей нас. Посадник Яромир бежал. Об этом знает весь город.

– Посадник Яромир отправился на совет с князем! – возразил Петрик, едва сдерживая злость.

– Не надо обманывать себя и нас. Он бросил Суматошьё и его жителей на произвол судьбы, спасая свою шкуру.

– Нет, отец вернётся с дружиной князя.

Гневная краска залила лицо юного посадника. Казалось, он вот-вот вспылит и, выхватив меч, мелко нашинкует купца. Какой ненавистью пылали его глазницы! Но голос, хоть слегка и дрожал, оставался спокойным, а тон умеренно вежливым. Ничего не скажешь, хороший из Петрика дипломат, достойный сын своего отца. Потому-то старый Яромир и рискнул покинуть город в столь тяжёлое время, зная, что сын его не подведёт.

– Бой с кочевниками не имеет никакого смысла, – продолжал напирать Кишенич, игнорируя убийственный взгляд собеседника. – Мы только погубим людей, а город обречём на разрушения и огонь. Зачем лишние жертвы?

– Печёшься о своих сбережениях, купец?

– Не только за своё душа болит. За чад людских боюсь, за их добро, за тебя...

– Ежели мы сообща встанем на стены, ежели вы, купцы, вооружите и накормите население, только тогда поверю я вашей доброй воле. Только тогда мы сможем одолеть Скала. В битве за Пограничную Крепость он потерял много воинов, хоть крепость и не была ещё достроена, а дружина стояла там ничтожно малым числом. Вот её воевода, Юнос Кевепский. Его дружина не уцелела, зато сильно потрепала скитов. Спросите у него насколько благосклонны кочевники. Пусть расскажет вам, как те легко расправляются с беззащитными крестьянами, ремесленниками, их семьями. Грабят, убивают, жгут, насилюют. Такой участи вы желаете нашему городу?

Купец скосил глаза на Юноса. Презрительно прищурился и с насмешкой заговорил:

– Прежде всего, я бы хотел спросить воеводу, как сумел он уцелеть, когда его дружину перебили. Как случилось, что крепость оставила мирян без защиты? Возможно это его вина, что Скал со своим войском смог пересечь границу и теперь движется к нам?

Закончив говорить, Кишенич криво усмехнулся, не сводя уничтожающего взгляда с Юноса. Стас увидел, как напрягся ведун, не в силах ответить что-либо на столь жестокие обвинения. Его лицо побагровело, а губы плотно сжались. Помнится, ещё Геббельс в свою бытность министром пропаганды фашистской Германии выдал идею, смысл которой сводился примерно к следующему: «Если надо очернить человека в глазах окружающих, киньте в него грязью. А он пусть уже сам пробует отмыться». Кишенич использовал тот же гнусный приём.

– Ну и скотина же ты, парень, – зло процедил Стас, презрительно глядя на купца.

Такое высказывание, более-менее приемлемое для землян, здесь было, судя по всему, жесточайшим оскорблением. Слова Пырёва произвели эффект разорвавшейся бомбы. Все замерли в оцепенении. Все, кроме одного.

Кишенич резко, всем корпусом развернулся к обидчику. Бешено вращая глазами, шагнул в его сторону, распахивая на ходу свои одежды.

Под широкой долгополой безрукавкой, на украшенном драгоценностями ремне, в таких же изысканно инкрустированных ножнах висели два коротких меча. Толстые сабельные гарды похожи, скорее, на небольшие боксёрские перчатки. Слегка изогнутые клинки, вылетев из ножен, уставились наконечниками в грудь Пырёву. Так и держа их перед собой, купец с глухим рычанием кинулся вперёд.

Никто не успел среагировать. Сам же Стас, позабыв о болтавшемся на поясе ноже, следуя давно выработанному инстинкту, встал в боевую стойку. Дальше действовал на автомате. Шаг в сторону. Отбить правую руку, захватить. Двинуть коленом в пах...

Запнувшись о его ногу, купец крикнул. По инерции сделал ещё шаг и стал оседать. Пырёв отступил, заламывая и выворачивая наружу пойманную кисть. Коротко вскрикнув, Кишенич всей массой рухнул на пол. Дёрнулся, пытаясь освободиться. Не помогло. Вращая его рукой, Пырёв заставил купца уткнуться мордой в пол. Меч выпал. Удерживая кисть, Стас заломил её так, что хрустнули суставы, а купец жалобно взвыл. Негромко, но требовательно победитель произнёс немного дрожащим голосом:

– Вторую сабельку брось.

Не в силах сопротивляться дикой пронизывающей боли, Кишенич выпустил рукоять другого меча. Подобрал клинки, Стас отошёл, оставив обезоруженного противника лежать ничком.

– Не смей драться в моих палатах! – запоздало рявкнул опомнившийся Петрик.

Остальные продолжали стоять там, где застала потасовка. Длилась она всего несколько секунд. Если кто-то и хотел выхватить оружие, то после окрика молодого посадника сделать это уже не рискнул.

– Вставай, Кишенич, – сказал Петрик с самым серьёзным видом, без какого-либо намёка на злорадство или усмешку. – Иди, успокой народ. Скажи им, что моя дружина не примет боя. Впускайте в город кочевников. Становитесь перед ними на колени. Делайте, что хотите... Но помните, я предостерегал вас и согласился с вами лишь затем, чтобы не допустить столк-

новения дружины с горожанами. Я не желаю драться со своими подданными, пусть даже предавшими меня и моего отца.

Кряхтя и морщась, Кишенич поднялся. Ничего не ответив посаднику, молча развернулся и вышел, слегка согнувшись и держась за вывернутое плечо.

Не зная, куда деть отобранные мечи, Стас продолжал вертеть их в руках. Оглядев присутствующих, встретил укоряющий взгляд Петрика.

– Ты хоть и чужеземец, Капитан Пырёв, – произнес тот с нажимом, – но сейчас находишься здесь, у нас. Значит, и веди себя согласно нашим обычаям и правилам.

И всё же в голосе посадника сквозило уважение. Поняв это, Стас обнаглел настолько, что позволил себе небольшую дерзость:

– В моей стране не терпят подлецов, а на оскорбление отвечают оскорблением. Если же кому-то захочется почесать кулаки, ему платят той же монетой. Я думал, что у вас тоже принято бороться с несправедливостью. Разве не так?

– Хороший ответ, Капитан, – вдруг совсем по-мальчишески улыбнулся Петрик. – Совершенно правильный и искренний. Рад, что имел честь познакомиться с тобой.

Вернулся Борк, выпроводивший гостей.

– Кишенич увёл горожан, – объявил он.

Посадник нахмурился. От озорного юношеского выражения не осталось и следа. Теперь это снова отягощённый заботами правитель.

– Эти купцы дорожат лишь своими кошельками. Отсюда и смута вся.

Заложив руки за спину, порывисто заходил по комнате. Вернулся к столу, опять отошёл. Оказавшись рядом с Юносом, остановился. Спросил:

– Сколько у нас времени до прихода кочевников?

– Думаю, солнце и на четверть не скроется, как они будут здесь.

– Нельзя мешкать, – Петрик повернулся к воеводам. – Готовьте дружину к походу. Через три часа выступаем в Трепутивель.

– Как?! – Борк недоумённо уставился на Петрика. – Бросить город?

– Другого выхода нет, – горько вздохнул тот. – Так мы хотя бы сохраним дружину. Если примем бой, то все умрём. Надо силы с князем объединять. Скал наступает мощным сплочённым войском. Одной дружиной его не одолеем, какой бы подготовленной и хорошей она ни была. Пример тому Пограничная Крепость. Всё! Мы уходим.

Покидая апартаменты посадника, Пырёв задумчиво произнёс:

– А этот Петрик ничего. Грамотный паренёк. Соображает в тактике.

– Да, – кивнул Юнос, едва ли поняв слово «тактика». – Жаль только, что придётся оставить Суматошьё. Согласись жители его защищать, они с дружиной Петрика хорошенько бы потрепали Скала. Увяз бы он здесь. А мы тем временем успели бы подготовить скитам не менее тёплый приём.

Пырёв сунул мечи за пояс, крест-накрест перед собой. Не выбрасывать же. Тем более, их прежний владелец куда-то испарился и не спешит возвращать себе оружие. Наверное, таких мечей у него пруд пруди. А клинки славные, что ни говори. При обратном хвате лезвие удобно ложится на всё предплечье, защищая от ударов не хуже наручей. Широкая прочная гарда надёжно прикрывает кисть, позволяя наносить сокрушительные удары даже по закованным в броню частям тела без боязни повредить руку.

Не владея фехтованием, Стас понимал, что сможет противопоставить здешним противникам лишь свои навыки рукопашника. Потому и примерил мечи купца именно так, чтобы руками блокировать удары клинков и самому наносить ощутимый вред нападавшим, не взирая на защиту доспехов.

Юнос, разбиравшийся в холодном оружии куда лучше, восхитился мастером, ковавшим эти клинки. Говорил что-то об особой закалке и узорах на лезвии с эфесом. Пырёв мало что

понял из его весьма расплывчатых объяснений, решив отложить этот ликбез об особенностях древних клинков на потом.

Их троицу накормили в большой дружинной столовой, где свободно могли разместиться сразу все посадские воины. За длинным столом с расставленными вдоль него скамейками гости сидели одни. Дружинники готовились к маршу.

После довольно сытного обеда Юнос повёл землян к волхву Всегляду. Жил он в Старом Городе, или Старгороде, как называли этот район местные. Обычный частный сектор в низине, с внешней стороны крепостных стен. Повсюду крестьянские избы с приусадебными участками. За ними в отдалении большой деревянный дом, очертаниями сильно смахивающий на храм.

– Это и есть обитель Велеса, – кивнул на него Юнос.

Пока добирались, петляя между дворами, ведун успел рассказать, что строятся такие храмы из деревьев только священных пород – кедра и дуба. Каждое дерево тщательно выбирают, просушивают, долго выдерживая на солнце, а после окуривают дымом благовонных трав. Здание возводят в форме четырёхгранника. Стены обращены к сторонам света. А вот входов только три: с запада Привход Предков, с юга Требный Привход и с востока Привход Ярилы-Солнца. У каждого своё особое предназначение. Но как ни старался ведун их объяснить, для землян это так и осталось непонятным.

Крышу храма венчал большущий восьмигранный купольный шатёр, установленный на кровельной звоннице. Язычники звонят в колокола? С ума сойти!

У храма их ждали. На фоне потемневшей от времени бревенчатой стены белела фигура седовласого старца в долгополой одежде. Длинная борода покрывала грудь, живот и даже ноги ниже колен. Узловатые пальцы крепко сжимали высокий деревянный посох, такой же высохший, весь в трещинах, как и морщинистое лицо его владельца. Под косматыми бровями блестящие подслеповатые, слезящиеся глаза, словно лучились мудростью прожитых лет. Вот он, волхв Всегляд. Человек, на чьи знания так уповают земляне.

Подожли вплотную. По примеру Юноса низко поклонились. Волхв никак не отреагировал, продолжая спокойно изучать пришельцев. Лёгкий ветерок слегка колыхал его просторную белую мантию. Играл бородой и длинными волосами, разлетаться которым не давал надежный на голову обруч. Ноздри Стаса уловили доносившийся от Всегляда запах. Так пахнут старики-пенсионеры, которыми постоянно забит общественный транспорт. Им зябко в любую, даже самую жаркую погоду. Таскают на себе целый ворох разнообразной одежды. Потому и запах от них с кислинкой. Некая смесь пота и застарелых, долго ношенных вещей.

– Здравствуй, Всегляд, волхв Велесов, – приветствовал деда Юнос.

– Здорова, – скрипучим голосом по-простому отозвался тот. – Можешь не распыляться. Сказывай лучше, чего притащил.

Как по волшебству в руках Юноса появились буханка хлеба, кринка молока и несколько куриных яиц. И где только прятал? Старик, довольно крякнув, сложил подношения на большой плоский камень за спиной, и сам умастился на край.

– Ну, сидайте, сынки, – широко махнул перед собой посохом, показав на расставленные полукругом камни поменьше.

Когда все трое расселись, Всегляд продолжил:

– Странная у вас ватага. Вы двое явно тут чужаки. Одежда не нашенькая и Сила чужеродная, непонятная. Третий-то, по всему виду, ведун здешний. Что привело вас к Велесу?

А старик не промах. С ходу определил кто есть кто. На такое способен разве только экстрасенс или хороший, опытный психолог. Хотя, одежда-то на них, действительно, по местным меркам более чем странная.

Не вдаваясь в подробности своих давних «деловых отношений», Пырём с Аркашей наперебой принялись живописать старцу историю своего перехода в этот мир. Желая как можно

быстрее получить исчерпывающие ответы, они выплёскивали информацию непрерывными потоками. Не всегда последовательными, а иногда и прямо противоположными по смыслу. Это ничуть не помогало Всегляду. Наоборот, мешало нормально её воспринимать. Не мудрено, что некоторые эпизоды по его настоянию пришлось повторить. Причём, не раз.

Когда же земляне закончили, наконец, свой долгий, путанный рассказ, волхв глубоко задумался. Сидел молча минут пять, в течение которых запыхавшиеся рассказчики смогли отдышаться.

– И чего же вы хотите? – вдруг спросил Всегляд.

– Как чего? Конечно, вернуться домой, – выпалил Стас.

Башка же льстиво пропел:

– Мы понятия не имеем, каким образом оказались в этом мире. Поэтому, узнав о столь мудром волхве, пришли к вам за помощью, и нижайше просим отправить нас обратно на Землю.

Всегляд хмыкнул. Поднялся с камня и стал медленно расхаживать по усыпанной песком площадке, втыкая в неё посох на каждый второй шаг. Остановился посередине. Постоял, задумчиво поглаживая длинную бороду. Потом подошвой башмака разровнял песок перед собой и концом посоха прочертил прямую линию, пояснив:

– Это ствол Мирового Древа. Он связывает Нижний Мир, и все девять Небес.

На линии появились девять поперечных полос. На этом художества волхва не кончились. Доработав картинку, он превратил поперечные отрезки в ветви. Теперь на песке красовался рисунок разлапистого дерева с распустившимися листьями. Нижний Мир он обозначил изображением корней у обращённого к нему конца. После чего лекция по устройству мира продолжилась:

– Листья на ветках – это людские миры. Как видите, на каждом из девяти Небес их может оказаться превеликое множество. На одном таком вот крохотном листочке живём и мы. Каждое древо питает свои ветви и зелень от корней, но и через листья в ствол поступает жизненная сила. Ваша Земля и наш мир постоянно ею обмениваются. Поток силы много, все они разные и ведут, какие в одну, а какие в другую сторону. Вы пришли сюда путем Велеса, одним из таких потоков. Но обратно этот путь не ведёт.

– Тогда какой же ведёт? – нетерпеливо спросил Стас.

– Не ведаю, – просто ответил старик и снова уселся на камень.

Вот и всё. Приехали.

Сходили, что называется, за советом к мудрому старцу. Прослушали краткий курс местной астрономии, и местный профессор с чувством исполненного долга сложил с себя полномочия по оказанию помощи пришельцам в отправке на родную планету. Пырёв бездумно разглядывал рисунок на песке.

– Получается, что Нижний Мир и есть наша Земля? – Аркаша нервно хохотнул. – Подходящее название. По смыслу.

– Вот ваша Земля, – Всегляд провёл посохом вдоль нарисованного ствола от корня до вершины.

Стас поднял удивлённые глаза.

– То есть... весь ствол?.. Целиком?

В ответ лишь кивок седой головы.

– Разве такое возможно?

– На разных Небесах люди выглядят по-разному. Это отражается и у вас в мире, где собраны народы всей Яви. Обитатели одних Небес отличаются от обитателей других, как небо и земля.

– Старик начал каламбурить, – заметил Аркаша. – Плохо дело.

– Подожди, Башка...

Кажется, Пырёв начал, наконец, что-то понимать. Он бубнил, соображая:

– То есть где-нибудь, скажем, на втором Небе люди могут быть только чернокожие.

А на пятом, к примеру... или там четвёртом – только красные, как варёные раки?

– Да.

– А на другом желтолице? – подхватил Аркаша.

– Да.

– Выходит, с Земли можно попасть в любые миры! – Стаса поразило только что сделанное открытие.

– Кажется, всё зависит от места на матушке Земле, – предположил не менее ошеломлённый Башка. – Из Германии ты можешь переместиться на планету, где толстые бургеры пьют пиво и горланят немецкие песни, а из Японии легко попадёшь в ту часть Космоса, в которой его узкоглазые обитатели лакают саке и пишут иероглифами в столбик.

В самом деле, негры в Африке, индейцы в Америке, азиаты, европейцы и ещё множество народов и народностей – все они имеют свой исторический ареал обитания. И через это, как выясняется, связаны со своим персональным местом во Вселенной. Изображённая Всеглядом схема начисто разбивала теории учёных о происхождении человека на Земле. В одно мгновение тот багаж космогонических знаний, которым владели земляне, рассыпался в пух и прах. Превратился в ничто, в пыль. И как прикажете это всё разом осознать?

Земляне, выражаясь компьютерным языком, зависли. Полученный объём информации усваивался ими с невероятным усилием. Ведун и волхв это, похоже, почувствовали. Просто молча сидели рядом, не мешая собеседникам перезагружаться.

– Дааа, дела-а, – первым после долгого перерыва удручённо протянул Пырёв. – Значит, застряли мы тут. И никто не сможет подсказать дорогу домой?

– Есть один ведающий человек, – проговорил Всегляд. – Теперь не знаю, а раньше он частенько по Древу хаживал.

Аркаша встрепенулся. Вкрадчиво, словно боясь отпугнуть неожиданно мелькнувшую удачу, спросил:

– Кто?

– Да Кощей. Правда, давненько чегой-то не слыхивал о нём.

– Кощей может ходить в Древо? – подал голос ведун. – Он об этом никогда не рассказывал.

Широко раскрыв глаза, земляне удивленно тарасились то на волхва, то на ведуна. Ещё бы! Их пытаются убедить, что Кощей Бессмертный вовсе не выдуманный персонаж русских народных сказок, а вполне живой, реально существующий человек. К тому же, можно сказать, их современник. А путешествующий с ними Юнос, оказывается, ещё и очень хорошо его знает. Так запросто, между делом общался со сказочным героем, ведя непринуждённые застольные беседы.

– Во, блин! – только в такой форме сумел выразить Башка общее мнение землян по поводу всего услышанного.

– Ну, это уже вообще ни в какие ворота, – у Пырёв получилось чуть яснее сформулировать ту же мысль. Он сразу перешёл к делу, задав конкретный вопрос: – Где его найти?

– А вот он знает, – кивнул волхв на Юноса. – Они, кажись, давнишние знакомцы. Ведун вас туда и спровадит. Только пойдёте вы не прямой дорожкой, а, лишь отдаляясь, будете приближаться. А перед тем себя встретите и сами с собой сразитесь. Но погибнет при этом много других существ из Яви, Прави и Нави, жизнь и нежить, люди и нелюди. Через кровь, пот, потери и страдания идти вам к цели, не зная, достигнете ли вы её. Ежели готовы к такому, то ступайте, Дети Велеса. И да хранит вас Отец.

Не дожидаясь новой порции вопросов, старик поднялся и, прихватив принесённые дары, скрылся в храме.

Угадав желание Стаса догнать волхва, Юнос взял того за локоть:

– Не надо. Он всё сказал, потому и ушёл.

– Да что такого он сказал? Нёс какую-то хрень: «Себя встретите», «сами с собой сразитесь»... Это мы с Башкой, что ли, друг с другом сражаться должны?

– Типа до сих пор мы дружили, – подколот Аркаша.

– Волхвы не всегда могут подробно описать свои видения, – начал объяснять Юнос. – Нам не дано понять их сразу и с той долей достоверности, с какой хотелось бы. Но точно я знаю одно – волхвы ещё ни разу не ошиблись. Поймёшь его слова, когда предсказание сбудется.

– Ладно, отпусти, – Стас высвободил руку. – Сможешь провести нас к этому Кошею? Или хотя бы дорогу показать?

– Сейчас нет. Путь к нему отрезан скитами.

– Вот чёрт! И что нам делать?

– Дайте справиться с кочевниками, тогда я и сам с удовольствием отведу вас к нему.

А пока мне нужно в Трепутивель.

– В таком случае нам лучше держаться вместе, – решительно заявил Пырёв.

– Да, – поддержал его Аркаша. – Мы поедем с тобой.

Почти весь обратный путь они проделали в молчании. Лишь раз Пырёв поинтересовался у Юноса, почему волхв назвал их Детями Велеса.

– Это люди, обладающие властью над нежитью, – пояснил тот. – Способные противостоять их магии. На Детей Велеса не действует никакая волшба. Наведённые чары в лучшем случае развеиваются без следа, а в худшем с удвоенной силой принимаются кромсать своего же создателя. Правда, это не спасёт, например, от упавшего на голову дерева, сваленного чужим волшебством. Ежели только его не подправили чарами уже в падении.

Понятно, своеобразная природная антимагия. Вот почему Аркаша и Стас всегда видели духов, обитавших по закуткам Ставровского подворья. Да и Водяного с Русалкой, которые тоже безошибочно распознали в них «посланников Велеса». А ещё Пырёв подозревал, что появление Юноса именно там, где находились в тот момент земляне, было явно не случайным. Как бы не их присутствие «отключило» волшебную энергию ведуна.

По крайней мере, это даёт понять, почему магии нет на Земле. Там все поголовно такие.

В этом же мире всё наоборот. Каждый в большей или меньшей степени владеет волшебством. Крестьяне при помощи своих сверхъестественных по меркам землян способностей выращивают хлеб, каждый год собирая богатые урожаи. Скотоводы получают изумительное мясо и молоко. Ремесленники выпускают высококачественные изделия, а женщины вполне обходятся без каких-либо контрацептивов, самостоятельно выбирая когда зачать ребёнка. Ничто здесь не делается наугад, непрофессионально или спустя рукава. Всё подчинено всеобщим законам большой, средней и малой магии. Двое землян оказались единственными на всей планете, на кого эти законы не распространяются.

– Издревле предания о Детях Велеса считались только легендой, – продолжал Юнос. – Если верить им, ваше появление сулит миру много бед.

Стас грустно усмехнулся:

– Похоже, это становится явью. И война с кочевниками лишь первая из всех предстоящих зол.

– О том лучше никому не сказывать, – справедливо заметил ведун. – Ещё неизвестно как посмотрит на вас народ, узнай он, что вы Дети Велеса.

Ведун прав, что ни говори. Местным лучше ничего не знать. Устроят, чего доброго, суд Линча, обвинив землян во всех смертных грехах, нежданно свалившихся им на головы. И совсем неважно, будут ли виноваты в том пришельцы, или события произойдут сами собой.

Услышанное окончательно добило и без того обескураженных путешественников. Больше никто не проронил ни слова до самой резиденции Петрика.

Троица вновь предстала перед юным посадником, на этот раз во дворе терема.

Повсюду сновали дружинники. Запрягали лошадей, грузили повозки, таскали оружие, доспехи, продукты и прочий скарб. Во всей этой кутерьме за кажущимся хаосом угадывалась умелая организация. Каждый солдат знал, чем должен заниматься и выполнял только свои, порученные непосредственно ему, обязанности. Никто не слонялся без дела, не суетился понапрасну, не путался под ногами, не зная за что ухватиться. Командиры тоже лишней раз не драли глотку. Короткие приказы исполнялись быстро и чётко. Петрик вообще сложил руки на груди, стоя на высоком крыльце, и бесстрастно взирал на копошащихся внизу людей.

Только Аркаша и Стас оставались не у дел. Даже Юнос куда-то пропал, найдя себе работу.

Постепенно суета улеглась. Сборы закончились. Люди, кто верхом, кто в гружёных повозках, повинувшись зычной команде, повторенной с разных концов двора, двинули к воротам. Длинная колонна втянулась в город. Последними уходили гости.

Петрик дал им лошадей. Ни Пырёв, ни тем более Башка ни разу не ездили в седле. Не мудрено, что чувствовали себя неудобно. Аркаша постоянно ёрзал, пытаясь усесться удобнее. Пырёв с каменным выражением лица старательно делал вид, что передвигаться верхом ему не впервой. Но получалось плохо. Наблюдая за Юносом, невольно испытывал восхищение. Тот уверенно запрыгнул в седло и сидел, точно влитой, подёргивая за повод гарцующую лошадь.

Колонна из порядка трёхсот воинов медленно продвигалась по узким улочкам города. Её провожали угрюмые взгляды жителей и беженцев. О чём думали эти люди, сами пожелавшие сдаться на милость врагу? О том ли, что посадник бросает их в лихую годину, оставляя беззащитными перед лицом смертельной опасности? Или, может, мучились угрызениями совести, что лишили его своей поддержки, вынудив покинуть город? Так или иначе, никто из них не издал ни звука. Не причитали, уговаривая остаться. Но и не злословили вослед, проклиная посадника и уходившее с ним войско, суля им беды и несчастья. В гробовой тишине проследовали дружинники до ворот и покинули родное Суматошьё, отвернувшееся от них в час тяжёлых испытаний. После смолкшего грохота множества тележных колес, конских копыт и сбруи здесь надолго станет неудобно, пустынно и тоскливо до омерзения...

Сразу за воротами Петрик выслал вперёд небольшой авангард.

Попав на дорогу, колонна растянулась, пошла быстрее. Не успевшие устать лошади бодро цокали подковами по мостовой, ровной лентой убегающей к югу.

Спустя пять-шесть часов, дружина свернула на грунтовку и запылила на запад. Солнце, спрятавшее нижний край за горизонт, светило теперь прямо в лицо, заставляя щуриться. Через полчаса такого пути Стас, бодрствовавший сутки напролёт, почувствовал сонливость. А тут ещё бёдра начали болеть, и спина заныла. Что значит полдня в седле без подготовки.

Он посмотрел на солнечный диск и зажмурился. Вот где пригодились бы тёмные очки. Такое замечательное Земное изобретение, которое, к несчастью, осталось в холле гостиницы. Забыл на стойке администратора.

Оглянувшись, увидел, как неуклюже подпрыгивает Аркаша на лошади. «Сосиска», – пришло в голову смешное сравнение, и Стас улыбнулся. Уж очень уморительной была картина. Одетый в дорогой заграничный костюм Башка, болтающийся в седле, окружённый облаком пыли да затянутыми в кожу всадниками. Не рассмеялся Пырёв лишь потому, что сил не было.

Объявленный вскоре привал он воспринял с таким облегчением, что, не дожидаясь еды, лёг на землю и уснул, едва коснулся головой сброшенного седла. Перед тем, как провалиться в сон каким-то совершенно далёким краем затухающего сознания услышал гулкий шлепок упавшего рядом тела измотанного Аркаши...

Ещё через несколько довольно длинных отрезков пути от привала к привалу Стас более-менее приноворился к ходу своего скакуна. Но всё равно усталость приходила гораздо раньше,

чем даже к самым неопытным новобранцам дружины. Много хуже было Башке, изо всех сил старавшемуся хотя бы не упасть с лошади. С ним-то ладно. Можно считать, что наказание отбывает. Ему при случае зачтётся. А вот Пырёв совсем уже выбился из сил. Уже не получалось выглядеть бодрячком перед солдатами. Ехавший вместе с ними Юнос, как назло, рванул вперед, увлекая за собой и землян. Они заняли место за Петриком с его военачальниками. Такое положение просто обязывало держаться достойно.

О чём это там болтают ведун с посадником? Ах, вот оно что. Скоро должна показаться деревня. Выселки называется. Юнос рассказывал, что её основали переселенцы из Суматошья. Осели здесь, чтобы заниматься крестьянским промыслом. Они тоже подданные посадника, и Петрик надеется на радушный приём, собираясь расквартировать там дружину. Как люди, так и животные нуждались в продолжительном отдыхе. А уж как мечтали о нём земляне...

Однако судьба распорядилась по-своему.

На подъезде к деревне, над холмами, за изгибом которых скрывалась убегающая вдаль дорога, они увидели дым, окрашенный зловеще-сизым цветом пожара. Он поднимался в небо широким густым столбом. Постепенно преломляясь, менял направление и тянулся вбок длинной полосой, перечеркивая солнечный диск. Колонна встала. Петрик в сопровождении воевод поскакал к замершему на горизонте авангарду. Юнос отправился с ними. Почуввав неладное, Пырёв сглотнул застрявший в горле ком. Недолго думая, пришпорил коня и пустился вдогонку. Уставший от бесконечной тряски в седле Аркаша и ухом не повёл. Остался торчать в голове колонны, решив использовать подвернувшийся шанс для передышки. Соскочил на землю и стал расхаживать взад-вперед, разминая онемевшие ноги.

Авангард из дюжины всадников стоял на возвышенности, всматриваясь в долину с раскинувшейся внизу деревней. Забор вокруг неё обрушился, превращённый в груды догорающих на земле головешек. Среди нескольких десятков объятых пламенем домов сновали вооружённые люди в кожаных, обшитых металлом доспехах. Пешие и конные, они добивали уцелевших жителей, поджигали пока не тронутые огнём постройки, ловили бегающую по дворам, ошалевшую от пожара скотину. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто эти налётчики. Стас уже сталкивался с ними, когда впервые встретился с Юносом. Слышал его рассказы о зверствах кочевников. А теперь собственными глазами мог видеть печальный результат их разбойного набега. По всей деревне истерзанные тела. Само собой, большинство из них крестьяне. Окровавленные трупы буквально в каждом дворе. На крыльце ближайшего дома ничком лежит утыканный стрелами мужчина, так и не выпустивший из крепкой руки вилы, вонзённые в шею незадачливого кочевника. Дом горел. Пламя уже подобралось вплотную к двери, готовое поглотить и крыльцо, и обоих мертвецов.

Петрик издал приглушённый стон.

– Проклятье! – выругался посадник. – Они обошли Суматошьё! Идут напрямик на Трепутивель! Как они смогли нас опередить?

– Думаю, очередь Трепутивля ещё не настала, – задумчиво произнёс Пырёв. – Скорее всего, кочевники направляются к Суматошью.

– С запада? – Петрик повернул удивлённое лицо. – Они же на севере.

– Может, спросим об этом у скитов? – грозно проревел Борк, обнажая меч.

Бросив на него строгий взгляд, посадник намеревался, как видно, поставить воеводу на место. Но в последний момент передумал.

– Ты прав, – произнёс он твёрдо. – Убийство моих подданных нельзя оставлять безнаказанным. Мы нападаем.

Повернувшись к остальным, Петрик начал раздавать распоряжения:

– Борк, ты своей сотней прорвёшься к западной околице. Разделишь кочевников. Бажан и Славень, вы остальными двумя сотнями, как обычно, бьёте их по частям.

– Так они могут удрать, – опять не удержался от замечания Стас. – Лошади устали. Долгую погоню им не выдержать. Где гарантия, что перед нами всё войско, а не один-единственный передовой отряд?

Петрика передёрнуло. На скулах заиграли желваки. Не любит, похоже, когда ему перечат. Уж тем более, когда лезут с ненужными советами по руководству дружиной.

– Не вмешивайся, Капитан Пырёв, – едва сдерживая гнев, прошипел молодой посадник. – Не тебе, чужеземцу, указывать мне, как должно воевать.

– Если не хотите иметь дело с превосходящими силами, лучше послушайте меня...

Неизвестно чем бы закончилась их перепалка, не вмешайся Юнос. Видя, что Пырёв завёлся и вот-вот перегнёт палку, он поспешил вклиниться:

– У Капитана Пырёва большой опыт, Петрик. Его народ сражался во многих битвах. Ты проявишь мудрость, выслушав его до конца.

Посадник по-мальчишески закусил губу. Меньше всего ему сейчас хотелось конфликтовать. Прекрасно ведь понимал, что свары внутри войска плохо влияют на боеспособность и, в конечном счёте, не лучшим образом сказываются на исходе боя. Скорее вынужденно, чем по собственной воле, он процедил, не называя, впрочем, Стаса по имени:

– Хорошо, Капитан, я слушаю твои предложения.

Пропало всякое желание что-либо советовать этому надменному юнцу. Всё же, хоть и без особого энтузиазма, Пырёв сказал:

– Сейчас кочевники заняты грабежом. Они разрозненны и не организованы. Наше нападение будет неожиданным и не встретит серьёзного сопротивления. Поэтому для лобовой атаки достаточно послать одну сотню. Другие две пусть за это время обойдут деревню справа и слева, охватят её кольцом. Пока кочевники опомнятся и поймут, что нужно бежать, кольцо замкнётся. Деваться им будет некуда. Они либо сдадутся, либо умрут, но не смогут вырваться из окружения и предупредить остальных о нашем прибытии.

– С чего ты взял, что здесь не все? Ты всевидящий? – усмехнулся посадник.

Пырёв поморщился. Ему не нравился этот издевательский тон. Чёртов аристократ! Корчит из себя великого стратега.

«Дать бы ему в морду, чтобы лучше доходило. Тоже мне, принц недоделанный. Белая кость, мать его...» Ответить, однако, постарался как можно спокойнее:

– Я не всевидящий, я опытный. И видел сражений намного больше, чем ты, посадник, и твои военачальники вместе взятые. В том числе такие, что не привидятся тебе в самом кошмарном сне. Поэтому знаю, что лучше перестраховаться, полагаясь на худшее, чем потом корить себя за ошибку, которую, будь умнее, мог бы не допустить.

– Я тебя выслушал, – холодно бросил Петрик. – А теперь предоставь мне самому решать, как вести бой.

С этими словами он отвернулся и стал вполголоса отдавать команды сотникам.

Видя, что его игнорируют, Пырёв плюнул, спешился и отвёл коня в сторону. Подойдя к дереву с толстым раздвоенным стволом, накинул узду на сук. Сел в траву, привалившись к шершавой коре спиной. Чёрт с ним, с Петриком. Пусть поступает, как ему заблагорассудится. В конце концов, это ведь его дружина, его мир. А кто для них Стас? Чужак из неизвестных земель. Теперь, что бы ни произошло, не будет он вмешиваться, лезть со своими дурацкими советами. Какое, в конце концов, ему дело до этих людей? С ними что, детей крестить? Его задача – скорее попасть домой, а здесь... Да пропади оно всё пропадом.

Сидя под деревом, Пырёв наблюдал, как сотники поскакали к войску. Повинуясь их командам, словно магическим заклинаниям, замершая колонна вдруг пришла в движение, перестраиваясь в предбоевой порядок. Видно, что выучка у солдат на высоте. Всё-то у них чётко, слаженно, без толкотни.

Петрик с десятком дружинников из авангарда остался на холме. Оттуда, к дереву, под которым сидел Пырёв, подъехал Юнос. Тоже спешился, подвёл свою лошадь.

– Не держи зла на посадника, – проговорил, подсаживаясь. – Он молод, горяч и слишком высокомерен. К тому обязывает его положение. В столь юные годы тяжело отвечать за жизни многих людей, видеть их смерть и не потерять при этом голову.

– Да понимаю я. Что ты мне прописные истины, как маленькому... Просто мог же он хоть чуточку быть вежливее, и не так явно задирать нос.

Ведун досадно улыбнулся. Снова стали видны нечеловеческие клыки, делавшие их владельца похожим на вампира.

– Я хоть и представил тебя как опытного военачальника из далёкой страны, в чём сам несколько не сомневаюсь, для других это ещё не повод относиться к тебе с должным уважением. Одними словами его не заслужить. Человек славен делами. А дела твои пока никому не ведомы.

– Надеюсь, что и не станут. Как думаешь, когда мы сможем отправиться к Кошею?

Юнос пожал плечами:

– Для начала дай хотя бы до Трепутивля добраться, а там будет видно.

Стас глубоко вздохнул, но ничего не ответил. Казалось, ещё немного, и он окончательно выйдет из себя. А самое малое, что в таком состоянии можно натворить, это громко выматериться. Отвёл взгляд в сторону и стал наблюдать за дружиной. Вид слаженно работающей боевой единицы действовал успокаивающе. Войско, построившись в колонну по три, двинулось к деревне, постепенно набирая ход. Мимо Стаса лошади пронеслись уже галопом. Кто-то из дружинников обнажал меч, кто-то накладывал стрелу на лук. И вот грозная лавина накатила с востока на догорающие дома.

Враг пока не замечал опасности. Дым и пламя пожаров затрудняли обзор. Да и не подозревали скиты, что им здесь может что-то угрожать. Ближайшая дружина, как они наверняка полагали, торчит сейчас в Суматошье. Прячется за крепостными стенами, готовясь к предстоящей осаде.

Между тем колонна, не достигнув деревенской околицы, разделилась на три части, став похожей на большого трёхглавого змея, стелющегося по земле в густом пыльном облаке. Стас вдруг понял, что дружина действует по предложенной им схеме. Две сотни обтекали Выселки по флангам, а сотня Борка, развернувшись в линию, вошла в деревню с фронта.

Первые воины скитов пали замертво, не успев ничего понять. Остальные при виде неожиданно-негаданно появившегося врага начали метаться, хватаясь то за оружие, то за награбленное, не зная, что первым спасать – свою жизнь или захваченное добро. Командирам кочевников кое-как удалось организовать некое подобие обороны, но время было упущено. Те немногие, кто рискнул встать на пути стремительно наступающей сотни Борка, погибли в считанные минуты. Поняв, наконец, что спастись можно только бегством, оставшиеся в живых, побросав награбленное, вскакивали на лошадей и пускались наутёк. Но куда бы ни направлялись, везде их встречали стрелы и мечи дружинников Суматошья. Кольцо сомкнулось и начало сжиматься.

Отчаявшиеся кочевники становились спина к спине, отбиваясь до последнего. Словно знали, что не будет им пощады за совершённые здесь злодеяния. И погибли все под сошедшими рядами наступающих.

Бой был скоротечным. Посадская дружина почти не понесла потерь.

Петрик въехал в полыхающую деревню вместе с обозом. Стас, Аркаша и Юнос двигались вслед за ним. Выселки догорали. Теперь среди убитых было больше кочевников, застигнутых в беспорядочной спешке бегства. Но повсюду бросались в глаза следы учинённого ими погрома.

В одном из дворов Стас увидел мёртвую женщину рядом с телами трёх детей, самому старшему из которых не было, наверно, ещё и двенадцати. Все зарублены мечами.

По соседству седой старик, насаженный на копьё. Скорчился, вцепившись окровавленными пальцами в скользкое древко.

У другого дома, прямо на дороге, лежал грудной младенец. Личико сморщенное, раскрытый в немом крике рот. А во рту стрела. Не иначе, какой-то мерзавец, проходя мимо плачущего малыша, разрядил арбалет прямо в кричащий рот, пригвоздив маленькую головку к земле.

По коже Стаса пробежали мурашки. Ему ещё не приходилось видеть такого поголовного истребления мирных жителей со множеством разновозрастных трупов. Каждый из них буквально вопил о нечеловеческой жестокости своих убийц. Одно дело артобстрел, при котором снаряды слепо секут осколками всех подряд, кто попал в зону поражения. И совсем другое, когда солдаты идут по улицам, вполне осознанно выискивая цель, и собственноручно убивая всех, кто подвернулся под руку. Причём не только мужчин, а и стариков, женщин и даже детей...

Деревню проехали насквозь. Только миновав западную околицу, где дома уже обвалились и прогорели дотла, Петрик скомандовал, наконец, привал. Обозники принялись распаковывать поклажу и разбивать лагерь. Сотники снова загорланили, назначая людей в караулы и похоронные команды.

Юнос в одиночку взялся устанавливать палатку. Аркаша в этом деле всё равно ничего не смыслил. Стас же, наверно, смог бы разобраться в нехитрой конструкции и сделать всё сам, но не так ловко и быстро, как привычный ко всему ведун. Потому и не стал путаться под ногами, отметив про себя: «Даром, что аристократ, а от работы не бегаёт». Чтобы не терять время, вызвался разводить костёр и готовить еду. Аркашу же заставил искать уцелевшие дрова, сопроводив того словами:

– Вперёд, Башка. Отработывай казённую пайку, а то даром тебя кормим. Вон Юнос, хоть и воевода, что по-нашему почти генерал, а глянь, как вкалывает.

Пока Аркаша, удалившийся с недовольным бурчанием, собирал по дворам нетронутые пожаром поленья, к их костру в сопровождении сотников подошёл Петрик. Стас поднялся от подвешенного над огнём котелка, в котором уже варилась каша. Оставив палатку в покое, поближе подобрался и глазастый ведун, заметивший свиту ещё издали.

Лицо Петрика осунулось. Видно, что устал. В запавших глазах печаль, а в голосе тревога:

– Ты был прав, Капитан. Полонённые скиты поведали, что их отряд следовал впереди большого войска, которое идёт к Суматошью со стороны запада. Они проводили разведку. Должны были вернуться к своим. Да позарились на беззащитную деревню. Не смогли удержаться от соблазна, чтобы не пограбить.

Новость не из приятных, но вполне ожидаемая. Зато этот сосунок разобрался, наконец, в истинном положении вещей.

Не забывая помешивать кашу, Стас задумчиво произнёс:

– Если авангард не вернётся, это насторожит скитов. Тогда жди от них вторую разведгруппу. А те будут настороже. Такая удача, как выпала сейчас, нам уже не светит.

– Быстро по незнакомой местности они передвигаться не смогут. Меня интересует сейчас другое... Почему кочевники оказались на западе? Захваченные скиты говорят, что Скал разделил войско на две части. Первую, с чьими разведчиками мы столкнулись, отправил по юго-западной дороге в обход Суматошья. А со второй остался в Пограничной Крепости.

– Ерунда какая-то, – возмутился за спиной посадника седой Борк. – Зачем совершать набег только вполсилы? Да ещё не прямо на город, по хорошему мощёному пути, а обходить по бездорожью за тридевять земель? Или заранее знает, что набег не удастся, потому сам и отсиживается в Крепости? Как по мне, так уж слишком глупо.

– Он и не думал отсиживаться, – Стас присел. Подобрал овальный камень, начертил на земле небольшой круг, пояснив: – Это Суматошьё. А это Крепость, – в стороне от первого круга появился другой, чуть поменьше.

Пырёв провёл кривую от «Крепости» мимо первого круга. Обогнув его, закруглил и закончил движение, уткнув камень в «Суматошьё» с обратной стороны:

– Пока первая часть войска совершает обход, чтобы ударить с тыла, Скал со второй половиной быстро доберётся до города с севера по нормальной дороге. Он будет наступать с двух сторон. Отрежет путь беглецам и возьмёт город в клещи.

Ещё одна линия соединила оба круга, на этот раз по кратчайшей прямой. Выбросив камень, Стас поднялся, отряхивая руки. Все смотрели на его чертёж, где две линии сошлись на «Суматошьё», перечеркнув крест-накрест небрежно нарисованный круг. Словно предвестник его печального конца.

– Такой вот сценарий. Скал основательно подготовился. Думаю, он учёл уроки штурма Пограничной Крепости, где упустил много беженцев и самого воеводу. Ему же неизвестно, что Суматошьё никто не собирается оборонять.

– Значит, не стал зализывать раны, – задумчиво протянул Юнос. – Торопится... Но тогда можно попробовать справиться с ним малой кровью.

– Напасть на ту часть войска, что идёт с запада? – спросил Петрик с плохо скрываемым нетерпением.

Посадник ещё сомневался, верно ли он поступил, оставив город и его жителей. Возможно, теперь ему выпадает шанс исправить ошибку. Он защитит Суматошьё, пусть даже ценой собственной жизни и жизни своих солдат. На то ведь они и солдаты, чтобы сражаться за правое дело, не щадя живота своего. На то ведь он и правитель, чтобы возглавить это сражение и, если потребуется, погибнуть вместе с дружиной.

Юнос молчал. По напряжённому лицу можно было понять, что ведун тщательно взвешивает все возможные варианты. Посадник терпеливо ждал. Сотники за его спиной беспокойно перешёптывались. Кажется, скажи сейчас Юнос «да», они тут же побегут командовать сбор.

Безумцы. Идти в атаку на превосходящие силы врага чистое самоубийство. Безусловно, это принесёт славу и дружине, и Петрику. Но лишь посмертную. Если за ними ещё и Юнос увяжется – а он это сделает, вне всякого сомнения, – то с мечтой вернуться на Землю можно смело попрощаться. По крайней мере, в ближайшее время. Если вообще останутся шансы.

Незаметно вернувшийся Башка тихо стоял в сторонке в обнимку с очередной охапкой дров. Испытывая те же опасения, что и Стас, он абсолютно не обращал внимания на тяготившие руку поленья. Вместе со всеми, затаив дыхание, ждал что скажет Юнос.

Ведун вдруг вскинул голову. В упор глядя на Петрика, прищурился, чётко проговорив:

– Нас давно покинул здравый смысл, посадник. Последнее время мы только и хотим, что умереть с честью, вовсе не думая о последствиях. Давай-ка лучше спросим стороннего человека. Тем более, он доказал, что способен мыслить здраво.

Все, как по команде, повернулись к Пырёву. В глазах немой вопрос.

Вот ведь... Нашли крайнего.

Вздыхнув, Стас пожал плечами. Вряд ли кому-то здесь придётся по вкусу то, что собирается он сказать. Но, если уж так сильно их интересует его мнение... Почему бы не попытаться избежать никому не нужной, хотя и героической бойни. Коль скоро выпал такой шанс.

– Насколько я понимаю, вы не можете пока драться с армией Скала, – заговорил Пырёв тоном научного сотрудника, подводящего теоретическую базу под своё открытие. – Пусть даже только с её половиной. У кочевников большой численный перевес. Внезапностью их больше не взять. Идея разбить врага по частям, раз уж он сам разделил свои силы, конечно, хороша. Но не для такой маленькой дружины, как ваша. Этим ты, Петрик, сможешь только задержать кочевников, да и то ненадолго. Сам погибнешь и людей своих зря положишь. Бить скитов

надо сообща, всей силой. Поэтому предлагаю продолжить наш поход в Трепутивель. А чтобы миновать наступающего врага, идти надо на юг.

В глазах Петрика постепенно угасала безумная жажда схватки. Хоть на берсерка перестал походить. Взгляд более-менее осмысленным сделался. Нервно трёт ладонь о рукоять меча. Голову опустил. Разочарован или наоборот, облегчение испытал? Досадует или упрямится? Пойми его...

– Ведун, ты сможешь дорогу сыскать? – не поднимая головы, едва слышно спросил посадник.

– Попробую. В деревне должно быть Капище.

– Есть Капище, – кивнул Борк. – Вокруг него и построены Выселки... Были, – добавил с горечью.

– В таких местах всегда сплетаются земные токи. Вдоль них обычно проходимые участки. Я отслежу путь на юг вплоть до следующего сплетения. Не знаю, правда, сколько времени уйдёт на это. Лучше начать прямо сейчас.

– Борк, проводи воеводу, – немедленно распорядился Петрик.

Седой сотник повернулся и зашагал прочь. Юнос поспешил за ним, на ходу застегивая подхваченный ремень с мечом. Когда они скрылись за пепелищем ближайших домов, Петрик вплотную приблизился к Стасу:

– Прошу простить меня, Капитан, за резкость, которую я позволил себе перед боем. Я высоко ценю твой опыт военачальника и впредь прошу не отказывать мне в совете, ежели посчитаешь мои действия неверными или неточными.

По всему было видно, насколько трудно дались посаднику эти слова. Но Стас привык уважать людей, признающих свои ошибки. Ведь как ни хорохорился Петрик, а всё равно избрал ту тактику боя, что подсказал Пырёв. Получается, разум возобладали-таки над спесивостью правителя.

– Ладно, чего уж там, – ответил, слегка смущаясь. – Я ведь тоже был не совсем прав. Так что и ты меня извини.

Петрик совсем по-мальчишески улыбнулся и хлопнул Стаса по плечу. Напускной величавости как не бывало. Перед ним стоял обычный молодой парень с открытым радостным лицом.

– Я знал, что мы поладим, Капитан.

– Да брось ты меня капитаном величать. Зови по имени, Станиславом. А лучше Стасом.

– Хорошо, Стас, – Петрик наклонился и шёпотом добавил: – Когда увидимся с моим отцом, тоже можешь называть меня по имени. А до того, извини, не могу разрешить. Положение не позволяет, покуда я тут единственный посадник и самолично всем руковожу.

– Понимаю, – весело прошептал в ответ Стас.

Снова улыбнувшись, довольный Петрик удалился вглубь лагеря, уводя за собою сотников.

Аркаша бросил, наконец, изрядно потяжелевшую охапку дров. Деловито стряхнул щепки с пиджака.

– Хорошие ты тут связи завёл, – проговорил с ехидцей. – Начал сразу с генерала, теперь сын местного губернатора у тебя в друзьях. Все «шишки», как на подбор. Далеко пойдёшь.

– Ты сейчас пойдёшь ещё дальше, если не заткнёшься, – незлобиво ответил ему Стас.

Склонившись над котелком, убедился, что каша готова. Ещё немного поколдовав над варевом, поманил Аркашу:

– Иди, ешь.

Башка подсел к костру, разглядывая свой костюм и сокрушённо вздыхая:

– Вай, вай, какой хороший костюмчик был. Ведь его здесь даже в химчистку не сдать. Вот как тут прилично выглядеть, а?

– Нашёл по чём слёзы лить. Скажи спасибо, что шкура цела. Бери ложку давай. Придётся, видно, без Юноса ужинать.

– Да ему, наверно, не привыкать холодной кашей давиться.

Потом они долго молчали, уплетая кашу за обе щеки, поочередно черпая ложками из котелка и поглядывая по сторонам, на остовы сгоревших домов.

Один человек в деревне всё же уцелел.

Сначала думали, он простой сельский житель. Выглядел слишком обыкновенно: на вид лет сорок пять, добродушное морщинистое лицо, весёлые глаза и седеющая шевелюра жёстких, вьющихся волос. Под носом тоже густая растительность – почти чапаевские усы. Странной, не похожей на деревенскую была только одежда. Шаровары, заправленные в короткие сапоги, рубаша из грубой ткани на выпуск, подпоясанная кожаным ремнём с металлическими накладками. На поясе с одной стороны болтался внушительных размеров меч, а с другой огромный кинжал, всего в половину короче меча. И конь у него вполне обычный. Но массивная, украшенная металлом сбруя и перекинутые через круп тюки вместе с висевшим на них круглым щитом и привязанным копьём, придавали ему боевой вид.

Звали мужика Михайлик. Бродячий ведун или, как он сам себя отрекомендовал, «странствующий воров нежити из города Краснополя, что за тридевять земель отсюда». По словам бродяги выходило, что мир населён всякой нечистью, с которой ведунам постоянно приходится бороться. Вот и странствует Михайлик, отправляясь туда, где от нечисти этой больше всего житья нет. В этот раз ему взбрело в голову посетить Трепутивель.

По дороге остановился отдохнуть в Выселках незадолго до появления там скитов. А когда те напали, взялся за оружие. Кочевники получили редкую возможность по достоинству оценить его умение владеть мечом. Когда пал последний житель деревни, Михайлик ещё сражался. Его никак не могли одолеть. Лишь гора вражеских трупов росла вокруг. Всё больше скитов стекалось к месту схватки. В конце концов, его бы задавили числом. Ведун уже готовился достойно встретить свою смерть, когда среди горевших домов замелькали всадники Петрика. Теперь уже враги были вынуждены обороняться, а Михайлик пошёл в атаку. Да ещё какую! Он размахивал мечом и кинжалом, как мельничными жерновами, раскидывая сбившихся в кучу врагов, словно кегли. Так и пробился сквозь их ряды навстречу наступающим, оставив позади пустой коридор, устланный мёртвыми телами.

Об этом земляне узнали, когда Михайлика привели к ним в обоз. Тот решил не испытывать судьбу и добраться до Трепутивля вместе с дружиной.

Они быстро нашли общий язык. Ведун был прост и прямолинеен, к тому же не в меру словоохотлив, и за короткое время выложил попутчикам всё о себе и своей жизни. При таком раскладе он имел полное право требовать ответной откровенности, чего Пырёв с Аркашей всячески пытались избегать. Поэтому в разговоре с Михайликом чувствовали себя скованно.

– Вас как звать-величать? Отколь и куда путь держите? – разразился вопросами выговорившийся ведун. – Одежда на вас, гляжу, чудная, доселе невиданная. Издалеча, верно?

– Верно... – только и ответил Стас.

Не собирався он пускаться в пространные описания их путешествия между мирами. А ссылки на местную малознакомую географию могли только всё запутать и вызвать подозрения ведуна. Оба молчали. Один ждал продолжения, а второй не хотел отвечать. Выручил Аркаша, который всегда тонко чувствовал ситуацию и умел направить беседу в нужное русло. Это не раз выручало. Подстроившись под речь Михайлика, он вдруг выдал:

– Мы из славного града, что лежит за тридевять земель и тридевять морей, что ни стар, ни млад не ведаёт здесь его названия. Меня зовут Аркадий-свет-Сергеевич, а со мной славный воин Станислав-свет-Петрович, прозванный за хоробрость свою и удаль молодецкую Упырём. А куда наш путь лежит, того и сами пока не ведаем. Странствуем по свету, мир зрим, про

себя сказываем. Сейчас из Суматошья в город Трепутивель сопровождаем сотоварища нашего, воеводу Юноса. А дале поглядим.

Мастерству Башки, с которым он так лихо ушёл от прямого ответа, можно было только позавидовать. Не понравилось Пырёву лишь мстительное упоминание Аркашей прозвища «Упырь». Он покосился на Михайлика, с опаской ожидая его реакции на всю эту белиберду. На секунду кустистые брови ведуна сошлись на переносице. Мимолётный, пристальный взгляд на Пырёва. Но тут же черты лица разгладились, вновь появилась улыбка. Только вот бывшего радушия в ней, кажется, слегка поубавилось.

– Притормози, Башка, – шепнул Стас.

Но предупреждать Аркашу было поздно. Его, что называется, понесло:

– Коли не в тягость, раздели с нами свой путь. Вместе дорога и веселее, и короче.

– И то, – сдержанно согласился Михайлик.

Ну вот, им только чего-то там подозревающих попутчиков недостаёт. Ещё и дурак Башка старой кличкой отрекомендовал. А ну как этот истребитель нежити схватит осиновый кол и на Стаса кинется? У него же пунктик в отношении нечистой силы. Весёленькая компания наметилась, ничего не скажешь.

Но ведун, вроде, нападать не собирался. По крайней мере, пока. Продолжая беседу, он пустился описывать Трепутивель. Рассказывал о нём, как о большом и красивом городе, в котором большинство домов из камня.

Выяснилось, что столица княжества лежит на перекрёстке трёх основных торговых путей, откуда и произошло её название. В ней каждый год перед наступлением осени устраивается большая ярмарка, куда с разных концов света съезжаются купцы с богатыми товарами, крестьяне и ремесленники с продуктами своего труда, певцы и музыканты, веселящие народ.

– А видели бы вы, какие там девчата красивые. Да ещё так много. Ммм, – ведун мечтательно застонал, закатывая глаза. Усы встопорчились. На лице застыла сладострастная мина, как у кота, уплетающего сметану. Вот-вот облизнётся.

Михайлик вздохнул и продолжил рассказ. По его заверениям на Трепутивельскую ярмарку они успевают. Он хотел найти в городе старого приятеля по имени Кузьма. Говоря о нём, ведун заразительно улыбался и ласково называл друга Кузей. Судя по всему, этот гуляка славно повеселился в свое время в Трепутивле и жаждал продолжения банкета.

Так за разговорами отдых незаметно и закончился.

Глава 6

Дружина, свернув лагерь, снова тронулась в путь. Юнос одному ему известным способом разузнал дорогу на юг. Её нельзя было назвать дорогой в прямом смысле слова. Ничего общего с мало-мальски наезженным трактом. Просто череда направлений на пересечённой местности с более-менее твёрдым покрытием. Колонна петляла между холмами, всё дальше уходя от сожжённой деревни, где люди Петрика одержали свою первую, пусть и незначительную победу в этой войне.

Михайлик оказался чересчур общительным, но вполне сносным для такого балагура, каким он, без сомнения, был. С расспросами не лез и на сдержанное молчание Пырёва внимания не обращал, тешась беседой с одним Аркашей, в лице которого нашел благодарного слушателя. Его рассказы изобиловали описанием сражений с разномастными тварями. Самыми фантастическими, от оборотней до ящеров. Он так бахвалился своей удалью, что заткнул за пояс легендарного Геракла со всеми его подвигами. Непомерный героизм ведуна мог поспорить лишь с его же неуёмной болтливостью.

Унылая холмистая равнина тянулась довольно долго. По меркам Земли прошло дня два, прежде чем дружина закончила обходить опасный участок и снова взяла направление на запад.

Люди устали. Даже неугомонный Михайлик притих. Аркаша вообще спал прямо в седле, грозя в любую минуту свалиться под копыта лошади.

Вынужденный обходной манёвр увеличил планируемую продолжительность марша в разы, что заставило экономить не только еду, но и воду, поскольку водоёмы на этом участке пути не встречались. С каждым пройденным километром почва становилась всё суше, растительность беднее, пока в один «прекрасный» момент люди не увидели, что во все стороны, куда ни глянь, простирается безбрежное море песка. В отличие от земных пустынь, здесь не было высоких барханов. Неподвижное оранжевое солнце сглаживало косыми лучами песчаную равнину, с поверхности которой поднимался сухой жар, накопленный за лето. И ни единого ветерка.

На очередном привале, съев урезанную до минимума норму каши и запив её глотком воды, Пырёв нашёл Юноса.

– Ты куда нас завёл, Сусанин? – спросил тихо. – Это ж пустыня. Хочешь её пересечь? Мы сюда-то еле дотащились.

Ведун поднял усталый взгляд:

– За ней Трепутивель. Пройдём пустошь и будем на месте.

Форсировали пустыню медленно и мучительно. Труднее всех приходилось лошадям, тащившим на себе всё войсковое снаряжение. Они едва переставляли ноги, насилу отрывая их от плотного песка. Ступали тяжело, поднимая небольшие песчаные вихри.

Воду старались беречь для животных, отказывая себе в лишних глотках. Стаса мучила такая сильная жажда, какую он, кажется, не испытывал ещё ни разу в жизни. Рубашка не успевала пропитываться потом, тут же высыхая на жарком сухом воздухе. Всё тело изнывало от обезвоживания. Рядом, верхом на понурой лошади ковылял Юнос. В его работе проводника отпала необходимость. Садившееся солнце, в сторону которого шла колонна, служило прекрасным ориентиром. Благодаря колдовским способностям, ведун выглядел чуть свежее, чем другие, но и у него видок был не из лучших. Устал, как и все.

– Долго ещё? – надтреснутым голосом спросил Стас.

– Терпи. Осталось немного, – неопределённо ответил Юнос.

Сил на слова не было. Язык с трудом ворочался во рту, шаркая по пересохшему нёбу. Тишину нарушали только напряжённое сопение животных, скрип колёс да шорох песка.

Наконец, после долгих мучений монотонно-вялого движения то тут, то там начали попадаться чахлые островки растительности. Чем ближе подбирались к Трепутивлю, тем сочнее и гуще становилась зелень. Отвоёвывая у пустыни всё больше жизненного пространства, она неумолимо расширяла свои владения, сливаясь в оазисы, пока не покрыла собой всю почву. Уже встречались отдельные деревья, росшие на приличном расстоянии друг от друга. Лицо ласкало слабое дуновение ветерка, несущего долгожданную свежесть.

В ушах Стаса навязчиво шумела вода. Сперва он принял это за слуховые галлюцинации, вызванные жаждой. Однако шум становился отчётливее. Вскоре колонна вышла на край глубокого каньона, по дну которого, далеко внизу, бурным потоком текла река, бросая в воздух искры прохладного света.

– Боже, сколько воды... – прохрипел Стас, жадно пожирая глазами открывшееся зрелище и досадуя, что не может прямо сейчас дотянуться до живительной влаги и насытить ею своё иссохшее тело.

Обрыв пришлось огибать. Почувывшие воду лошади приободрились и довольно быстро нашли пологий спуск к реке. Прямо здесь, на берегу, Петрик устроил привал. Всё равно пришлось бы задержаться, пополняя запасы воды.

И животные, и люди с наслаждением утолили жажду, обливая лица и окуная головы в реку. Но вода не решала всех проблем. Заканчивались продукты. Долго держать на голодном пайке конное войско, значит обресть его на гибель в первом же, пусть даже малозначительном сражении. Поэтому привал был недолгим. Не успев отдохнуть, дружина снова построилась, перешла реку вброд и продолжила марш.

Вскоре колонна ступила на извилистую грунтовую дорогу. Вдоль неё уже попадались признаки человеческой деятельности. Дорога стала ровнее, раздалась вширь и побежала по убраным полям, распаханым под озимые, да зелёным лугам со скошенными в стога травами. Людей по-прежнему не видно, хотя кое-где паслись коровы или кони, стояли пустые распряжённые телеги. По этому поводу Михайлик заметил, что народу больше нечего делать в полях. Урожай собран, и настала пора торговать. Все люди подались в город, на ярмарку.

И вот впереди, за полями, стал плавно подниматься Трепутивель. Сначала взошли ростками острые крыши самых высоких домов. Затем смотровые площадки вытянули за собой ровные цилиндры сторожевых башен. В завершение этого действия появилась величественная крепостная стена из белого камня, аккуратно и бережно обнявшая город.

Трепутивель раскинулся на холме, у излучины неширокой речки. Вдоль ведущей к нему дороги разбросано несколько хозяйств с избами, огородами и дворовыми постройками. От стены их отделял широкий ров, заполненный водой. Через него к полукруглому зеву надвратной башни тянулся капитальный каменный мост. Похожий скорее на пирс, он обрывался чуть дальше середины рва, немного не доставая до ворот. Этот промежуток перекрывал подъёмный мост. Сейчас он был опущен. Массивные ворота распахнуты настезь. Через них туда и обратно тёк непрерывный людской поток. Кто верхом, кто на телеге, а кто и пешком. Подвешенный над аркой череп лошади равнодушно взирал на все эти перемещения, выделяясь на такой же белой, как и он сам, стене тёмными провалами пустых глазниц.

Привратные стражники заметили приближение неизвестного войска и торопливо скрылись за начавшими сходиться створками, подгоняя криком замешкавшихся прохожих, не успевших определиться, стоит им покидать город или остаться под защитой стен.

Петрик поднял руку. Повинуясь команде, колонна тут же встала, как единый, хорошо отлаженный механизм. Только непривычному к военной выучке Михайлику понадобился небольшой тормозной путь. Лошади Стаса и Аркаши, воспитанные в дружине, дисциплинированно замерли одновременно с остальными, не дожидаясь понуканий своих седоков.

– Ждать здесь, – распорядился посадник. – Я в город. Со мной воевода Юнос и миряне. Неча раньше времени страх на людей нагонять. Борк, останешься за старшего.

Он тронул коня, за ним Юнос, поманивший за собой и землян, знаками давая понять, кого имел ввиду Петрик под словом «миряне». Пришлось присоединиться к делегации. То же сделал и Михайлик, не относившийся к числу военных, не смотря на отличные боевые навыки и возимый с собой внушительный арсенал. Своим видом он и в одиночку столько страха нагонит, что никакие земляне, выглядевшие сейчас вполне кроткими, безобидными существами, ни капли не повлияют на восприятие окружающих.

Дорога опустела. Народ разбежался второпях. Запертые ворота встретили всадников гробовой тишиной. Хорошо ещё, что мост не подняли, а то не было бы даже возможности постучаться. Стой тут потом, надрывай глотку...

Они спешили. Петрик трижды грохнул рукоятью меча в деревянные створки. Эхо от ударов разнеслось далеко по округе. Голой рукой ни за что так не сделать. В небольшом смотровом окне появилось молодое веснушчатое лицо стражника. Он окинул пришельцев изучающим взглядом и лишь затем коротко поинтересовался:

– Кто такие?

Тонкий голосок звучал нелепо. Невольно пришла мысль, что парень явно не на своём месте. Ему бы ещё солдатыками играть, а не стоять на часах.

– Позови начальника стражи. Доложи, что прибыли посадник Петрик из Суматошья и воевода Юнос из Пограничной Крепости, – похоже, у Петрика не было желая говорить с этим малым.

Тот состроил брезгливую мину, играя веснушками. Явно не может контролировать эмоции. С нахальной улыбочкой заявил:

– Один посадник из Суматошья уже приехал наместни. Теперича у князя гостит. А вы похожи, скорее, на нищих бродяг.

Да уж, видок у них тот ещё. Попробовал бы этот писклявый пройти через пустыню. Поглядели бы тогда на него. Во время привала у реки никто так и не успел толком помыться и почистить одежду. Но это ведь не повод, чтобы держать путников на пороге, не пуская их в дом. Тем более оскорблять. Петрик даже дара речи лишился от вопиющей наглости стражника.

– Зови начальство, тебе говорят, – возмутился Стас, прикидывая, пролезет ли его кулак в узкое смотровое окошко.

– Ладно, ладно, – лениво и совсем не по-военному протянул парень. – Когда нищие называют себя посадниками да воеводами, это дело только начальника стражи.

Он закрыл окно задвижкой. Башка плюнул под ноги и грязно выругался.

– Что за анархия, мать их. Как он разговаривает с губернатором, пусть даже соседним. И с воеводой тоже, и с... – он посмотрел на Михайлика. – А ты действительно ведун или так, понты колотишь?

– Действительно.

– Чего же до сих пор не начальник? Сидел бы сейчас воеводой каким-нибудь в палатах белокаменных, жизнью наслаждался. А тебя по пустыням носит да по сёлам всяким. «Пионерская зорька» в заднице заиграла, или ты вроде странствующего рыцаря?

– У меня особый случай, – улыбнулся в усы ведун.

– Ненормальный, – Аркаша сокрушенно покачал головой. – Нет, это не для меня. Вот попаду домой, начну жить в своё удовольствие...

В смотровом окне появилось новое лицо. Его обладатель, седой бородач, радостно воскликнул:

– Юнос!

Тут же окно захлопнулось, и открылась небольшая калитка. Из неё вышел высокий старик с непокрытой головой, увешанный всякими металлическими штуками, в нагромождении которых отчётливо узнаваем был только длинный меч на боку. Он широко шагнул к Юносу

и с криком: «Дай обнять тебя, сынок!» – огромными ручищами сгрёб ведуна в охапку. Лязг металла смешался с хрустом костей «сынка», попавшего в медвежьи лапы. Аркаша поморщился, представив себя на его месте, и на всякий случай сделал пару шагов назад.

– Это твой отец? – удивлённо спросил Петрик, когда объятия старика разомкнулись.

Седой громко расхохотался и хлопнул Юноса по плечу, заставив того поперхнуться воздухом.

– Я вижу, ты привёл нашему князю нового шута?

– Что ты, Кардаш. Это же Петрик, сын посадника Яромира из Суматошья. Того, что недавно прибыл сюда. А это, – он показал на старика, обращаясь к Петрику, – мой старинный боевой друг Кардаш. Великий воин, а ныне, насколько я понял, начальник городской стражи.

– О, прошу простить, посадник, если вдруг оскорбил тебя неосторожным словом, – старик приложил руку к металлу на груди. Однако в его лице не было ни капли раскаяния. Улыбка стала только шире, от чего седая борода смешно встопорщилась, расплзаясь в стороны.

– Да ладно, – Петрик махнул рукой. – Рад познакомиться.

От рукопожатия всё же воздержался, опасаясь, что у грозного великана оно слишком крепкое.

– Проходите, проходите, – Кардаш подталкивал их к приоткрывшимся створкам ворот. – Вы мои гости. Вы не только мои гости, вы гости самого князя. Вы желанные гости всего города!..

За воротами путешественники с головой окунулись в бурлящую городскую жизнь. Уставшие, плелись они по улицам вслед за Кардашем в потоке людей, лошадей и повозок, пока не вышли на просторную площадь, заставленную множеством цветных шатров. Здесь, среди неподвижных островков пёстрой ткани торговых палаток, шумело и волновалось людское море. Разговоры покупателей, зазывные крики продавцов, фыркание лошадей, мычание скота, хрюканье, кудахтанье и ещё тысячи всевозможных звуков, характерных для всех базаров любого мира, слились в один неразличимый гул и самодержавно господствовали над площадью. Знаменитая ярмарка Трепутивля была в самом разгаре. Никакая война, никакие скиты не могли помешать людям в извечной потребности обмена товара на деньги и денег на товар.

Ещё в дороге Аркаша и Стас решили временно обосноваться в Трепутивле. Переждать здесь разборку с кочевниками, в которой непременно хотел принять участие Юнос. После победы он обещал вернуться и, забрав землян, отправиться с ними на поиски Кощея. Пока же ведуну было не до них, а те не горели желанием участвовать в совершенно чужом конфликте. Ни Стас, ни тем более Аркаша не собирались пробиваться в царство Кощея с боями, в которых ещё, чего доброго, придётся кровь проливать. Поэтому на площади Юнос коротко попрощался с ними, и Кардаш повёл его с Петриком в княжеские палаты. Лошадей отдали посаднику. Ведь те, как ни крути, собственность дружины. Михайлик тоже остался на площади. До князя ему нет никакого дела. Друга бы найти.

Стас поинтересовался у ведуна, можно ли где снять временное жильё. Из-за ярмарочного гомона еле расслышал, когда тот заговорил, показав направо:

– Во-он в том доме с высокой крышей снадальня. Там на постой определяют. Я тоже туда приду, коль сотоварища сыскать не получится. А пока бывайте здоровы.

С этими словами он повернулся и был таков. Будто и не существовал вовсе до того, как исчез в толпе людей и животных. Аркаша стоял с видом обманутого ребёнка, которому вместо конфеты подсунули пустой фантик. Что до Пырёва, у него уход странноватого спутника вызвал лишь вздох облегчения.

Земляне, отныне предоставленные самим себе в совершенно незнакомом городе со средневековым укладом, пребывали в полной растерянности.

– Что дальше-то делать? – задумчиво почесал затылок Стас.

Аркаша воспользовался возможностью выплеснуть обиду:

– А я почём знаю? Ты меня конвоируешь, вот сам и решай. Только учти, я с момента задержания нахожусь целиком на казённом обеспечении.

Стас нахмурился. Что ни говори, а в словах Башки есть доля правды. Земные деньги не представляют здесь никакой ценности. Жратвой за здорово живёшь вряд ли кто поделится. С этого боку понятна по-детски наивная обида Аркаши на так неожиданно исчезнувшего Михайлика. Но толку на того пенять. Ему же невдомек, в каком незавидном положении оказались нечаянные попутчики.

– Вот что, – решительно произнёс Пырёв. – Пойду-ка я, прошвырнусь по базару. Гляну, что почём, какая валюта, какой товар ходовой. Приценюсь, прикину, что у нас на продажу есть. А ты жди меня тут и никуда не дёргайся. Понял?

– Понял, понял, – безразлично буркнул Аркаша, поглядывая Стасу за спину.

– Надеюсь, глупостей не наделаешь. У тебя куча причин дожидаться моего возвращения.

Башка громко хмыкнул, сложил руки на груди, приняв позу терпеливого ожидания, и демонстративно отвернулся.

Поискав ориентиры, по которым сможет выйти на это место, Пырёв заметил башню, похожую на колокольню, что высилась позади. Повернулся и нырнул в шумный прибой гомонящей толпы, пропав из виду так же внезапно, как до него это сделал Михайлик.

Оставшись один, Аркаша немного потоптался на месте, осматриваясь. Не заметив ничего подозрительного, направился к телеге неподалеку. Её хозяин, приехав недавно, сразу окунулся в рыночную круговерть. Башка видел это, когда разговаривал с Пырёвым. Поверх накиданного в телегу сена что-то лежало, укрытое мешковиной, и Аркаша очень надеялся найти там еду. Его мучил голод. Хоть Башка вовсе не был вором и чурался краж, но желудку не прикажешь. А тот ныл нестерпимо, требуя кормёжки, и нет ему дела до каких-то там норм приличия или Аркашиных понятий. В оправдание аферист придумал себе отговорку, что на этот шаг его толкает крайняя необходимость и что за мелкое хищение здесь, как и во всём цивилизованном мире, в уголовном порядке не преследуют.

Уверенной походкой, не скрываясь, он подошёл к телеге, запряжённой парой лошадей. Решительно откинул мешковину и с видом хозяина принялся перебирать груз. Среди досок, ящиков с плотницким инструментом и прочей мелкой ерунды не оказалось ничего съестного. Копаясь дальше, разгрёб сено рядом с местом извозчика. Но и там кроме кожаной фляги с водой и наполовину засохшей корки хлеба еды больше не нашлось. Однако сейчас Башка был рад и этому. Прямо здесь, не отходя от телеги, жадно набросился на хлеб. Взял флягу и зубами вытащил пробку.

В это время взгляд упал на выбирающегося из толпы добротного мужика, за которым семенила полная женщина примерно одного с ним возраста, тащившая на себе целую гору всяческих тряпок, посуды, ремней, верёвок и прочее, прочее, прочее. Из-за вороха вещей едва выглядывала её маленькая голова, замотанная в платок. Парочка направилась напрямиком к стоявшему возле телеги Аркаше. Хотя мужик и не был хозяином транспорта, вполне мог оказаться его знакомым. Поэтому Башка ждал их приближения с замирающим сердца и ещё с торчавшей во рту пробкой. Мужик всю дорогу не сводил с Аркаши внимательных глаз. Подойдя почти вплотную, вдруг приветливо улыбнулся и заговорил:

– Здрав будь, хозяин. До Ключей довезёшь? Я заплачу.

В подтверждение последних слов он снял с пояса матерчатый кошелек, распустил стягивающие горловину тесёмки. Встряхнул мешочек, заставив коротко звякнуть приличную горсть лежащих внутри монет. Закончив это маленькое представление, так и стоял с раскрытым кошельком в руках, вопросительно глядя на Аркашу. Его баба молча переминаясь с ноги на ногу. Лицо выражало нервозность и нетерпение. Похоже, ноша не из лёгких. Бабе избавиться бы от неё поскорей.

Вынув изо рта пробку, Башка приложился к фляге. По старой привычке тянул время, прикидывая, как обернуть ситуацию в свою пользу. Рискованно, конечно, «работать» чужом, совершенно незнакомом месте, не до конца разобравшись в обстановке. Но мужик ведь сам напрашивается. Причём самым наглым образом. Да и люди, в конце-то концов, повсюду одинаковые.

Он оторвался от фляги и внимательно посмотрел на вопрошающего. Неторопливо дожевывая хлеб, отвернулся. Ни на кого не глядя, с полным безразличием, на какое только был способен, произнёс:

– Не по пути.

«У тебя ещё есть шанс, мужик. Отвяжись по-хорошему. Но если снова начнёшь пристаывать, я не выдержу этого искушения».

Но тот ничуть не смутился, и отвязываться не спешил.

– Я заплачу больше, чтобы ты не жалел о лишней дороге.

Это можно было понять, как «плачу за дорогу в оба конца, шеф». Потенциальный наниматель снова завязал тесёмки на кошеле и вдруг бросил его Аркаше. Поймав увесистый мешочек, Башка уже не хотел с ним расставаться. Решил, что будет полным идиотом, если не нагреет этого лоха, так бездумно расшвыривающего деньги. Положив на место флягу, он лениво, как бы с неохотой, проговорил:

– Ну, ладно. Грузи поклажу, а я пока отойду нужду справить.

Женщина мгновенно водрузила всё своё богатство на телегу и начала его раскладывать. Мужик, довольный, что нанял-таки «колёса», с гордо поднятой головой давал ей какие-то указания. А Башка, опустив кошель в карман, протискивался к тому месту, где расстался с Пырёвым и где условился с ним встретиться. Добравшись, нашёл нишу в стене и спрятался туда. Сам прекрасно видел мужика с бабой, умастившихся на ворохе сваленных в телегу покупок. Ну и смеху будет, когда хозяин повозки придёт.

– Вот ты где, – раздался над ухом голос Пырёва, заставив Аркашу вздрогнуть.

Стас уселся на лежавшее рядом бревно и доложил результаты рекогносцировки:

– Здесь процветает и натуральный обмен, и торговля за деньги. Круглые монеты, называемые «пятаками». Они действительно похожи на свиные пяточки. Обменять мы вряд ли что сможем, так как ничего путного у нас нет, но попробуем. Если не обменяем, то хоть продадим. Твой плащ к примеру.

– Свои шмотки продавай, а мои не тронь, – отрезал Башка. – Я себе на жизнь и так заработаю. Вот, видал?

Он выудил из кармана кошель и потряс перед глазами Пырёва.

– Уже свистнул у кого-то? – поинтересовался тот, ловким движением вырвав мешочек.

– Отдай! – Аркаша запоздало хватанул пустоту.

– Реквизировано в доход государства. Кого обчистил?

– Обижаешь, начальник. Воровством не промышляю. А это люди сердобольные поделились. На совершенно добровольных началах, прошу заметить.

Развязав кошелек, Пырёв запустил в него руку, извлёк несколько круглых монет желтоватого цвета. Осмотрев, бросил обратно и сочувственно уставился на Аркашу.

– Тебя ни на минуту нельзя оставить. Стоило мне отойти, как ты тут же провернул очередное дельце. Практически без подготовки. Нет, как только найду первую попавшуюся тюрьму или что-нибудь в этом роде, сразу определю тебя туда, как опасный для общества элемент.

– Этот элемент, между прочим, заботится о нашем пропитании, – надул губы Аркаша.

– Ладно. Думаю, о хозяине кошелька тебя спрашивать бесполезно. Впрочем, если ты даже и попытаешься вернуть ему деньги, то боюсь, в тюрьму попадёшь гораздо быстрее без какой-либо помощи с моей стороны, ещё и с телесными повреждениями. Если вообще на ножи не поставят.

Пырёв пересыпал монеты в карман, а опустевший мешочек откинул в сторону. Совсем не лишняя предосторожность с точки зрения Башки. По кошельку их легко вычислят. А деньги, как известно, не пахнут. Или, говоря словами Пырёва, не имеют индивидуальных признаков.

Встав с бревна, Стас кивнул на снадальню, которую им показал Михайлик:

– Пошли устраиваться на постой. Будем считать, что плащ ты сохранил, и он пока побудет при тебе.

Они двинулись в обход толпы. Сзади кто-то заголосил, Аркаша обернулся. С ехидной улыбкой на губах он смотрел, как вокруг небезызвестной ему телеги бегают, причитая, полноватая тётка, подбирая с земли вещи, которые энергично сбрасывал подошедший хозяин гужевого транспорта. Тот не обращал никакого внимания ни на её визг, ни на громкие возмущения стоявшего рядом мужика, чей пустой кошелек был только что выпотрошен Пырёвым и сиротливо пылился на улице под ногами прохожих.

Снадальня находилась в большом, сильно вытянутом в длину одноэтажном здании с высокой двухскатной крышей. Обращённый к площади фасад украшали кричащие рисунки, дававшие понять, что здесь путника ждёт и пища, и постель. Двор скрывался за глухим деревянным забором. Переступив порог, Пырёв с Аркашей оказались в просторном зале. Ряды длинных столов и скамеек делали его похожим на солдатскую столовую. Надо сказать, что Башке это напомнило точно такое же по назначению заведение, только в несколько ином, не столь отдалённом, как принято говорить, месте.

За разными столами сидят человек двенадцать посетителей. Перед каждым тарелка. Все усердно чавкают, черпая деревянными ложками какую-то похлёбку. В воздухе витает аромат жареного мяса, бульона и ещё неизвестно чего, но, судя по запахам, чертовски вкусного.

Желудки вошедших дружно заурчали. Да так и тянули дуэтом заунывную песню весь путь от входа до занавешенного дымной пеленой кухонного проёма. Там, за стойкой, развалился на стуле грузный толстяк в засаленном длинном фартуке. Красную лоснящуюся физиономию венчала поросшая редкими волосами лысина. Завидев новых клиентов, толстяк оценивающе уставился на них. Пробежал быстро по лицам и одежде. Особое внимание уделил мечам Стаса. Глаз у него, как видно, намётан. Мужичок безошибочно определил, что люди прибыли изда-лека:

– Путники?

Вопрос риторический. Задан лишь затем, чтобы подтвердить выводы наблюдателя. Пырёв это понял. Коротко кивнул. То же самое сделал толстяк, получив ожидаемый ответ.

– Повозки, лошади? Поклажа, скот?

Наверно, хозяин, а это, без сомнения, был он, не привык тратить время на слова. Или ему попросту обрыдло повторять одно и то же каждому новоприбывшему. Поэтому особой разговорчивостью не страдал.

– Нет, всё наше при нас, – Пырёв показал пустые руки. – Сколько стоит ночлег?

Жиденькие брови толстяка удивлённо поднялись.

– Вы собираетесь пробыть у меня всю ночь?

Ах, да, здесь ночь и зима одно и то же. Нужно избавляться от привычных терминов. Не показывая, что оговорился, Пырёв осторожно спросил:

– А что в этом такого?

– Ишо вечер не опустился, а вы уж ночь поминаете. Не гоже загадывать на столь долгий срок. Вы можете завершить свои дела раньше, а я беру плату впредь и деньги не вертаю. Дабы люди добрые не остались в накладе, могу предложить взять с вас три пятака за три сна. За снесь отдельно. А дале поглядим. Останетесь ишо – доплатите.

– Годится, – ответил Пырёв, предполагая, что «сон» вряд ли длиннее земных суток, и торопливо выложил на стойку три монеты.

Толстяк пухлой ладонью сгреб их в карман фартука и ткнул пальцем в дверь напротив:

– Леворуч у меня мужики спят. Любые свободные лежаки ваши.

Решив, что разговор закончен, снова откинулся на спинку стула.

– А как насчёт пожрать? – встрял Аркаша.

– Пятак за едока – снедь перед сном и после, – всё так же коротко ответил хозяин.

Стас молча выложил ещё две монеты, тут же последовавшие за своими предшественницами в широченный хозяйский карман. Через минуту земляне уже сидели за одним из столов. Прихлёбывали гороховый суп, рвали зубами хлеб и жареную курятину, запивая её квасом.

Спальня за дверью была не менее просторной, чем столовая. На женскую и мужскую половины разделена тонкой перегородкой. Каждая половина – длинный зал, заставленный в ряд широкими деревянными скамейками, поверх которых лежат пузатые матрасы, набитые чем-то мягким и зачехлённые постельным бельём. Таких скамеек около двадцати пяти. Казарма да и только. Это сходство подчёркивают грубые деревянные табуреты возле каждого лежака. Есть и пять номеров «люкс» в отдельных комнатах. Видать, для супружеских пар.

Поскольку Пырёв с Аркашей в супруги не годились, им пришлось довольствоваться двумя лежаками в углу мужской половины. Другие кровати ещё никто не занял. Женская половина и отдельные номера, судя по царившей там тишине, тоже оставались пока свободными.

Из спальни можно было попасть во двор. Туда вела задняя дверь. От нечего делать постояльцы решили воспользоваться случаем и осмотреть хозяйство толстяка.

Забор огораживал не такую уж и маленькую, как могло показаться вначале, площадь. Здесь раскинулось целое хозяйство: конюшня, курятник, свинарник, загон для скота, сеновал. Даже баня стояла, срубленная из толстых брёвен. У одной из её стен в аккуратной поленнице лежали дрова. Посреди двора торчал квадратный колодец с настоящим «журавлём». На конце «клюва» из длинной жерди висело пузатая деревянная бадья.

Конюшня и загон пустовали. Зато в свинарнике с курятником кипела жизнь. По двору гордо расхаживали петухи, поочередно пробуя силу своего голоса. Куры одобрительно кудахтали, а свиньи, как всегда, валялись в грязи, довольно похрюкивая, и везде совали свои приплюснутые носы. С общим гамом двора смешивался доносившийся из-за ограды шум ярмарочной кутерьмы.

Вышел хозяин. В руках лукошко с зерном. Стоило появиться его тучному телу, как огороженное забором пространство словно сжалось, став куда меньше. Швырнув приличную горсть зерна в разгуливающих кур, он подошёл к Пырёву с Аркашей, не обращая внимания на шевелящийся пернатый ковёр из набросившихся на еду птиц. Неожиданно приветливо улыбнулся, спросив:

– Ну что, перехожие, обустроились?

– Устроились. Спасибо, – за обоих ответил Стас.

Хозяин прислушался к гомону с обратной стороны забора. Кивнул в ту сторону:

– Скоро утихомятся. Тогда жди гостей. Ноне ко сну битком набьют снедадьню. И вам скучно не будет.

Взглянув на солнце, только наполовину видневшееся из-за крыш, Пырёв поинтересовался:

– А время сна... когда оно... Когда народ соберётся в снедадьне?

– Да скоро уж. Почитай, третий сполох гомонят. Пора бы закругляться.

– А ночь скоро наступит?

Толстяка это почему-то позабавило. Коротко хохотнув, он весело ответил:

– Эк хватил, милой. Ишо две луны вечер до ночи держаться будет.

– Это что ж значит? – раздался за спиной разгорячённый шёпот Аркаши. – Два месяца, что ли, ночь ждать?

– Да, – задумчиво произнёс Пырёв. – А ещё это значит, что здесь тоже есть Луна.

Хозяин вернулся в дом, оставив постояльцев глазеть на небо в поисках подтверждения только что сделанного ими открытия.

До сих пор никто из них особо не интересовался, как местные следят за временем. Не до того было. Лишь о том и думали, как бы скорее домой попасть. Спасали часы Пырёва, которые тот заводил чаще, чем нужно. Ведь если остановятся, стрелки уже не подведёшь. С чем сверять-то? Ни подсмотреть негде, ни спросить не у кого...

Какое счастье снять с себя одежду и смыть, наконец, к чёртовой матери всю дорожную пыль! Аркаша с Пырёвым от души поливали друг друга колодезной водой, не успевая выуживать «журавлём» наполненное ведро. Её студеная прохлада хорошенько взбудрила. Но после водных процедур и сытного ужина землян сморил сон. И не удивительно, долгий поход вымотал их сильнее любого дружинника. А те короткие привалы разве можно считать полноценным отдыхом?

Зато теперь изнурительный марш позади. Где-то далеко, за каменными стенами города, осталась война с какими-то там скитами. Беспокойная Земля со всей её технологией и общественными проблемами ещё дальше. Впереди лишь томительное ожидание момента, когда можно будет отправиться на поиски человека, способного указать путь домой.

Не мудрено, что сон быстро сморил землян, загнав их в постель.

К вечеру, если это время можно условно таким считать, в снедавшую действительно повалил народ. По мере того, как затихала на площади ярмарочная суета, нарастал шум в столовой и спальне, где отдыхали Аркаша со Стасом. За перегородкой тараторили женщины, а на мужской половине разношёрстно одетые путники бойко обсуждали прошедшие торги, приобретённые покупки и последние новости. Топали сапоги по скрипучим половицам, шаркали подошвы, стучали табуреты, елозили лежаки. В таком гомоне спокойно спать казалось невозможным. Но разбуженный громкими звуками Аркаша, которого никак не оставляла накопившаяся усталость, засыпал снова и снова. Пырёв же и вовсе не просыпался, не смотря на царивший вокруг хаос. Годы службы приучили его к подобным особенностям казарменного быта, поэтому никакого дискомфорта он не ощущал.

Переживания последних дней вымотали Пырёва. Неожиданно резкие перемены отбросили в прошлое прежнюю жизнь в мире машин и промышленных городов. Сделали её несуществующей в привычном восприятии. Чего стоил один только полярный день далеко не на полюсе. Что это вообще за место такое? Каким ветром их сюда занесло и, главное, почему? Пырёв упорно искал ответы и не находил. Неизвестность, непонимание и расплывчатое, зыбкое видение будущего тяжким грузом легли на плечи, надолго, если не навсегда, лишив покоя.

Потому голова Стаса, вконец измотанная терзаниями, просто выключилась, погрузив его в глубокий спасительный сон. Ему снилось, что он в родном городе бродит в толпе незнакомых людей, о чём-то всех спрашивая. Но никто не говорит с ним, даже не обращает внимания, словно Стас невидимка, которого не замечают и не слышат. Люди проходят мимо. Он пытается схватить кого-то за плечо, но рука проваливается в пустоту. Прохожие, машины, дома – всё вдруг исчезает. Он стоит на кургане с тремя каменными колоннами посреди бескрайнего поля. Напротив белобрысый бандит, с которым столкнулись в гостинице. Ухмыляется, целясь из пистолета. Ствол бесшумно выплёвывает пламя, бьющее в грудь. И снова Стас в мире бетона и железа, среди толпы слепоглухонемых прохожих и равнодушных машин...

Резко подскочил на кровати с бешено бьющимся сердцем. Успокоился лишь поняв, что по-прежнему в заведении толстяка, в Трепутивле, под медлительным, неторопливо заходящим солнцем этого мира.

Постояльцы снедалини поочередно умывались, шли завтракать и снова убегали на ярмарку. Постепенно пустела спальня, потом столовая и в последнюю очередь скотный двор. Из-за ограды стал доноситься нарастающий гул начинающего набирать обороты базарного дня.

Только земляне остались не у дел. Когда в спальне кроме них уже никого не было, Аркаша сладко потянулся.

– Слышь, Петрович, – повернул голову к Пырёву, безучастно глядевшему в потолок. – Раз уж нас выбросило из своей реальности, надо как-нибудь здесь устраиваться. Тех бабок, что я достал, хватит на какое-то время, но потом они же кончатся. Не помешало бы ещё подзаработать, а?

Стас это прекрасно понимал. Деньги нужны. Только добывать их надо явно не Аркашиними методами. Не хватало ещё преступниками стать. И без того проблем выше крыши.

Первое, что пришло на ум, побеседовать с хозяином снедалини, и Пырёв потопал к нему. В разговоре воспользовался Аркашиной легендой, напев, что путешествуют они по свету из таких далей, о которых никому ничего не известно ни в Трепутивле, ни в ближайших окрестностях. Впрочем, это почти правда. Над вопросом где можно найти работу в городе толстяк ненадолго задумался. И вдруг заявил, что готов нанять обоих землян работниками к себе в снедалиню. Посчитав это удачей, Стас тут же согласился. В городе в поисках заработка они запросто могли нажить себе кучу неприятностей, не имея ни малейшего понятия об укладе местной жизни, её правилах и обычаях. По поводу оплаты долго рядиться не стал. Не в том положении, чтобы выделываться. Сговорились довольно легко – работать будут за один пятак на двоих от сна до сна, плюс дармовые кормёжка и койки. Знать бы ещё выгодную ли сделку заключил. Попросту не с чем сравнить.

Новые работники взялись за дело споро, с завидным энтузиазмом. Не хотелось выглядеть в глазах работодателя развращенными прелестями цивилизации неженками. Каждое поручаемое дело исполняли старательно, с прилежанием. Даже когда не хватало нужной квалификации. Едва проснувшись, мчались во двор. Пилили брёвна, рубили дрова, топили печи, таскали воду, кормили свиней и кур, чистили конюшню и скотник, ухаживали за лошадьми постояльцев. Покончив с одним заданием, тут же спешили за новым, не давая хозяину опомниться и заставить их прохлаждающимися без дела.

Проخور, как звали толстяка, работал до этого в своём заведении вдвоём с женой Пиланьей. Помогала им ещё одна женщина по имени Марфа. Какая-то дальняя родственница, не то самого хозяина, не то жены. Бабы стряпали на кухне, стирали, мыли посуду, полы, наводили порядок в спальнях и в обеденном зале. Вся остальная работа целиком лежала на Прохоре. Последнее время ему всё труднее было справляться, и всё чаще он подумывал о том, чтобы нанять кого-нибудь себе в помощь. Тут-то и подвернулся Пырёв с разговором о поиске работы. Проخور увидел в этом божий промысел, не став ему противиться.

О принятом решении жалеть не пришлось. Наоборот, работники оказались хоть куда, и Проخور не уставал их нахваливать. Пускай не всё получалось с первого раза, но, видя как они стараются, хозяин многого и не требовал. На первых порах пришлось даже обучать парней кое-каким нехитрым премудростям. К неописуемому восторгу Прохора те быстро втянулись, схватывая всё буквально на лету. Практики для оттачивания приобретённых навыков было хоть отбавляй. Не обходилось, правда, без некоторых сложностей, а иногда и казусов.

Как-то раз Проخور вручил своим работникам нож и отправил на двор зарезать свинью, предварительно показав какую. О том, как это делается, у Пырёва имелось лишь смутное представление, а у Башки вообще никакого. Попытка заставить жертву врасплох, тихо подкравшись к ней с двух сторон, закончилась полным провалом. Она вырвалась из рук и с диким визгом начала бегать по двору, переполошив своих собратьев и мирно гуляющих кур. Ловчие упали в грязь, звонко треснувшись лбами.

Сменив тактику, Пырёв с ножом наперевес и диким криком «у-у, зарраза!» стал загонять непослушную свинью на Аркашу. Это получилось, но тут опрофанился Башка. Он почти схватил несущуюся на него животину, однако не учёл, насколько сильным окажется у той инстинкт самосохранения. К тому же, выбрал неудачную позицию. В итоге, свалился в деревянное корыто с поросычьим кормом, а потенциальная жертва прогребла ему копытцами по груди, потом по лицу и снова вырвалась. Теперь все свиньи без исключения носились по двору и громко визжали, как сумасшедшие. Упрямая свинья наотрез отказывалась идти под нож. Но явно недооценила упорство исполнителей вынесенного ей приговора. После долгой, изматывающей беготни Аркаша умудрился в падении схватить задние ноги прыткой хрюшки, а подоспевший Пырёв навалился сверху. Тут же свинью перевернули на спину. Ни секунды не медля, Стас ударил её ножом под левую переднюю ногу. Животное заверещало ещё громче, но умирать почему-то не торопилось. Поняв, что рана не смертельная, Пырёв снова пустил нож в дело. И так ещё трижды, пока свинья не истекла кровью и не испустила дух.

Трясущимися руками Аркаша упёрся в землю. Его рвало. Когда желудок опустел, поднял на Пырёва лихорадочно бегающий взгляд. Пытаясь отдышаться, выдавил с трудом:

– Ну, ты мясник... Небось, не только свинью... человека так вот запросто... прирежешь и всё... Тебе это ничего не стоит... Ты как хочешь, а я в экзекуциях этих больше не участвую.

В ответ Стас лишь устало махнул окровавленной рукой.

Когда вернулся Прохор, отлучавшийся по каким-то своим делам, он сначала громко хохотал над перепачканными кровью, вываленными в грязи горе-работниками. Но после того, как разглядел, что зарезали они вовсе не ту свинью, смеяться ему вдруг расхотелось.

– Откуда я знаю, кто из них Борька, а кто Петька? – оправдывался Пырёв. – Они все на одно рыло.

Сильно журить работников Прохор не стал, но и благодарности они, само собой, не дождались. Следующую свинью Пырёв резал вдвоём с Прохором. Аркаша, категорически настроенный против кровавого насилия, даже не смотрел в их сторону. С той поры туши свиней и кур на кухню поставлял один Стас, набивший на этом руку.

А у Башки обнаружился другой талант. Он ходил за покупками. Отправив его как-то раз на базар со списком нужных товаров и необходимой для этого суммой, Прохор немало удивился, когда Аркаша принёс всё заказанное и вернул хозяину чуть ли не половину монет. Теперь Башка ведал снабжением в снадальне. Его способность делать деньги из ничего вызывала у Прохора неподдельный восторг. Довольно часто хозяин оставлял его за стойкой заведения или брал с собой на деловые переговоры.

В общем, жизнь землян в новом мире медленно, но уверенно налаживалась.

После того, как они начали трудиться на Прохора, ярмарка пошумела ещё недели три. Постепенно сбавляя обороты, плавно сошла на нет. Поток купцов и гостей, приезжавших кто дороже продать, кто дешевле купить, а кто просто погулять и поглазеть, однажды вдруг иссяк. Остались только торговцы мелким штучным товаром, сиротливо ютившиеся в лотках по краям площади. Изнывая от безделья, они жадно вонзали взгляды в редких прохожих, пытаясь в каждом узреть своего потенциального покупателя.

Опустела и снадальня. Настали спокойные деньки, не занятые суматохой и срочными делами...

Глава 7

С оттоком посетителей возник своеобразный информационный вакуум.

Если раньше, чтобы узнать свежие новости, достаточно было потолкаться среди постольцев, мусолящих между собой последние события, то теперь приходилось самим выступать в роли журналистов. То есть общаться с горожанами, анализировать кучу добытых сплетен и слухов, просеивать их через мелкое сито здравого смысла, чтобы в итоге выудить из всего этого нечто более-менее похожее на правду. Сначала ярмарочная братия на все лады смаковала поход на скитов. Все знали, что князь выступил во главе объединённой дружины навстречу кочевникам. Юнос и Петрик с его отцом Яромиром тоже присоединились к походу. Войско разбило передовые отряды врага и отбросило его к Суматошью, где на тот момент обосновался Скал с основными силами. Княжеская дружина взяла город в осаду.

Потом ярмарка закрылась, гости поразъехались, а среди местных жителей стали бродить самые противоречивые слухи. Кто говорил, что кочевники успели отступить в Пограничную Крепость и засели там. Кто утверждал, что княжеское войско уже в Крепости. А кто с пеной у рта доказывал, что даже Суматошьё пока не взято, и там идут кровавые бои. Вот и думай, где вымысел, а где правда.

Как-то раз, во время очередного поиска надёжного источника информации Пырёв неожиданно встретил Кардаша, начальника городской стражи. На удивление Стаса тот сразу его узнал. Мало того, все мытарства землян с момента приезда в город ему были хорошо известны. Оказалось, что Юнос перед тем, как отправиться в поход, попросил своего старого друга присмотреть за гостями, а в случае чего им помочь. Кардаш исправно выполнил эту просьбу. Но, наблюдая за Аркашей со Стасом, пришёл к выводу, что эти двое и сами вполне способны о себе позаботиться. Потому и не торопился лезть с помощью. Чего ради, если в ней никто не нуждается. Всё же при встрече, соблюдая приличие, поинтересовался у Пырёва, не надобно ли чего. Само собой, ответ был отрицательным.

Пока нет князя, руководит жизнью города как раз-таки начальник стражи. Через гонцов он поддерживает с правителем постоянную связь, потому прекрасно знает всё о ходе войны на северо-востоке. Вот она, информация из первых рук!

Пырёв немедленно засыпал Кардаша вопросами. От него узнал, что после ухода дружины Петрика из Суматошья скиты беспрепятственно разграбили этот замечательный город. Больше половины жителей были убиты, не смотря на то, что не оказали никакого сопротивления и даже сами открыли ворота. До подхода княжеской дружины Скал увёл основную часть своей армии в Пограничную Крепость. В разорённом городе остался лишь небольшой гарнизон. Продержался тот недолго, но достаточно, чтобы дать время Скалу занять новый рубеж. Там к нему продолжали стягиваться разрозненные скитские племена. Прознали о небывалом успехе одного из своих вождей, открывшего долгожданный путь в южные земли. Вот и шли, чтобы успеть отщипнуть себе от пирога.

Потрёпанная армия кочевников снова росла и крепла. Войску князя после взятия Суматошья тоже требовалось пополнение, чтобы дальше гнать врага. Сейчас второй такой штурм грозил полным истощением дружин. А в перспективе это проигранная война. Поэтому князь остался на месте, восстанавливая силы и отвоёванный город. Его укреплённость и расположение вполне годились, чтобы стать плацдармом для подготовки дальнейшего наступления на север. Все полагали, что и кочевникам не резон выступать в поход, и они зазимуют в Крепости. Уже начиналась осенняя распутица. Поэтому окончательную разборку отложили до весны.

Солнце, продолжая едва заметно, но неумолимо ползти вперёд, полностью скрылось за горизонтом. Вот уже три периода сна землю освещала багряная заря, щедро раскрасив алым низко нависшие облака. С заходом солнца полностью вступила в свои права сумеречная осень.

Деревья враз оголились. Вся зелень, лишённая тепла и света, моментально, как по команде, пожухла и опала, покрыв землю сплошным жёлтым ковром. Сухая листва шуршала под ногами, перекатываясь с места на место, гонимая дуновениями промозглого осеннего ветра. Погода портилась на глазах, словно только и ждала ухода дневного светила. Если совсем недавно было сравнительно тепло и сухо, то теперь постоянно лил дождь, превращая землю в сплошной кисель.

– Вечор, – деловито говорил Прохор в ответ на ругательства работников по поводу непогоды.

Зато стало понятно, почему хозяин торопил с постройкой навеса для заготовленных дров.

Как только настали сумерки, в снадальню повадились другие постояльцы, разительно отличавшиеся от ярмарочных торговцев. Эти приезжали верхами, по два-три человека, редко если по одному. При всех оружие. Самое разнообразное, от колющие-рубящего до метательного. А также скудный багаж всего остального. У каждого непременно доспехи в поклаже.

– Бродяги, ведуны, – таинственно шептал хозяин, уважительно и с трепетом поглядывая в сторону недавно поселившихся двух мужчин, мирно жующих за дальним столом. – Никогда не расстаются с оружием. В нём их сила. Толку от умения, коль не защитишь им никого. А эти могут. Нечисть от них бежит, как от огня. Они носители доброго света во мраке зла.

Последние слова озадачили Стаса. Столько было в них искренней теплоты и высокопарной торжественности. Странно, с чего бы немногословный толстяк стал вдруг красноречивым рассказчиком. Но на этом, видимо, вдохновение Прохора иссякло, и он умолк.

Непринуждённо болтая с горожанами и постояльцами снадальни, Пырёв разузнал, что когда опускается ночная мгла, окутывая землю зимней стужей, отовсюду из своих убежищ выползает на волю нежить. В окрестностях селений появляются упыри, оборотни, и прочие твари, каких только может вообразить воспалённое кошмарами сознание. Ночная жизнь превращается в царство зла и холода. Будучи реалистом, поверить на все сто в эти истории Стас не мог. Считал их, если не сказками, то явным преувеличением. Не следовало, правда, забывать, что сейчас они не у себя на Земле. Это иной, абсолютно незнакомый мир, который только-только начал раскрывать свои тайны. И в нём возможны всякие чудеса.

Земляне уже общались с разными духами. Пырёв даже самолично пару волколаков пристрелил. Теперь вот ведуны, которые с тем самым мифическим злом борются. Живые и реальные. До сих пор знали только двоих, Юноса с Михайликом, считая тех просто воинами, владевшими частью каких-то сверхчеловеческих способностей. На поверку выходит, что у ведунов куда более узкая специализация. Но столь большое число этих борцов со злом поневоле рождало неутешительные мысли. Во-первых, те твари, о которых местные жители слагают ужасные истории, действительно существуют. Во-вторых, они очень опасны, и их чертовски много! Принцип «не поймёшь, пока сам не увидишь» как-то не хотелось применять к себе. И Стас пустился расспрашивать молчаливого Прохора о ведунах и о тех, кому они противостоят.

Попав под профессиональный прессинг опытного дознавателя, хозяин снадальни скоро сдался. Сбивчиво, через пень колоду, но выложил подробности ночной жизни. Рассказ сводился к тому, что пока солнце светит в небе, на земле господствуют добрые силы. Нечисть не терпит солнечного света и прячется в местах, куда не достают его лучи. А то и вовсе убегает от светила, скрываясь в преследуемой им темноте. Но стоит солнцу зайти, вновь наступает мрак. Под его покровом по земле растекается холодное зло, стремящееся погасить очаги жизни.

Проще говоря, приходит зима с её неизменными морозами, снегом и льдом. В такую-то пору самое раздолье для подыхающей от зноя нежити. Все её многочисленные представители, прятаясь до поры в укромных местах, покидают свои обжитые за лето убежища. Спешат побродить по родным просторам, ставшим пригодными для их обитания, в поисках вожаковой пищи. Жаль только, что предпочитают они еду, в которой теплится жизнь. А поскольку её

самые большие скопления расположены в человеческих поселениях, туда и стремится нечисть. Для охоты она хорошо вооружена. Острые зубы, когти, мощная мускулатура. Но не только. У большинства ещё и разум, и присущее этим тварям своеобразное дьявольское волшебство. Так вот и живут. Летом партизанят в тени лесов и гор. Зимой же превращаются в настоящую неприятельскую армию, способную вырезать всё живое в целом поселении. Потому и городят люди стены вокруг своих жилищ.

Единственной силой, способной противостоять таким набегам, остаются ведуны, владеющие тайными знаниями. Они могут накапливать в себе солнечный свет. В минуту опасности разят ночных демонов этой энергией, которая действует на тех не хуже ядерного взрыва. Видя столь великую силу, способную оградить от нападков нежити, люди всячески обихаживают ведунов. Зазывают где одного, а где сразу нескольких пожить ночь в их доме, деревне, городе – где угодно, лишь бы защитить население от нашествия тёмных сил. Так и повелось. Перед наступлением ночи ведуны проходят по сёлам в поисках зимовки, предлагая народу свои услуги. Им никогда ни в чём не отказывают, везде принимая с должным уважением и почётом.

– А кто им платит-то? И сколько? – вдруг совсем рядом раздался голос Башки.

Только теперь Пырёв заметил, что тот сидит за его спиной и, наострив уши, внимательно ловит каждое слово. И когда успел подобраться?

– Дык, почитай, всё лето каждый житель сносит до князя нашего по пятаку. Он на деньги те и город содержит, и ведунов потчует.

Аркаша присвистнул:

– Общак, значит. Оно, конечно, раз пахан есть, то и общак должен быть. А где он собранные пятаки хранит?

– Не зарься на государеву казну, – злобно шикнул Стас, чтобы услышал только Башка. – Рылом не вышел.

– Что ты, что ты, – торопливо отмахнулся тот. – Я же понимаю. Это ж святое...

Алчный огонь, разгоревшийся было в его глазах, быстро угас. Пырёв так и не понял, серьёзно говорит Башка или только прикидывается.

Входная дверь с треском распахнулась, обдав помещение запахом дождливой улицы. Под порывами ветра заметалось пламя горевших на столе свечей. В пляшущем свете с трудом разглядели закутанную в мокрый плащ фигуру вошедшего. Пырёв насторожился. Гость выглядел угрожающе. Гораздо выше среднего роста. Массивные габариты занимали почти весь дверной проем.

Мужчина шагнул от входа и направился между рядами столов напрямиком к Стасу. Лицо скрыто накинутым на голову широким капюшоном. С плаща стекает вода, отмечая на полу пройденный путь. При каждом шаге слышно приглушённое бряцание металла. Это натолкнуло на мысль, что мужчина вооружён.

Возле Стаса он остановился. Казалось, человек буравит его глазами. Пырёв ясно чувствовал этот давящий, пришпиливающий к месту взгляд, под которым стало чертовски неуютно. Лицо запылало. Поднявшись из-за стола, Стас повернулся всем корпусом и вопросительно уставился на гостя. Вроде как показал, что готов к беседе. Но тот, похоже, никуда не спешил, продолжая играть в молчанку.

Дистанция между ними пока безопасная. Чтобы нанести удар, для начала придётся сделать шаг. Хочется верить, что гость пришёл сюда не за этим.

– Ты Упырь? – раздался хриплый бас из-под капюшона.

Вот, чёрт. Стоило только раз Башке назвать его этим дурацким прозвищем, как оно уже прилипло, став популярнее родного имени. Где этот болван?

Аркаши за столом уже не было. Его словно ветром сдуло. Что за человек. При первом же намёке на неприятности взял и улизнул. Пырёв пожалел, что при нём нет оружия. Патроны, правда, давно кончились, но хоть бы мечи Кишенича сюда. Даже сабельки эти сейчас приго-

дятся. Вряд ли Аркаша убежал за ними. Этот принципиальный чистоплюй не прикоснётся к оружию, даже точно зная, где оно лежит.

Прохор вместе с Пиланьей и Марфой сгрудились у кухонного проёма и с опаской выглядывая оттуда. Глаза толстяка источали такую жалость, что Стас чуть не прослезился. Однако почти сразу понял, что хозяина больше беспокоит возможный погром, нежели участь бесценного работника. Его взгляд буквально кричал: «Пожалуйста, не здесь!»

И посетители разбрелись как назло. Помощи ждать не от кого. Остался Пырёв один на один с незнакомцем. Не самая плохая ситуация, если подумать. Всё лучше, чем драться в меньшинстве. Кто знает, чью бы сторону заняли ведуны.

Будучи опером, Стас привык во всём полагаться на себя одного. Жизнь научила, что нельзя слишком полагаться на чью-то поддержку. Как правило, в самый ответственный момент она не приходит. Вот и сейчас...

Он постарался расслабиться. Чуть согнул ноги, чтобы в случае чего сразу действовать. Сказал спокойно:

– Некоторые и правда зовут меня Упырём. Но вообще-то имя моё Станислав. Можно просто Стас, если угодно. А вы, собственно, кто?

Пырёв нисколько не обольщался тем, что незнакомец будет отвечать на вопросы. Тот, скорее, настроен их задавать, чем выслушивать. Но и этого не сделал.

Полы плаща разлетелись, на мгновение став похожими на чёрные крылья ворона, обнажив закованный в железный панцирь торс и направленный на Стаса меч. Первым шагнул, конечно же, незнакомец, намереваясь нанести роковой удар. Но Стас был готов к нападению.

Под ноги человеку с мечом полетела ближайшая скамейка, тут же отброшенная пинком в сторону. Хоть и не задержала, но на долю секунды внимание отвлекла. Вскочив на стол, Стас в развороте впечатал стопу в лицо налётчика. Сильный удар откинул голову атакующего назад, заставив того пошатнуться и слегка отступить.

И всё? Мдааа... Пырёв ожидал большего. Если уж не полностью отключить, то хотя бы сбить с ног. Только вот незнакомец по-прежнему стоял, крепко сжимая меч. Стас лихорадочно прикидывал, что делать дальше. Из всех промелькнувших в голове вариантов подходящими казались только два. Либо тупо долбить черепушку, надеясь её стрясти, чтобы бугай всё-таки свалился. Либо заняться мечом – выбить оружие, повредив или обездвижив руку. В защищённый доспехом корпус бить бесполезно.

Гость снова двинулся. Сверкнул клинок, полоснув по ногам. Пришлось подпрыгнуть. Лезвие просвистело, разрезая пустоту. Когда подошвы снова грохнули о стол, меч незнакомца, описав замысловатый пируэт, вдруг вознёсся кверху и стал опускаться на Стаса, грозя разрубить пополам. Пырёв едва успел крутануться, встав вполборота. Меч мелькнул перед лицом. Прошёл вдоль тела в каких-то считанных сантиметрах и, коротко звякнув, вонзился в доски возле ботинок. Фух, мимо! Тут же, на автомате сделал обратный поворот, снова врезав стопой под капюшон.

Нападавшего пошатнуло, в этот раз куда сильнее. Удержался лишь благодаря тому, что не отпускал рукоять застрявшего в столе меча. Ага, не нравится!

Стас прыгнул вперёд, нанося удары одной ногой по руке с мечом, а второй в грудь. Соперник выпустил оружие и с грохотом повалился на пол, сломав подвернувшуюся скамейку. Пока он ворочался в поисках опоры, Пырёв схватил увесистый обломок скамьи. Размахнулся, норовя огреть...

Вдруг всё исчезло. Ему показалось, что голова незнакомца раскололась ещё до удара. Из трещин в черепе вырвался яркий, слепящий свет. Пырёв зажмурился, но свет проникал и сквозь веки. Правда, слепота быстро прошла, словно долго находился в тёмной комнате, а потом взял, да и включил мощную электролампу. После короткой рези глаза привыкли, вернув нормальное зрение. Теперь Стас видел столовую, залитую ярким солнечным светом. Сол-

нечным? Откуда ему здесь взяться? Солнце давно село. Хорошо видны самые дальние стены, сдвинутые потасовкой столы, выглядывающий из кухни Прохор с перепуганной физиономией и незнакомец, каким-то чудом оказавшийся опять у входа. Перелетел он туда, что ли? Сидит на полу, подпирая двери спиной. Руки вытянуты вперёд. Повёрнутые к Стасу ладони ярко сияют. Хотя нет, светится небольшой шар перед ладонями. Прямо в воздухе висит. Похож на миниатюрное солнце. Он-то и есть та самая «лампа», озаряющая снedaльню. Магия! Этого ещё не хватало. Выходит, что гость не кто иной, как...

– Ты ведун? – озвучил Пырёв свою догадку.

– А то, – прозвучало из-за сияния.

Поймал себя на том, что ещё сжимает обломок скамейки. Швырнул его на пол.

– Что ж сразу-то не сказал?

Отыскав глазами уцелевшую скамью, сел на неё. Устало вздохнул:

– Давай поговорим спокойно, без драки. Лады?

Молчание. Свет уже не казался таким нестерпимо ярким, но лицо ведуна разглядеть не давал. Успокаивало, что хозяин волшебного шара не двигается с места, как бы позволяя Пырёву говорить. Не драться же с ведуном просто из-за того, что принял Пырёва за нечистую силу. Спасибо Башке, имиджмейкер хренов.

Стас перевёл дух и как можно спокойнее продолжил:

– Ну, попробуем сначала?.. Ты прав, есть у меня такая неприглядная кличка. И что? Это лишь прозвище. Ничего больше. На самом деле я нормальный человек. Такой же, как все вокруг.

Пошатываясь, ведун с трудом поднялся на ноги, продолжая держать руки перед собой.

– Что ты видишь? – вопрос сбил с толку.

Он что, вообще не слушает, как перед ним тут распинаются? Или это уловка? Пырёв и сам не брезговал такими. Вполне обычный трюк на допросе. Преступник в полной неосознанке. Он собран, сосредоточен, сочиняя легенду о том, что не злодей вовсе, а добропорядочный и законопослушный гражданин. Что никакого преступления не совершал. И вообще находился в тот момент в совершенно другом месте. И так далее, и тому подобное. Выдумывая целую историю, он отвечает на любые, самые каверзные вопросы. Описывает мельчайшие детали, щедро скармливая ложь вместо правды. И вдруг звучит нечто совершенно отстранённое. Например, «какого цвета на вас тусы?» У вруна путаются мысли, он запинаясь и не может сразу ответить. Некоторые, бывало, просто немели. Трудно резко возвращаться из мира фантазии в реальность.

«Ну нет, приятель. Нас этими штучками не проймёшь».

– Вижу разгромленную твоими стараниями снedaльню и глухого, тупоголового истукана с фонариком в руках! – отрезал разозлённый Пырёв.

Повисла тишина. Несколько мгновений ничего не происходило. Стас ждал, что оскорблённый ведун снова кинется в драку. Но тот не шевелился. Затем развёл руки. Резко их опустив, прижал к телу. Свет тут же погас. Опять глазам привыкать к полумраку.

В тиши снedaльни раздался хриплый смех ведуна. Ему вторил залиvistый хохот, донёсшийся от входа. Вглядевшись туда, Пырёв заметил ещё одного мужчину, который, похоже, только что зашёл с улицы. Он весело смеялся и не скрывал своего лица. Стас узнал его сразу, стоило тому приблизиться к свету.

– Миха! – радостный вопль Аркаши вырвался из какого-то тёмного угла и заметался по столовой.

Следом за голосом выскочил и его обладатель с хватом наперевес. Бросив незатейливое оружие, подбежал к Михайлику и стал трясти его за руку, приговаривая:

– Куда же ты пропал? Куда подевался?

Михайлик сгрёб тщедушного Башку за плечи свободной рукой, поскольку другую тот не выпускал, словно боясь, что ведун опять исчезнет. Повернулся к опешившему Стасу и радостно воскликнул:

– Здорово, бродяги перехожие. Гляжу, неплохо устроились. Ну что, Кузя, наш человек?

Этот вопрос был задан ведуну, только что дравшемуся со Стасом. Перестав смеяться, тот заговорил ровным добродушным баском:

– Сдаётся мне, наш. Так меня приложил моей же Силой, что я до самых дверей на задках проехал. Любая нежить спеклась бы. Только вот не смыслит ни рожна, как дитя малое. Зато в драке и в хоробости равных ему не сыскать.

Скинув капюшон, ведун показал новым знакомцам широкоскулое волевое лицо, поросшее густой рыжеватой бородой. Аккуратный нос, ясные голубые глаза, прямые русые волосы и ослепительная улыбка, не говоря уже о богатырских габаритах, делали Кузю неотразимым красавцем с внешностью какого-нибудь известного киногероя. Даже отметины на лице, оставленные Стасом, нисколько не испортили впечатления.

К ведуну, обиженно поджав губы, приблизился осмелевший Прохор.

– Кузьма, ты решил пустить меня по миру? – запричитал он, картинно хватаясь пухлыми руками за сердце и обводя страдальческим взглядом царивший в столовой погром. – Что я теперича делать-то буду?

– Заниматься починкой, – невозмутимо ответил Кузя. При этом, однако, достал горсть монет и высыпал их на стол перед Прохором. Хозяин тут же утопил деньги в кармане фартука.

По прикидкам Стаса этой суммы хватило бы не только на ремонт, но и на новую столовую. Зато Прохор перестал возмущаться и тихо удалился в кухню, где что-то забормотал женщинам. Те засуетились, забегали. Проворно накрыли один из столов на четыре персоны, добавили ещё свечей и молча приступили к уборке.

Два ведуна и земляне, почувствовав голод, накинулись на еду. Подошло время ужина, о чём не забыл предусмотрительный Прохор. И гостей попотчевал, и работников накормил, оставив тех наедине. Понимал, что им надо поговорить.

Сначала все молча набивали желудки. Только насытившись, Михайлик оторвался от своей тарелки, после чего, пригладив усы, продолжил прерванную беседу:

– Я вам сказывал про Кузю. Помните? На силу нашёл его. Вечно скитается не пойми где. Пришлось поскучать, дожидаячи.

– Будто ты в Трепутивле сильно скучал, – буркнул Кузьма, перемалывая мощными челюстями куриный окорок. – Небось, горазд был наших девок лапать.

– Не без того, конечно, но были дела и поважнее.

У Кузи округлились глаза, вслед за чем раздался его делано удивлённый возглас:

– Эвон, поважнее. Да что такого важного в твоей башке оказаться может? Ветер один. Уж седину нажил, а всё как юнец по бабам шастаешь.

– Неладно в миру, – серьёзно проговорил Михайлик, проигнорировав насмешку друга.

Его слова заставили Кузю нахмуриться. Лицо помрачнело.

– Да уж, – согласился ведун. – Что-то недоброе зреет. Не только я чую. Везде, где бывал, селяне обеспокоены. Ишо не стемнело совсем, а уж носа со двора не кажут. Ведунов поболее зывать стали. Видно, весёлая ночька предстоит.

Михайлик вдруг снова повеселел, с хитровой улыбкой повернулся к Стасу.

– Как встретил Кузю, рассказал ему про вас. Шибко хотел он повидаться с тобой, когда узнал, что Аркадий свет Сергеевич тебя Упырём назвал. Хоть я и понял тогда, что нечисти никакой в тебе нет, он сам пожелал убедиться.

Стас, в который уж раз, глянул на Аркашу с укором. Тот моментально уловил его настроение и по-свойски хлопнул Михайлика по плечу:

– Ну что ты, Миха. К чему такая фамильярность. Зовите меня просто Аркадием, а его Станиславом. Вот и всё.

На эту реплику, казалось, никто не обратил внимания. Пристально посмотрев на Пырёва, Кузьма задумчиво произнёс:

– Что-то есть в тебе. Какая-то Сила чудная, не наша. Но не злая, это точно.

Повисло молчание. Стас не понимал о чём речь. Какая ещё, к чертям собачьим, сила? Сила воли, сила мысли, сила духа? Или что-то другое?

Затянувшуюся тишину прервал нетерпеливый Аркаша:

– Стоп токинг, джентльмены. Тайм аут. Дайте разъяснение, о какой такой силе мы толкуем?

Михайлик перевёл на него строгий немигающий взгляд. Ни намёка на былую весёлость. Сказал серьёзно, чеканя каждое слово, не дав ни на секунду засомневаться в том, что говорит истинную правду:

– Это внутренняя Сила души человека. Живая Сила, порождённая Ярилой-солнцем и остающаяся при нас всегда. Даже когда солнце уходит на ночной покой. Сила, дающая жизнь мёртвому, отгоняющая и разящая нежить. То единственное оружие, способное сокрушить злую тьму, не пустить её в душу.

– Вот это да, – поражённо пролепетал Аркаша. – Выходит, что ты, Петрович, настоящий колдун. Только пока об этом не знал. А у меня такая сила есть?

Судя по тону, Башка очень хотел услышать «да».

– В тебе похожая Сила, Аркадий, – серьёзно сказал Михайлик. – Она чем-то сродни злу, хотя это и не зло в чистом виде. Я бы сказал доброе зло. Правда, не пойму, как такое может сочетаться, но это так.

– Ух-ты. И я тоже не умею пока этим пользоваться?

– Да нет. Пользуешься вовсю, – заверил Михайлик и улыбнулся, увидев, как сразу засмутился Башка.

Обескураженный Стас молча переваривал услышанное. В чём его пытаются убедить? Он обладает некими сверхъестественными способностями? Причём не просто антимагией, присущей Детям Велеса, как утверждал Юнос, а чем-то намного большим. Не заблуждаются ли ведуны, выдавая желаемое за действительное? А если это такая своеобразная игра, в которой ему отвели определённую роль?

– И что из этого следует? – спросил осторожно.

Ответ дал Кузьма:

– Надо проверить твои способности. Похоже, нынешней ночью нам понадобится больше сил, чем обычно. Противостоять злу придётся всем, а не только ведунам. Если ты не будешь готов с ним встретиться, неминуемо погибнешь. Не в первый, так во второй раз. Но время на подготовку пока есть. Чует моё сердце, что придётся дорожить каждым, кто владеет Силой.

– Постараемся собрать в Трепутивле всех здешних ведунов, – вставил Михайлик.

– Боюсь, этого будет мало, – покачал головой Кузьма. – Селян тоже нельзя без защиты оставлять.

Он снова повернулся к Стасу.

– Идём с нами, Упырь. Для тебя и для нас это будет лучше всего. Какое-то время поживёшь рядом, узнаешь нас и себя. И мы тебя узнаем. А там поглядим.

Нет, они не угрожали и не предъявляли ультиматум. Басовитый голос Кузи звучал спокойно, без нажима. Обычная констатация факта. Ведуны столкнулись в его лице с непонятным явлением, которое не могли оценить однозначно и отнести на сторону добра или зла. Вот и не представляли, что с ним делать. Потом, конечно, разберутся, но если это зло, то не будет ли слишком поздно. А если добро, то зачем терять союзника. С этой точки зрения их предложение вполне логично.

Что ж, это всё-таки не учёные с Земли. Те профессора и академики распихали бы его тело по колбам да пробиркам в каком-нибудь НИИ для научных исследований. А ведуны чем-то сродни Стасу. Такие же люди, наделённые похожим талантом. Рядом с ними он, возможно, узнает о природе и причинах своего появления здесь. Глядишь, и без помощи ушедшего на войну Юноса сумеет отыскать способ вернуться домой.

– Хорошо, – выдавил Пырёв. – Только если Башку... то есть Аркадия тоже возьмёте. И не называй меня больше Упырём. Я же говорил, моё имя Стас...

Дом ведунов походил на особняк, построенный каким-нибудь новым русским, помешанным на стиле древнеславянского зодчества. За высокой каменной оградой с толстыми двустворчатými воротами раскинулся огромный двор. В его глубине стоял крепкий терем. Брёвна плотно подогнаны друг к другу, образуя идеальное двухэтажное строение. Узкие горизонтальные окна-бойницы закрывались изнутри задвижными ставнями. По углам небольшие башенки, торчавшие над крышей ровно настолько, чтобы вести круговой обзор. Это придавало всему зданию вид хорошо укрепленного оборонительного сооружения. Пырёв отметил, что такую домину тяжело будет взять штурмом, не имея достаточно мощных орудий и прочих осадных средств из более привычного земного арсенала.

В отличие от снадальни Прохора здесь, помимо лошадей, другой живности не держали. Конюшня стояла справа. А слева Стас увидел нагромождение всяких приспособов, напоминающих армейскую полосу препятствий. В основном там были брёвна разной длины. Какие-то висели на толстых канатах, какие-то в земле торчали – косо или прямо. На многих видны следы от ударов, словно кто с мечами упражнялся. Причём, довольно часто.

Проводив гостей в дом, Кузя первым делом показал комнату, где им предстояло жить. Что сказать. Обычный номер самой дешёвой гостиницы на два койкоместа. Остальные комнаты, как успел заметить вездесущий Башка, от этой ничем не отличались.

– После сна начнём испытание, – сказал Кузя и удалился.

Что за испытание, и за каким чёртом оно понадобилось, уточнять не посчитал нужным. Аркаша молча переглянулся со Стасом. Пырёв пожал плечами. Испытание, так испытание. Подумаешь, не впервой.

На новом месте устроились быстро. Тот мизер личных вещей, что носили при себе, даже все полки не занял. Сразу легли спать, поскольку поужинали ещё в снадальне. Прохор, вопреки ожиданиям Стаса, отпустил работников с лёгким сердцем. Его хозяйство к зиме подготовлено, постояльцев мало, поэтому дальше он мог справиться и сам. Расстались дружески. На прощанье бывший хозяин подарил обоим по тёплому суконному одеялу, которыми они сейчас и укрылись.

Хоть Кузьма и не держал у себя птицу, голосистый петушинный крик из соседних дворов хорошо был слышен даже за бревенчатыми стенами его хором. С первыми нерешительными кукареканиями, похожими на жалкие попытки разбудить хозяев, Кузя поднял гостей и повёл прочь из дома, на сырой после прошедшего дождя двор, велел Стасу прихватить всё своё оружие. Если не считать разряженных пистолетов, которые Пырёв благоразумно не стал брать из комнаты, в его арсенале насчитывались только два коротких меча и скитский нож. Трофейные арбалеты отдал Юносу ещё при расставании. Ему нужнее. Всё ж на войну собирался. А им здесь в кого стрелять? К тому же, в отличие от пистолета, эту громоздкую штуковину под одеждой не спрячешь. Пришлось бы таскать у всех на виду. Что в Суматошье, что в Трепутивле Стас ни у кого не заметил ни единого арбалета. Везде только луки. Получается, это исключительно скитское оружие. Некстати было бы щеголять с ним среди местных. Чего доброго, неправильно поймут.

Нацепив нож, Пырёв сунул за пояс мечи. В таком виде и пошёл на улицу. Следом, шаркая подошвами, плёлся сонный Аркаша.

Посреди двора их терпеливо ждал Кузя. Одной рукой держался за причудливо изогнутый лук, уперев его в землю, а второй обхватил рукоять меча на боку. У ног стоял цилиндрический тул с откинутой круглой крышкой. Из горловины торчали оперения стрел.

– Луком владеешь? – с ходу спросил ведун у Стаса.

– Никогда в руках не держал.

– Что ж, попробуй для начала поразить цель с полперестрела.

Кузя показал рукой на дальний конец полосы препятствий, где метрах в ста виднелся квадратный щит из досок с нарисованными кругами. Ничего себе, попробуй! Вот так, без навыков, без теории, бери да стреляй. Ещё и на такую дальность. В стрельбе из пистолета мишень и то в два раза ближе.

Стас хмуро глянул на Кузьму. «Тоже мне, преподаватель по огневой подготовке. Ради приличия мог бы хоть показать, как это делается».

Ведун словно услышал его мысли. Перехватив лук за середину левой рукой, правой достал из тула стрелу и развернулся к мишени. Придерживая ушко стрелы большим и указательными пальцами, тремя остальными плавно натянул тетиву, пока та не коснулась подбородка. Тут же, почти не целясь, выстрелил. Белое оперение быстро метнулось вдаль, с коротким свистом прочертив прямую, и, мелко подрагивая, замерло точно в центре мишени. Мастер-класс показан. Теперь очередь ученика.

Снова уперев лук в землю, Кузя расшнуровал и снял с левой руки предохранительный щиток. Передал Стасу. Терпеливо дождался, когда тот закрепит его на своём предплечье, после чего вручил и лук, уступив место возле тула.

Аркаша поёрзал, удобнее устраиваясь на лежащем бревне. Приготовился наблюдать, словно зритель в театре в предвкушении начала спектакля.

Стоявший на земле лук доставал Пырёву до груди. Гладкая костяная рукоять овальной формы удобно легла в ладонь. Что ни говори, а держать изящное, нежное на ощупь, хорошо сбалансированное оружие было чертовски приятно. Наложив стрелу на большой палец, как это делал Кузьма, Стас поймал прорезью ушка тетиву и потянул. Не так-то просто, как оказалось. Тугие плечи лука упорно сопротивлялись, не желая гнуться, а тетива и не думала приближаться к лицу. Пришлось увеличивать силу чуть ли не до предела. Только тогда оружие с горем пополам встало на боевой взвод. И как это Кузя с такой видимой лёгкостью справляется с ним? Ещё и в мишень умудряется попасть.

Мышцы ныли от напряжения. Такое чувство, что сейчас лопнут. Руки мелко тряслись, не давая нормально прицелиться. Сильнейшая нагрузка на спину и плечи. Наконечник стрелы всё время норовил соскользнуть с пальца.

– Наклони чуть влево, – посоветовал Кузьма, стоявший сбоку и немного сзади.

Действительно, так проще. Но задачу в целом не облегчает.

Устав ловить мишень, Стас отпустил тетиву. Та хлётко и сильно ударила о щиток на предплечье, чуть не отбив руку. А не будь щитка?

В цель он, конечно, не попал. Но и сил на вторую попытку больше не было.

– Найди стрелу, – распорядился Кузьма.

Облегчённо вздохнув, что не придётся снова натягивать лук, Пырёв с готовностью побежал к мишени. Свою стрелу едва нашёл, и то благодаря лишь её белому оперению. Она воткнулась в землю далеко за щитом. Дойдя до мишени, увидел на ней обтянутый толстой кожей круглый деревянный щит с железным сферическим умбоном. Выпущенная Кузей стрела пробила умбон точно в центре, а наконечник торчал с обратной стороны щита. Пуля от ПМ наверняка застряла бы где-то посередине этой смеси металла, кожи и дерева. Какая же чудовищная скорость должна быть у стрелы, чтобы пробить всё насквозь!

Возвращался в лёгком смятении. Чем ещё удивит сегодня ведун?

На счастье, Кузя не потребовал от Стаса снова пробовать поразить цель. Отложив лук с тулом, подал другую команду:

– Доставай мечи.

Стас взял клинки обратным хватом, как и примеривался к ним изначально. Слегка согнув колени, принял стойку. Руки подняты, защищая голову. Мечи вдоль предплечий остриями вниз. Кулаки защищены эфесами, готовыми в любой момент превратиться в кастеты.

– И как ты собираешься сражаться? – усмехнулся Кузьма.

– Попробуй и увидишь, – просто сказал Пырёв.

Безразлично дёрнув плечом, ведун обнажил меч и шагнул навстречу. Первый выпад Стас чуть не пропустил, едва успев отразить метнувшийся к нему клинок. Пришлось отступить, сдавая позицию. Во время второй атаки отвёл разящее жало в сторону, ответив двумя сильными ударами в грудь. Если бы не кольчуга, валяться ведуну на земле с переломанными рёбрами, а так только дыхание сбил. Но и этого оказалось достаточно, чтобы заставить его уйти в оброну. Сделав обманное движение, Стас попробовал достать соперника саблей. Та просвистела мимо. Не прерывая атаку, наотмашь ткнул остриём в грудь. Ведун парировал удар и нанёс ответный. Удалось увернуться, но затем удары посыпались градом. Теперь Стас был занят лишь тем, что непрерывно уклонялся и ставил блоки. О контратаке нечего было и думать. Тут бы не подставиться, не то, что ответить.

Почему-то Кузьма использовал только рубящие удары, избегая колоть. Возможно, поэтому быстро выдохся. В один момент они замерли друг против друга взмыленные, опустив оружие и тяжело дыша.

– Странно ты ведёшь бой, – едва отдышавшись, проговорил ведун. – Защищаться можешь, но и только. Нападать тоже уметь надо. Чары отводишь, или они на тебя не действуют – это хорошо. Будем учиться держать меч, как полагается. Ишо чего умеешь?

Убрав клинки, Стас вынул нож и метнул в бревно неподалёку. С тупым звуком лезвие вошло в дерево рядом с Аркашей. Следом полетели сабли, которые воткнулись по обе стороны от ножа.

– Эй-эй! Осторожнее, гладиаторы! – возмутился вскочивший с места Башка. – Вы так всех зрителей разгоните. Перед кем потом красоваться будете?

– Добро, – похвалил Кузьма. – Пошли, перекусим, а там и учёбой твоей займёмся. Чего её откладывать.

Учёба давалась нелегко. От сна до сна Пырёв непрестанно карабкался, перелазил и бегал по брёвнам, преодолевая полосу препятствий. Фехтовал тяжёлыми мечами, натягивал тетиву на лук и пускал стрелы. Причём делал это как пешим, так и конным. Михайлик с Кузьмой гоняли его поочерёдно, поскольку кто-то из них постоянно пропадал из города по непонятным делам. Башка, оставаясь верным принципу антимилитаризма, обучался только джигитовке. Редко присоединялся к Стасу на полосе препятствий. Большую же часть времени болтался без дела. А вот занятия по управлению Силой не пропускал никогда. Произошло это после одного наглядного урока, устроенного землянам их учителями.

Как-то раз Пырёв с Аркашей привычно вышли заниматься во двор. Но никого из ведун там не оказалось. Зато сидели два матёрых косматых волка. Огромные звери плотоядно глянули на людей. Одновременно поднялись и, ускоряя бег, бросились каждый к своей жертве. Оружия никакого при Стасе не было. Единственное, что успел сделать, это упасть на спину, поддеть ногами прыгнувшего волка и перекинуть его через себя. Быстро повернулся, но вместо зверя вдруг увидел Кузьму, который как раз вставал на ноги. Второй волк тоже принял человеческий облик, и теперь поверх валявшегося на земле Аркаши восседал улыбающийся Михайлик, приговаривая:

– Будет впредь дурням наука. Не ходи туда, где не ведаешь, чего ждать.

Башка разразился ругательствами:

– Вы чё, мать вашу, совсем охренели? Да мне с такими шуточками кардиолог раньше времени понадобится. А он у вас есть? Дегенераты хреновы!..

Кузя спокойно дождался, когда иссякнет поток полуматерной брани. Как только Аркаша заткнулся, ведун взял слово. Не давая себя перебивать, объяснил чем они, собственно, здесь только что занимались. Говоря научным языком, ведуны провели своеобразный тест на выявление магических свойств землян. Такие вот экспериментаторы выискались. Правда, толк от этой выходки всё же был.

– Чужая магия рассыпается при соприкосновении с вашими телами, – подвёл итог Кузьма. – Это и обернуло нас обратно в людей помимо воли.

– Поздновато биополе срабатывает, – пробурчал Стас.

– Надо научиться расширять Силу и пользоваться её с умом, – назидательно закончил ведун.

И они расширяли. Эти занятия больше походили на медитацию. На первых порах ни Башка, ни Пырёв не видели в них совершенно никакого смысла. Но постепенно стали чутать чужую магию, как говорится, за версту. Всегда знали, где поблизости находятся ведуны, даже если те не творили никаких чар. Могли мысленно сканировать пространство, безошибочно угадывая расположение предметов, растений, животных, не говоря уже о людях. По одному лишь взгляду на человека Стас теперь с лёгкостью считывал характер, видя его положительные и отрицательные стороны. До этого, на Земле, с ним подобное тоже бывало, когда после мимолётного общения с ранее совершенно незнакомыми людьми начинал испытывать к ним симпатию или неприязнь. Первое впечатление, как правило, всегда оказывалось верным. Считал, что дело здесь в его безупречной интуиции. Только теперь понял, откуда у неё ноги растут. Нет, это не просто жизненный опыт. Это подсознательные, глубинные чувства, отныне извлечённые на поверхность. Они открыли такие способности, о которых Стас раньше и подумать не мог.

К первым заморозкам Пырёв твёрдо освоил технику фехтования и стрельбы из лука. Одинаково нагружал отработкой ударов и блоков как правую, так и левую руку. Это позволяло при случае менять их, ничуть не теряя эффективность в бою, или сражаться двумя мечами сразу. Из лука с расстояния в полперестрела он всегда попадал в малый круг в центре, а с полного перестрела¹ – неизменно в створ мишени. Ладони огрубели, зато буквально срослись с оружием и чувствовали его, словно это продолжение руки. Конечно, Стасу было ещё ох, как далеко до мастерства ведунов, но и того умения, что уже достиг, хватало, чтобы, по крайней мере, не погибнуть в первые минуты схватки. На Земле из него получился бы неплохой боец какого-нибудь исторического клуба. Даже подумывал создать свой по возвращении. Почему нет? Будет учить пацанов драться на мечах, стрелять из лука и ездить верхом. Чем не занятие по выходу на пенсию? И сам при деле, причём интересном, и подросткам неплохая альтернатива их тусовкам и всяким сомнительным компаниям вкупе с алкоголем и наркотой.

Короткие сабли Кишенича казались теперь детской забавой. Отдал их Аркаше, который всё-таки переломил себя, решив, что в этом мире лучше быть при оружии. От нечего делать Башка начал брать уроки рукопашного боя у Пырёва, переняв его тактику обратного хвата клинков.

Уверенно чувствовал себя Стас и в седле. Даже исполнял кое-какие трюки на скаку. Но ещё лучше верхом ездил Аркаша. Располагая временем куда большим, нежели у занятого другими тренировками Стаса, он целиком и полностью посвящал себя лошадям.

¹ Перестрел – около 220 метров

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.